ЛУЧШИЕ БИОГРАФИИ

МИХАИЛ ЕВДОКИМОВ

НЕКОГДА ЖИТЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Прошло не так много времени, как не стало Михаила Евдокимова, народного любимца – блистательного артиста и губернатора Алтайского края. На месте его гибели построена часовня. Летом в его родном селе Верх-Обское проходят культурно-спортивный праздник, фестиваль имени Михаила Евдокимова… Но до сих пор не оставляет мысль, что трагедия, случившаяся на участке трассы Барнаул – Бийск, в ряду роковых смертей Игоря Талькова, Александра Лебедя, Льва Рохлина…

Михаил Евдокимов не держался за губернаторское кресло. Он только хотел сделать все возможное, чтобы его землякам жилось лучше, а Россия стала «красочной, праздничной страной».

Эта книга составлена из воспоминаний друзей, родных и близких, интервью с Михаилом Евдокимовым разных лет. Здесь впервые публикуются его рассказы, а также знаменитые интермедии, которые знают и любят тысячи соотечественников.

Книга также выходила под названием «Шел из бани. Да и все…».

- Михаил Евдокимов
  -
  - Ушел «таинственным гонцом»
  - Трагедия
    - Строки биографии
    - Из сообщений СМИ
    - Устами народа
    - Василий Морозов, писатель, Барнаул
    - Клара Новикова «В политике – жестокие игры…»
    - Михаил Румер-Зараев
    - Юрий Чернышов
  - Каким он был и как все было
    - Галина Евдокимова
    - Татьяна Мальцева
    - Константин Евдокимов
    - Александр Михайлов
    - Олег Иванов, композитор
    - Регина Дубовицкая
    - Александр Панкратов-Черный
    - Игорь Дергунов
    - Василий Морозов
    - Игорь Антимонов
    - Николай Бондарчук, доктор

сельскохозяйственных наук, профессор, Алтай
- Честным был с детства
- Судьба…
  - Первый парень на деревне
  - Я против голых животов
  - Честно говоря, я немножко лодырь!
  - Когда я начинаю тусоваться, всем тошно становится…
  - Мои концерты – разговор о жизни
  - Рыцарь смеха
  - Эх, Россия, окажись на мечту похожая
  - Я всю жизнь был независимым
  - Вот такие они, алтайские…
  - Я дурак, потому что не ворую
  - Верю в лучшее
  - Буду работать до крови из носа
  - Наверное, мне нужно было быть пожестче
- Эх, не знаю даже, чего рассказывать-то…
  - Из раннего
    - Мама Валя
    - Промашка
    - Капроновый
    - Воскресным днем
    - Мечта
    - Письмо
  - Из популярного
    - Из бани
    - Охота на Борьку
- Фильмография
- Дискография
- Использованная литература

Михаил Евдокимов
Некогда жить

© Маршкова Т.И., составление, 2010
© ООО «Алгоритм-Книга», 2010

* * *

Ушел «таинственным гонцом»
От составителя

Теперь не всякий вспомнит, что свою артистическую карьеру Михаил Евдокимов начинал пародистом. Это были на удивление незлобивые пародии даже для первой половины 1980-х. Колоритные, с народной лукавинкой, они высвечивали типы всеобщих любимцев – Бориса Андреева, Юрия Никулина, Евгения Леонова… Это позже уже был первый и последний президент СССР. А в ту свою раннюю пору сам исполнитель, наверное, неожиданно для себя вскоре тоже попал в звездный ряд. Раз-другой стоило выпустить на телеэкран, как разнеслась молва по всей нашей тогда большой стране: «А Евдокимова не видели? Вот талантливый парень!» Ну а дальше его искрометный талант только набирал высоту. А как показался публично с «Банькой», так при любом появлении артиста уже не сходила с наших лиц улыбка, и ни стар ни млад не покидало веселое настроение.

Пытаться сравнивать Евдокимова с кем-то из артистов-юмористов, тем более во времена захватившей эфир низкопробной, ничего не имеющей с искусством смехопанорамы, дело напрасное. Евдокимов он во всем Евдокимов. Если только в ранних рассказах шел от своего кумира – Василия Макаровича Шукшина. А вчитаться – и язык у него на особинку, и чудики евдокимовские, хоть и писал он их почти с натуры в алтайском селе Верх-Обское, где провел детство и юность, – а оно-то всего в 40 километрах от шукшинских Сросток.

Достигнув апогея на концертной эстраде и телеэкране, в губернаторы пошел с донкихотовским прицелом – вывести всех вредителей края на чистую воду и сделать все, чтобы землякам жилось лучше. А то ведь совсем надежду на свет в конце тоннеля у людей отняли и родную страну выпотрошили, как колхозный трактор, в эпоху перестройки.

Но… с волками жить – по-волчьи выть. Оказался неуправляем – и неугоден. С обостренным чувством справедливости бил и бил в одну точку. Не по нраву пришелся и не ко двору. Да к тому же носитель национального духа…

Его гибель стала потрясением для миллионов, для тех, кто его любил. Он ушел «таинственным гонцом» вслед за Тальковым, Лебедем, Рохлиным… В случайность ДТП в накалившейся вокруг Евдокимова грозовой атмосфере политинтриг мало кто верит и по сей день. Согласно библейской истине, рано или поздно тайное становится явным, и откроется правда. Только второго

такого Евдокимова – «целителя уставших наших душ» уже не будет никогда.

Трагедия

Строки биографии

Михаил Сергеевич Евдокимов родился 6 декабря 1957 года в городе Новокузнецке Кемеровской области. Отец, Сергей Васильевич, – сварщик. Мать, Анна Петровна, работала на шахте. У Евдокимова шесть братьев и сестер. В 1958 году семья переехала в село Верх-Обское Смоленского района Алтайского края. По окончании школы Михаил Евдокимов организовал в своем селе ВИА, пел и конферировал, затем учился в Барнауле в культпросветучилище на отделении балалаечников, работал шлифовщиком на Алтайском моторном заводе, администратором в столовой. Служил в армии в Нижнем Тагиле. В 1978–1979 годах занимал должность художественного руководителя сельского дома культуры в селе Усть-Катунь Смоленского района Алтайского края. В 1979 году поступил в Новосибирский институт торговли, был капитаном команды КВН. В свободное время писал сатирические рассказы. В 1981 году бросил учебу и уехал в Москву. Впоследствии, в 2000-х годах, все же окончил институт торговли, к тому времени переименованный в Сибирский университет потребительской кооперации (специальность – «экономика и управление на предприятии»).

В 1981 году поступал в Московское эстрадно-цирковое училище. В 1983 году приглашен в Московскую областную филармонию в качестве артиста разговорного жанра, а затем – в Москонцерт. 8 марта 1984 года дебютировал на телевидении в праздничной программе «Огонек». С 1989 года работал в концертно-театральной фирме «Музыка». В 1992-м окончил факультет режиссеров эстрады ГИТИСа.

Постоянный участник телевизионной передачи «Аншлаг». Снимался в фильмах: «Старые клячи» (2000), «Не послать ли нам гонца?» (1998), «Не валяй дурака» (1997), «Аншлаг и К°» (1996), «Про бизнесмена Фому» (1993), «Не хочу жениться» (1993). Принимал участие в озвучивании животных в дилогии Натальи Бондарчук «Бемби» («Детство Бемби», 1985 г., «Юность Бемби», 1986 г., Киностудия имени М. Горького).

В 1995 году баллотировался по Барнаульскому округу № 34 на выборах в Государственную Думу. С 1992 по апрель 2004 года – директор ООО «Театр Евдокимова».

В январе 2004 года заявил об участии в выборах губернатора Алтайского края, назначенных на 14 марта. 4 апреля 2004 года победил во втором туре, получив 49,53 % против 46,29 % у действующего губернатора Александра Сурикова. 31 марта 2005 года местный парламент (Алтайский краевой Совет народных

депутатов) вынес губернатору вотум недоверия и обратился к президенту с просьбой отстранить Михаила Евдокимова от должности. Однако Владимир Путин посоветовал конфликтующим сторонам договориться.

Погиб в автокатастрофе 7 августа 2005 года.

Заслуженный артист Российской Федерации.

Из сообщений СМИ

Барнаул, 7 августа 2005 г. Губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов погиб в воскресенье в результате аварии, которая случилась около 11 часов утра по местному времени на трассе Бийск – Барнаул.

Трагедия произошла в 15 километрах от села Зональное в районе поворота на село Плешково. Погибли сам губернатор, его водитель и охранник.

Прощание с губернатором Алтайского края Михаилом Евдокимовым, погибшим в автокатастрофе в воскресенье утром, по предварительным данным, состоится во вторник 9 августа, а похороны состоятся 10 августа. Об этом заявил журналистам исполняющий обязанности первого заместителя губернатора края Михаил Козлов.

Авария произошла утром в воскресенье на участке трассы Бийск – Барнаул. Губернатор ехал в деревню Полковниково, на торжества, посвященные 70-летию космонавта Титова.

«Мерседес», в котором находились водитель, губернатор с женой и охранником, съехал в кювет, пытаясь избежать столкновения с другим автомобилем – «тойотой». «Мерседес» врезался в дерево. Евдокимов, водитель и охранник погибли на месте. Жена губернатора Галина получила тяжелые травмы. Сейчас она находится в больнице. Никто из людей, находившихся в «тойоте», не пострадал.

По факту аварии под Бийском в краевой прокуратуре возбуждено уголовное дело по статье «нарушение правил дорожного движения, повлекшее смерть двух и более лиц».

В ГИБДД дежурной части Зонального района, где произошел инцидент, считают, что водитель губернатора грубо нарушил правила, выехав для обгона на встречную полосу на оживленном участке трассы.

Михаил Евдокимов стал четвертым российским губернатором, погибшим во время исполнения своих обязанностей за последние 3,5 года.

Он продолжил трагический ряд, в котором – губернатор Красноярского края Александр Лебедь, губернатор Магаданской области Валентин Цветков и губернатор Сахалинской области Игорь Фархутдинов.

* * *

7 августа 2005 года в 9.20 по московскому времени Евдокимов погиб в результате автомобильной аварии на трассе Бийск – Барнаул, в 100 километрах от Барнаула и 29 км от Бийска. Евдокимов и его жена Галина в сопровождении водителя и охранника направлялись в село Полковниково Косихинского района, где проходили мероприятия по случаю 70-летия со дня рождения космонавта Германа Титова.

По факту аварии было возбуждено уголовное дело. Сразу после аварии официальные лица отрицали какую-либо возможность того, что катастрофа была подстроена; так, Николай Петрович Пименов, личный пресс-секретарь Евдокимова, в день аварии заявил: «Это ДТП, и ничего более», – чем породил массу слухов и домыслов. Тем не менее его гибель могла иметь хотя бы косвенное отношение к политической борьбе в крае: незадолго до трагедии у Евдокимова, конфликтовавшего с краевыми органами внутренних дел, были отняты машины сопровождения. Ряд журналистов и политиков высказали довольно спорные предположения, что Евдокимова могли убить за то, что он пытался бороться с коррупцией, связанной, вероятно, с контрабандой (в том числе наркотиков) с территории соседнего Казахстана, с которым граничит Алтайский край. Официальное следствие не проводило проверок ни одной из версий, выходящих за предположение об «обычном ДТП».

Авария произошла в тот момент, когда губернаторский «Мерседес» пытался обогнать автомобиль «тойота-марино», за рулем которого находился житель Алтайского края Олег Щербинский. В результате «мерседес», уходя влево, на высокой скорости (около 200 км/ч) коснулся «тойоты», вылетел в кювет и врезался в землю глубокого кювета, затем задел дерево. Водитель «тойоты», а также пассажиры этой машины – женщина и двое детей – не пострадали. Супруга Евдокимова, Галина Николаевна, находившаяся вместе с ним в «мерседесе», в результате аварии получила тяжелые травмы. Водитель губернатора Иван Иванович Зуев и охранник Александр Юрьевич Устинов погибли вместе с Михаилом Евдокимовым на месте от травм, несовместимых с жизнью.

Владимир Жириновский:

«Виноват водитель! Он обязан был уступить дорогу вашему губернатору! Анархист! Повернул, не глядя, и три человека в могиле. Стой и пропусти всех слева – хоть лошадь идет, хоть человек! Автолюбители недовольны – с мигалкой ехал. При чем

здесь мигалка? Ты не имеешь права поворачивать налево, если там кто-то движется! Это ребенок знает! А они закон переиграли… Машерову вон тоже устроили аварию, такой же был хороший конкурент. Это все политические интриги. Власть – опасная штука, нельзя с ней шутить!»

Устами народа

До сих пор не верится, что его больше нет, большая утрата для всех, печаль в душе.

Увидел сообщение случайно. Просто в голове не укладывается случайность катастрофы…

Так и не успел проявить себя на должности губернатора… Почему хороших людей так быстро забирает Господь?

Настоящий народный артист – в прямом смысле, его любит весь народ. Просто не верится. Вечная память.

Странные какие-то случайности с не особо угодными губернаторами. По-моему, кто-то из «17 мгновений весны» говорил, что не верит в случайности. А Михаила жаль. Светлая ему память!

Не будем плакать, будем помнить, пока мы помним – он будет ЖИВ!!!

Очень и очень жаль – опять убийство.

Сегодня узнали о страшном событии – о гибели губернатора Михаила Евдокимова. Мы не поверили своим ушам.

Мы любили его как человека и актера.

Мир потерял очень талантливого человека.

Михаила убили. Прижал хвост ворам – вот и подстроили катастрофу. Жаль его. Вечная память. А бог, если б существовал, то забрал бы тех, кого Евдокимов разоблачил и уволил.

Ну почему, почему самые лучшие русские люди гибнут? Кто нас убивает?

Зашел в Интернет и был поражен сообщением о гибели Михаила Евдокимова. Не верится, что такой замечательный человек, народный любимец, жизнелюб, руководитель так глупо ушел из жизни. Будем помнить и скорбеть.

Все это просто ужасно, был человек и больше нет и почему-то сомнения по поводу случайности смерти.

Невосполнимая потеря. Чудовищная трагедия. Нет слов, только грусть…

Опс… не знали как избавится – убрали… очень жаль…

До боли в сердце жаль Михаила Евдокимова.

Светлая память!!

Господи… Когда я узнала об этой чудовищной трагедии, у меня был шок. До сих пор не верится, что такого человека больше нет….

Нелепая смерть. Такая тяжелая утрата. Светлая ему память.

Нужно было убрать – и они своего добились. А прокуратура как всегда всю вину переложит на водителя!

Не верю… ком в горле… Почему он? Таких, как он, нет и никогда не будет. Вечная память, Миша…

Ничего не бывает случайного. Был, видно, на редкость в наше время порядочный человек. А в нашей стране почему-то таких людей убирают либо психически, либо физически. Нет закона, защищающих порядочных людей, а вот остальное плавает наверху и не идет на дно.

Слезы на глазах, больно даже думать о том, что человека больше нет.

Бог все видит… и если есть люди, подстроившие такое, они обязательно получат по заслугам!

Я думаю, нет такого человека, кому не было бы знакомо творчество Евдокимова. ЕГО СМЕРТЬ НИКОГО НЕ ОСТАВИТ РАВНОДУШНЫМ. Его, конечно, не вернуть и причину смерти можно придумать любую. Как это всегда и делается. Его смерть еще раз доказала, что против системы не пойдешь, а если будешь с ней бороться, конец всегда один.

Россия теряет своих самых честных и преданных сыновей. Видно, так Богу угодно… Михаил! Царствие тебе небесное!

Его убили!!! Он мешал воровать и делать дела!!! Выход один – ему следовало убрать тех паскуд, которые грызли его во время его прихода к власти.

Очень жаль, что таких замечательных людей становится все меньше среди нас. Он ушел, но память о нем будет жива очень долго, без сомнения.

И опять убийство. Подлое и бессмысленное.

Доколе?

Не случайность это, а злой умысел.

Когда он пришел на этот пост – так и подумалось: будет бороться – и его уберут. Но как-то уж очень быстро…

Обидно, что погиб Евдокимов и по-глупому из-за человеческого фактора (водителя).

Очень, очень жалко что погиб такой замечательный человек, как Михаил Евдокимов, которого любят и будут помнить многие в нашей стране.

Нет слов. Горько осознавать, что Евдокимова больше нет!

Соболезную всем родственникам Артиста (поистине с большой буквы). Талантливый, гениальный человек! Скорейшего выздоровления его супруге! Стойкости и мужества ей!

Губернатор ездит без сопровождения МВД! Что-то совпадение – уже четвертый губер.

Надо разобраться, почему губеры гибнут в автокатастрофах – или ездят не по правилам, либо здесь что-то другое.

ОЧЕНЬ ЖАЛЬ! СТОЛЬКО КРУГОМ ГОРЯ! ЖАЛЬ ЧЕЛОВЕКА С БОЛЬШОЙ БУКВЫ! ТЕ, КТО ЕГО УБИЛ, СПОКОЙНО ЖИТЬ НЕ БУДУТ! НАДЕЮСЬ, ГОСПОДЬ НЕ ПОЗВОЛИТ!

Он многим мешал. Чистое убийство. ДТП, блин…. Подстроили. Как губернатора его пусть оценят алтайцы, а вот актером был от Бога.

Никак не могу поверить. Уверена, что это убийство. Вечная ему память.

Замечательный актер, настоящая русская душа. Светлая память.

Очень жалко. Это был светлый человек!

Это огромная потеря для всех нас. Ушел не только губернатор, но и всеми любимый артист. Он никогда не был пафосным человеком. Про него можно сказать, что он был один из нас. Горько и обидно, что его больше нет. Теперь только с экрана телевизора услышим его протяжное: «Судьба-а-а-а-а!»

Классный был актер. Думаю, что он сейчас в лучшем месте и обличье…

Классный был актер. Думаю, что он сейчас в лучшем месте и обличии…

Очень жаль хорошего человека…

Бог всех рассудит.

Что ж, бывает! Жалко!!!!!!! Но знаем, что он не последний! – Кто следующий???

Очень жаль!!! Это был светлый и выдающийся человек!!! Я не верю в случайности!

Очень жаль, что талантливые люди погибают очень часто в России. И на 100 % по воле тех, кто это заказал. Без сомнений, что бы ни говорили официальные власти.

Парадокс – был бы на эстраде, жил бы, пошел в политику – и убили.

Просто не верится, что авария произошла по вине его водителя. Я считаю, что его подставили, чтобы убрать замечательного актера. Или кто-то очень хорошо заплатил нашим людям в кепке на дороге.

Очень жаль такого человека… Хорошие люди должны жить дольше плохих.

Все просто. Был хороший артист. И слава, и популярность. Ну зачем тебе нужна была мерзость и грязь политических игр? Земля тебе пухом, любимый артист…

По большому счету за гибель М. Евдокимова, как и за гибель

миллионов прекрасных российских людей, должны отвечать: комбайнер Горбачев, алкоголик Ельцин и попугай Шеварднадзе. Эти… и во сне не могли представить, во что они превратят Великую Державу, где сейчас жизнь любого человека гроша не стоит!

Не верим, что случайно, не верим…!!!!

Жалко мужика, прикольный был, как-то без него пусто будет на этом свете.

Этого ЧЕЛОВЕКА УБИЛИ НЕЛЮДИ В КАБИНЕТАХ ВЛАСТИ Москвы и им подобные в Алтайском крае по экономическим (воровским) вопросам. А теперь строят глупые даже не версии, а утверждения по поводу того, что водитель Евдокимова грубо нарушил ПДД…. А вот что сказал Михаил Козлов, исполняющий обязанности первого заместителя губернатора Алтайского края: «В качестве повода для размышления я могу сказать, что примерно чуть больше чем за неделю начальник Главного управления внутренних дел немотивированно снял машину сопровождения у губернатора, а в минувший четверг распорядился снять личную охрану губернатора. Вот после этого стройте версии».

Хороший был человек. Не верим в случайность. Это убийство.

Так же, как и многие среди вас, не верю в случайность! Не в том мире живем!!!

Думаем, что это подстроено. Скорбим. Куда катится родина…

Нелепая гибель…очень жаль хорошего человека.

Как-то спросила человека приехавшего в гости с Алтая: «Как там Евдокимов управляется с краем?» Мне ответили так: «Начал с леса и дорог». Тогда первая мысль была – «И этого уберут». Лес – это такие деньги! Не могу передать, какая боль в сердце Уходят настоящие мужики… Кто останется? Воры? Убийцы? Люди, опомнитесь…

Чистой воды убийство!! Светлая память ему!!! Пусть будут прокляты убийцы!

Они видели в нем юмориста. А он – настоящий русский мужик, став губернатором, показал, что у власти – клоуны и воры.

Русский мужик у власти опасен этой камарилье.

Ты погиб как воин, Михаил. На небесах тебя встретят русичи. Они помогут нашей Отчизне.

Вся страна сопереживает уход талантливого человека, актера. Строим версии, привыкли не верить официозу. Алтайцы, а вы-то что молчите? Правда, что ли, что машину сопровождения у губернатора забрали незадолго до его гибели? Если да, то стоит

задуматься. И каким он был губернатором? Успел что-то хорошего сделать? Нам издалека его губернаторских дел не видно, но замечательного актера и человека Михаила Евдокимова жалко до слез. Почему-то лучшие рано сгорают…

По-моему, любая «шишка» всегда ездит с сопровождением. Тут 100 % что-то не то было.

Ничего себе… слов нет. Конечно, жаль, очень, очень жаль… А сколько было грязи, когда его избрали. И все негодяям мало показалось.

Не он первый, не он последний…

НЕТ ЧЕЛОВЕКА – НЕТ ПРОБЛЕМЫ.

Тоже случайно наткнулась вчера в Нете. До сих пор в шоке… до слез обидно. Так болела за него, когда всякие завистливые твари типа Хазанова грязь на него лили, когда алтайцы Михаила Сергеевича губером выбрали… И вот…

Безумная боль до глубины души за уход из жизни Великого Русского Актера Михаила Сергеевича Евдокимова. Это был самый веселый губернатор, с самыми грустными глазами. Он чувствовал, что не вернется на сцену.

Не хочется никого винить за его уход из жизни, человек уходит из жизни не потому что этого ему кто-то желает, а потому, что Миссия его на земле уже выполнена.

Михаил Сергеевич Евдокимов жил в бешеном скоростном режиме жизни, обычному человеку и десяти жизней не хватит, чтобы его повторить. Именно поэтому Михаил Сергеевич любил скорость (человек движется за своей энергией мыслей) – это выражается во всем – быстрая езда на машине, быстрая ходьба, быстрое реагирование на ситуацию и т. д.

А еще просто всмотритесь в тех, кто окружал Евдокимова в кабинетах Алтайской администрации – все его соперники даже внешне похожи друг на друга. И такие есть в каждом городе. Только не в каждом городе есть Евдокимов. А вот когда появляется такой человек во власти, то эти крысы все начинают пищать и все против него начинает двигаться. Правильная версия – та, что в рулевое управление скорее всего было что-либо подложено, или та, что кто-то имел дистанционный пульт из охранников и вовремя его нажал. Но ведь и рассчитали четко. С первого раза. Значит, давно Бог к себе Евдокимова хотел забрать. Ведь и Богу нужны хорошие люди.

Василий Морозов, писатель, Барнаул
Гром среди ясного неба

Много лет подряд за свой счет Михаил Сергеевич проводил спортивные соревнования в селе Верх-Обское, на которые приезжали известные спортсмены России и бывшего СССР. Это стало традицией – каждый год проводить такие праздники. Праздники для народа, для своих земляков!

Такой праздник прошел в Верх-Обском и с 29 по 31 июля 2005 года. Прошел в пятнадцатый раз. В нем приняли участие олимпийские чемпионы, звезды российского хоккея В. Шалимов, А. Якушев, певец Александр Маршал, актер Владимир Литвинов…

На празднике Михаил Сергеевич исполнил песню вместе с Александром Маршалом. О чем? Да, конечно же, о малой родине! Об Алтае!

Впереди намечалось важное мероприятие, посвященное сорок четвертой годовщине полета в космос нашего земляка Германа Степановича Титова, к тому же, в этом году ему исполнилось бы семьдесят лет. На этот праздник были приглашены: супруга Германа Степановича Тамара Васильевна, дочь Татьяна и внук Андрей. Накануне проведения праздника я встречался с Михаилом Сергеевичем, подарил ему свою книгу о Германе Титове «Там, за облаками». Был разговор, связанный с приездом семьи Титовых на Алтай…

Седьмого августа он должен был принять участие в празднике на родине Германа Степановича Титова, в селе Полковниково Косихинского района…

Этот скорбный для многих в России день сейчас каждый из нас вспоминает по-своему – где был в это время и как узнал о той трагедии, которая произошла на трассе Бийск – Барнаул, у поворота на село Плешково.

Я в это время находился в селе Полковниково. После встречи семьи Титовых праздник открыли летчики Барнаульского авиаспортклуба. Праздник начался с небольшим опозданием – ждали губернатора. После авиашоу выступали художественные коллективы. Я сидел во втором ряду, а в первом, впереди меня – замглавы администрации края Алексей Николаевич Сарычев. Праздник продолжался. Примерно часа через два я услышал сигнал сотового телефона Сарычева. Он поднес телефон к уху, после короткого разговора с абонентом изменился в лице и быстрой походкой направился к своей машине. Больше он не возвращался.

Через некоторое время приглашенные гости вместе с семьей Титовых собрались за праздничным столом в средней школе. Выступал художественный коллектив. Вспоминали о Германе Степановиче Титове. О его полете. О его родителях. Выпили по стопке… И как гром среди ясного неба, поразивший всех – весть о гибели Михаила Сергеевича…

Что же произошло на трассе Бийск – Барнаул у поворота на село Плешково, в двадцати девяти километрах от Бийска?

Утром седьмого августа Михаил Сергеевич Евдокимов с супругой Галиной Николаевной, телохранителем Александром Устиновым на «мерседесе», за рулем которого находился Иван Зуев, выехали в село Полковниково на праздник.

У поворота на село Плешково губернаторский «мерседес» пошел на обгон «тойоты-спринтер-марино», водитель которой начал поворачивать налево. «Мерседес» по касательной зацепил левый бок «тойоты» и, избегая с ней дальнейшего столкновения, резко повернул налево и улетел с трассы в кювет. Слетев с трассы, «мерседес» передней частью ударился о земляной брустверг. Снес его, и второй удар пришелся о стоящую впереди березу. Михаил Сергеевич, Иван Зуев и Александр Устинов погибли сразу. Супруга Михаила Сергеевича Евдокимова, Галина Николаевна, в тяжелом состоянии была доставлена в больницу. Вот, кажется, и все, что в этот день произошло на трассе Бийск – Барнаул. Обычное ДТП – в ходе расследования определенными органами. Обычное ли? В это многие не верили, не верят и сейчас.

В ходе расследования первоначально суд Зонального района обвинил водителя «тойоты» в нарушении правил дорожного движения.

Краевой суд его оправдал. Сейчас, конечно, сложно устанавливать, кто из водителей прав, кто виноват, когда единственный свидетель – водитель «тойоты». Он же не будет на себя наговаривать.

Хотя у многих жителей края, в том числе у водителей возникает вопрос: если водитель «тойоты» прежде чем произвести маневр с поворотом налево, на село Плешково, заранее обозначил поворот, как полагается по правилам дорожного движения, (и обозначал ли он его?), то как могло случиться, что водитель-профессионал, знающий трассу Бийск – Барнаул, как свои пять пальцев, в этой ситуации мог пойти на обгон?

Я думаю, как водителю «тойоты», так и всем, кто в ней находился, до конца своих дней надо молиться за упокой душ Михаила Евдокимова, Ивана Зуева и Александра Устинова. Они ценой собственной жизни спасли их. Нетрудно понять, что если

бы трехтонный «мерседес» не отвернул, а протаранил легкую «тойоту», что стало бы с машиной и с теми, кто в ней находился…

Прощание с Михаилом Сергеевичем Евдокимовым проходило в краевом Дворце спорта. Чтобы проводить в последний путь Михаила Сергеевича, земляки с цветами и венками выстаивали многочасовые очереди. Скорбные лица. Кто-то тихо разговаривал друг с другом, поминая Михаила Сергеевича только добрым словом.

Во время траурной церемонии прилетевший на Алтай президент России Владимир Владимирович Путин сказал: «Все мы хорошо знали, что Михаил Сергеевич был человеком исключительного таланта, самобытным. Не случайно сотни тысяч жителей Алтайского края и всей России его любили и уважали, доверяли ему. И, даже не зная его, считали своим. Конечно, за это время он не в состоянии был решить всех проблем, которые стояли перед ним, но искренне, хочу это подчеркнуть, абсолютно искренне хотел сделать жизнь в крае лучше…»

Прощание продлилось дольше объявленного времени. По сохранившимся традициям, провожающие Михаила Сергеевича Евдокимова в последний путь, в основном, были в темной одежде. И по тому, как господин Назарчук, председатель Краевого совета народных депутатов (КСНД), был наряжен в светлый костюм, многие расценили, что этот день для него был праздником.

Когда цветы и венки выносили из Дворца спорта, где стоял гроб с телом губернатора, у друзей и родственников Михаила Сергеевича возник вопрос: что делать с венком, принесенным Назарчуком?

Одни, в порыве чувств, предлагали отнести его к дверям подъезда дома, где живет Назарчук. Другие – повесить на ручку двери квартиры. Предложений было много. В итоге – не взяли. Оставили во Дворце спорта. Когда машина с телом Михаила Сергеевича поехала в Верх-Обское, жители районов и сел выходили на трассу и устилали путь цветами. Эти похороны можно было сравнить разве с тем, когда в последний путь провожали Юрия Алексеевича Гагарина. Подобного больше я не видел.

Супруга Михаила Сергеевича Евдокимова, Галина Николаевна, не смогла проводить мужа в последний путь. Она после аварии в тяжелом состоянии находилась в больнице.

Набрав силы и мужества, она обратилась к жителям Алтая:

«Дорогие земляки!

Низкий поклон вам за помощь вашу, за поддержку. За то, что проводили в последний путь моего мужа, любимого и дорогого для многих жителей Алтая и России.

Когда мы познакомились, у Михаила Сергеевича даже мысли не было о том, чтобы жить где-то в другом месте. Он часами взахлеб рассказывал мне о своей родине, о том, какие замечательные люди его земляки. Его любовь к краю была такой сильной, что, не поселись он здесь, сделался бы несчастным на всю жизнь. Когда приходилось уезжать надолго, он тосковал по Алтаю, рвался сюда изо всех сил. Тесно, говорил, ему без просторов алтайских, не вздохнуть полной грудью. Зато здесь чувствовал себя счастливым. Светился весь. Прикипел он к Алтаю всей душой.

А земляков, жителей края, любил как родных, близких сердцу. Всегда стремился помочь, чужую боль переживал как личную. Как приезжал на Алтай – шли к нему люди со своими бедами. И так много бед этих приходилось выслушивать, что принял твердое решение: хватит поодиночке людям помогать, пора край выручать. Вы знаете, что Михаилу Сергеевичу ничего от власти не надо было. Просто не мог он никогда мириться с несправедливостью. Ни в чем. Если во власти видел несправедливость, он открыто это говорил. Михаила Сергеевича возмущало то, что народ Алтайского края, работящий, умный, живет почти хуже всех в России. Он всем сердцем хотел, чтобы процветал край, который вырастил его. Чтобы были счастливы земляки. Уважал он простых, обычных людей, не отгораживался от них никогда. Как-то сказал мне: «Я горжусь земляками. Такие крепкие, сильные, к любым испытаниям готовы… – А потом добавил задумчиво: – Все сделаю, чтобы этих испытаний было меньше».

Вы видите, сколько хорошего сделал Михаил Сергеевич для края. Знаете, что ничего от народа не скрывал. Как ребенок радовался успехам края. Все, что он делал, было известно, открыто. Вернул он людям веру в то, что можно жить лучше. И нельзя сейчас отказываться от тех планов, которые хотел воплотить Михаил Сергеевич. Не должна прекращаться работа, которую он начал. Я обращаюсь ко всем, кто с ним работал, ко всем, кто его знал. Не дайте погибнуть его делу.

Второго Евдокимова больше не будет. Конечно, его никогда не забудет народ Алтая. Но продолжение им начатого – это даже больше, чем память. Слишком дорогую цену заплатил Михаил Сергеевич, чтобы его начинания были похоронены вслед за ним.

Михаил Сергеевич был счастливым человеком. Потому что сбылась его давняя мечта – жить и работать на родине. Я тоже люблю край. Много раз убеждалась, какие богатые сердцем здесь люди. Сейчас вы помогаете мне и дочери пережить наше горе. Для многих его земляков потеря Михаила Сергеевича – личное

горе. Спасибо вам, родные. Еще раз низко кланяюсь вам, люди».

Клара Новикова «В политике – жестокие игры…»
Лев Дуров «Я предчувствовал его мучительный финал…»

Памяти Михаила Евдокимова
(«Эхо Москвы», август 2005 г.)

Ксения Ларина. Вот кто бы знал, что программу «Дифирамб» мы будем посвящать памяти этого человека, он не будет сидеть напротив нас в качестве гостя и героя.

Мне посчастливилось, я с ним встречалась в эфире. Это было достаточно давно. Никаких даже мыслей не возникало по поводу губернаторства. Мы встречались тогда с замечательным актером, ведущим телевизионной программы «С легким паром» и просто классным человеком, мужчиной настоящим – Михаилом Евдокимовым. Это была замечательная встреча. Я вчера почитала на нашем сайте, вспомнила это интервью. У меня какое-то ощущение света осталось от этого человека, света, юмора и какой-то порядочности – настоящей, русской, мужской.

В нашей студии – Клара Новикова и Лев Константинович Дуров. Здравствуйте. Мы здесь, для того чтобы вспомнить Михаила Евдокимова, который по такой то ли нелепой случайности, то ли по трагическому стечению обстоятельств, то ли, не исключаем, что из злого умысла, никто еще пока ничего не знает, погиб 7 августа, это произошло неделю назад. Как раз я тоже вела эфир, это было воскресенье и во время передачи «Говорим по-русски» нам принесли это сообщение. Первое сообщение действительно как обухом по голове, настолько это было неожиданно. И все это время, пока я смотрела в репортажах, как проходило прощание с Михаилом Сергеевичем, меня потрясло огромное количество людей. Это просто поразительно. Ведь людей не обманешь, все, что угодно можно говорить. Но это самое главное – такое количество людей, которые пришли проститься, и как они вспоминали об этом человеке. И потом, конечно же, не покидает ощущение какой-то чудовищной несправедливости. Вот не должно было быть так. Не должно. Хотя с другой стороны, когда начинаешь вспоминать о его политическом пути, сколько было моментов на грани, я уверена, что ему угрожали. Такого быть не может, чтобы не угрожали при такой ситуации. Давайте, я потом почитаю все, что приходило на пейджер, здесь масса слов скорби и соболезнований от наших

слушателей, которые ужасно жалеют об этой утрате. Прежде всего, о человеческой утрате. Клара, вы там были, Кларочка, может быть, вы расскажете нам, как люди воспринимают то, что произошло.

Клара Новикова. Вы знаете, я узнала об этом в Ялте. Без пятнадцати десять позвонил мобильный телефон, и мне об этом сказали. Я только что Льву Константиновичу Дурову рассказывала, что я думала – это какая-то аллегория, просто волосы дыбом. А у меня действительно встали волосы дыбом. Вечером у меня было выступление, и я помчалась в парикмахерскую, чтобы они мне уложили волосы, но ничего не получилось. Они дыбом. Это действительно какая-то катастрофа. Не просто человеческая… Я приехала в Москву и сразу улетела на Алтай. Еще в аэропорту, когда я сказала, что лечу в Барнаул, началось что-то фантастическое. Ко мне без конца подходили люди, выражали сочувствие, свои впечатления. И никто не говорил, что эта гибель случайна, что это случайное совпадение. Все высказывались однозначно, что с Мишей свели счеты. И потом, когда мы уже прилетели в Барнаул, его земляки выражали свое сочувствие очень искренне. Его никто не называл Миша, там его называют Михаил Сергеевич. И это меня тоже потрясло, может быть, в деревнях принято называть по имени-отчеству. Но других так не называют. Даже его близкие друзья называли его Михаил Сергеевич. Когда мы приехали к тому месту, где все произошло, а было раннее утро, меня потрясло огромное количество машин. Люди выходили из машин, подходили к этому месту, где были горы цветов и уже стоял крест. И я не понимаю, как это могло произойти там, на таком перекрестке, где расходятся машины. Это случилось в воскресенье, трасса свободная. Там вообще машин не так много. И как такое могло произойти, непонятно. И столько каких-то совпадений, мистики. Мне хотелось бы об этом сказать. Там одна березка, а Миша очень любил березы. Остальные тополя. Это произошло у березы. Береза так и стоит, не задета, только немножко кора повреждена… А машина сложилась просто вдвое. Я целую ночь провела с Мишиными друзьями, мне рассказывал человек, который Мишу выносил, что он подставил руку и спас тем самым Галю, жену. Это было интуитивно, потому что мало что можно было соображать в тот момент…

Люди пребывали на место трагедии по воде, по земле, прилетали по воздуху – собралось такое количество народа, что это было настоящее народное шествие. Причем меня потрясло, что в толпе шли люди на костылях, старики, которые уже еле ходят. Они «тюкали» на этих костылях, с палками очень долго,

сколько длилась процессия: Мишу привозили к своему дому, к дому родителей и к школе, где он учился. Казалось, это было бесконечное шествие. Пыль вздымалась. Люди шли, шли – с цветами, торопились, плакали. Землю устилали целыми букетами – под ногами были букеты цветов. Было много молодежи, причем, искренне скорбящей. Мальчики, девочки держались крепко за руки и шли. Вот говорили – народный губернатор и народный артист. Народный человек! Миша так хорошо знал всю эту жизнь изнутри, он так их понимал, этих людей. Ведь, может быть, таких стариков, которых он играл, их уже нет, это теперь некий образ. Нет таких людей. Люди там уже живут реальной жизнью, борются за эту жизнь. А Миша играл какое-то романтическое отношение к этим людям.

К. Л. Клара, а вы с ним общались в ту пору, когда он стал губернатором?

К. Н. Один раз. Когда узнала о том, что у Миши возникли неприятности и подписаны какие-то бумаги с просьбой о его отставке. Мы родились рядом, в декабре, и я всегда поздравляла его с днем рождения, который вначале у него, 6 декабря, а потом у меня. В тот год я не дозвонилась, у него ни один телефон не отвечал. Я даже не понимала, почему. Где он. Ну, думаю, Миша занят делами. А тут, когда возникли проблемы с его губернаторством, я позвонила и спросила: «Мишань, как ты?» – «Да нормально, сестра, все нормально. Да что ты, да ну что ты, это какие-то игры. Да ну что ты. Все будет нормально. Все хорошо». Мы очень недолго с ним поговорили. «Приезжай ко мне в Белокуриху, там отдохнешь». Он меня звал все время в Белокуриху, это действительно какое-то замечательное место. Больше мы не разговаривали. И я его не слышала. Только узнавала, а что у Миши, как у него. Ну, ничего, поговорил, вроде бы все в порядке. Вроде бы оставили…

К. Л. Как-то даже оскорбительно было слышать все эти аналогии со Шварценеггером, воспринимать все эти подколки, всю иронию, связанные с его выборами.

К. Н. И вообще, когда говорили, вот артист, юморист – в губернаторы…

К. Л. Это все на самом деле чушь, потому что вспомним, мы же все были свидетели этим выборам. Это все было всерьез. Он действительно каждый раз повторял в с гордостью, что «да никого за мной нет. Я сам все это прошел». И давайте вспомним, справедливости ради, что в ту пору даже и сам президент РФ тогда поддерживал другого человека. Но вот люди сказали свое слово, и никакой административный ресурс не помог. А то, что он пошел по-настоящему и искренне, по-другому не назовешь, в

политику России, я тоже была свидетелем. Он не раз говорил об этом и здесь, в студии «Эхо Москвы». Среди реплик и телеграмм, которые пришли от наших слушателей по поводу сегодняшней передачи, меня поразила своей лаконичностью одна вещь. Один слушатель написал очень просто: «Он не был с ними одной крови». Мне кажется, это очень точно.

К. Н. Миша в первую очередь был таким человеком, который хотел, чтобы людям было хорошо. Он верил в это и как бы преграждал путь во власть тем, кто мог разграбить, отнять, забрать.

К. Л. Что, он был таким наивным человеком?

К. Н. Он романтик. Он все-таки в первую очередь, наверное, был артистом. И придумал себе, что так может быть, что он начнет с чистого листа и все будет хорошо. Он чистый человек. А всякие эти подковерные игры и игры в политику – это все равно игры. Только жестокие.

Лев Дуров. Но он-то их не знал.

К. Н. Конечно. У артистов свои игры. Тоже не всегда, сами знаете…

Л. Д. Красивые.

К. Н. Но артисты дети по сравнению с тем, что происходит, видимо, в политике.

К. Л. Там уж цена жизнь.

К. Н. Да. Мне рассказывали его друзья, которые буквально за день до трагедии ездили с ним в Горно-Алтайск: был вечер, они стояли на перевале, и Миша почему-то сказал: «Ребята, живите дружно». Он не сказал: давайте жить дружно. А живите дружно. И сказал это очень обреченно. Но может быть, уже сегодня все видится как-то иначе. И песня, которую он пел, звучит по-другому. Потому что «остановите Землю, я сойду» – уже звучит как мистика. И вороны, которые вдруг вздымались и летели навстречу нашей машине и когда Мишу из дома выносили, огромное количество ворон… Люди, живущие там, не помнят такой громадной стаи черных птиц… Одна из них просто двинула в стойку машины рядом с зеркалом водителя и упала замертво. Просто тучи ворон. Там поля, зерно, может быть, поэтому. И все-таки откуда они взялись в этот момент в Верх-Обском, откуда они взялись? Все как-то мистически. Страшно. Вот вы мне сказали – Хичкок, действительно, такое ощущение. Все сошлось. Все свелось в один узел.

К. Л. Я вчера зашла на сайт губернатора Алтайского края Михаила Евдокимова. Зайдите, посмотрите, это, конечно, впечатляет. Залита красным, как кровью, вся страница главная. И на ней текст. Вот Клара перед передачей рассказывала о

листовке, которую на Алтае раздавали люди.

К. Н. Разбрасывали.

К. Л. Со своим ощущением от этой гибели. Текст очень жесткий по отношению, как я поняла, к его политическим оппонентам в крае. Практически там прямые обвинения. Хотя никаких имен не называется. Но смысл этого текста: вы этого добились, вы это сделали. Обращение, не знаю, к кому. Можно было поставить, наверное, какие-то фамилии. Хотя людям, которые там живут, виднее, они больше об этом знают. Но все равно даже здесь я усматриваю некий мистический смысл. Потому что когда мы говорим «они» – мы не всегда подразумеваем конкретные фамилии. Может быть, это какая-то машина – она сжирает человека, который не подходит по каким-то причинам.

К. Н. В той листовке, которую мне дали, были фамилии. Я не стану их называть. Там были стихи, видимо, их написала женщина. Это даже и не стихи, а какой-то вопль, там написано, насколько же надо было продаться, чтобы устроить такое. А еще к слову о мистике. Когда мы уже простились с Мишей и пришли во двор его дома поминать, сели за стол и налили первую чарку, вдруг пошел сильнейший дождь – огромными каплями, стеной просто. Он продолжался минут семь. А потом было яркое-яркое солнце. Все в один голос сказали, что Миша плачет. Мне показалось, что ничего он не плачет. Миша просто дал понять, что он здесь, он с нами. Вот в этом все. Стоял портрет Миши, а капли падали мимо портрета, ни одна дождинка не упала на портрет. Как хотите, это принимайте…

К. Л. Мы Клару должны будем отпустить, поскольку у нее сегодня съемочный день. Но перед тем как Клару поблагодарить и отпустить, я хочу все-таки напомнить, что большая часть творческой жизни Михаила Евдокимова была связана с программой «Аншлаг» и вашей командой. Хотя понятно, что только ленивый не пинает ее. Есть, наверное, за что. Но мы сегодня об этом говорить не будем. У меня к вам предложение. Может быть, нас слышит Регина Дубовицкая. Было бы здорово, если бы программа «Аншлаг» сделала хорошую передачу памяти Михаила Евдокимова, потому что наверняка есть уникальные записи…

К. Н. Очень много.

К. Л. …которые стоит повторить. Я даже помню, была какая-то передача, когда вы ездили на Алтай.

К. Н. Мы ездили за неделю до того, как все произошло… У Регины очень много съемок и записей, она с трепетом относилась к Мише. И надо сказать, что Миша был ей благодарен. Можно по-

разному все что угодно говорить, но я-то свидетель многому. Миша ей был благодарен.

К. Л. Он открыт был, собственно говоря, «Аншлагом».

К. Н. Регина очень многое делала. Она любой Мишин новый монолог, рассказ тут же писала, все время и Мишу дергала: «Миша, давай учи, делай». Я сама этому свидетель. И, собственно говоря, «Аншлаг» Мишу и явил. У него были свои отношения и претензии, у каждого из нас они есть, но «Аншлаг» все-таки открывает артистов… Ну, пинают, я слышу…

К. Л. Сейчас мы об этом не говорим.

К. Н. Я не хочу даже об этом говорить. Сегодня не то время. Я знаю, что Регина собирается сделать такую программу. У нас даже были назначены дни съемок. И я знаю, что возникла такая мысль, сделать подобно шукшинским чтениям, евдокимовскую олимпиаду. За неделю до трагедии в Верх-Обском прошла олимпиада, Миша каждое лето устраивал там спортивные праздники.

Л. Д. Футбольные.

К. Н. Он и сам играл в футбол, и выращивал футбольную команду. Так вот, было такое предложение, и я думаю, что оно было поддержано всеми, кто может дать возможность сделать эту передачу.

К. Л. Клара, большое спасибо. Я рада с вами встретиться, хотя получилось, что мы встречаемся по трагическому поводу. Я думаю, что мы обязательно с вами еще увидимся.

К. Н. Мне очень бы хотелось. Спасибо.

К. Л. Итак, мы остались в студии со Львом Константиновичем Дуровым. У нас есть полчаса, чтобы поговорить о Михаиле Евдокимове. А вот такое неравнодушие его… Я всегда понимала, что он не просто артист. Артист – это артист. А его всегда волновало то, что происходит за окном. Он как-то ужасно по этому поводу переживал. Это всегда ему было свойственно?

Л. Д. Я думаю, что да, потому что он сам оттуда. Такая банальная фраза – из народа. Вот мы говорим «деревенщики», но тем не менее такие люди очень хорошо знают жизнь, знают ее во всех сложностях. И обычно у них душа болит…

К. Л. Не всегда, Лев Константинович. Бывает, что оттуда вырвутся и стараются забыть все как страшный сон…

Л. Д. Но мы же не про них. Вспомните лицо Василия Макаровича Шукшина, у него всегда ходили желваки, когда он видел несправедливость. И всегда у него были прищуренные глаза на эту жизнь. Вспомните. Миша, конечно, был удивительный человек, актер. И это же потеря огромная еще почему – он неповторим. Как неповторим Высоцкий. Недавно я

услышал, как какой-то певец пел его песни, и был просто страшно расстроен. Думаю, ничего не сходится. Невозможно. Потому что сочетание смысла, голоса, Володиного лица – неповторимо. Так же и Миша с его деревенскими рассказами.

К. Л. Кстати, Лев Константинович, как он Высоцкого прочувствовал, как он исполнял его песни.

Л. Д. Да, и тем не менее сам считал, что, кроме Высоцкого, никто их не должен петь. И конечно, Миша был открывателем жанра, никто этого не сделал до него и никогда так не повторит. Потому что это лично его. Клара сказала, что прощаться с ним шли старики даже на костылях. А это шли его герои. С одной стороны, все его рассказики, новеллы – они очень смешные. А с другой стороны, они очень грустные. Потому что «странная» жизнь тоже проглядывалась в этих рассказиках. Вроде и смешно, а в то же время – судьба. Ничего не поделаешь… Я ведь очень долго уговаривал Мишу сыграть что-то в театре. И вы знаете, он испугался.

К. Л. А я помню, он об этом даже говорил. Что пьесу выбираем, Лев Константинович меня все уговаривает на сцену.

Л. Д. А вы как думаете, чего он испугался? Не придумаете. Дисциплины.

К. Л. Да ладно…

Л. Д. И когда я ему сказал: «Миш, только учти: с одиннадцати до трех каждый день. Один выходной день». – «Что, что, что? Да?» – «А ты как думал?» – «Нет, ну вы сумасшедшие, так же нельзя».

К. Л. А потом он такую работу себе выбрал…

Л. Д. В том-то и дело.

К. Л. Вы отговаривали его, Лев Константинович? Это же все на ваших глазах происходило.

Л. Д. Нет, в таких случаях вообще человека отговаривать нельзя. Выбор есть выбор. Когда меня попросили поехать на Алтай и агитировать за него, я сказал: нет, я не поеду. У меня такое ощущение, у него у самого был некий тормоз, некое недоверие к самому себе.

К. Л. Сомнение.

Л. Д. За этот шаг. Да… А вообще он человек решительный, он человек мощный. Раз он так решил, сделал такой выбор, дай Бог ему успеха. Но вы знаете, мы часто на кого-то обрушиваемся, как там на него обрушились, и забываем о том, какое хозяйство достается человеку. Тем более, вместо того чтобы поддержать, быть снисходительными к его неопытности, как говорится, окучивать, начался раздрызг. Так можно просто человека загнать в угол, и он будет стоять в растерянности и смотреть. Я думаю,

что такие минуты у него были, хотя мы с ним разговаривали по телефону и встречались однажды в самолете, и он не показывал никакой своей слабости. Говорил: «Да все нормально. Да все в порядке. Перестань ты». – «Миш, там какое-то давление на тебя… – «Да какое давление. Да это всегда бывает. Да нет, деда, все нормально. Все нормально. Ты не волнуйся. Все нормально».

К. Л. А он изменился?

Л. Д. Когда мы встречались, по отношению ко мне нет, но вообще думаю, что изменился. Не может человек не меняться, попадая в другое русло. Тогда ты обязан жить, извините за грубость, по законам в какой-то мере этой стаи. Иначе она тебя выдавит или разорвет. Это неизбежно, это страшная штука и надо это знать. Посмотрите, Джон Кеннеди – пуля. Кинг – пуля. Роберт Кеннеди – пуля. Это уже история подсказывает нам, что люди почему-то рвутся к власти, зная, что, вполне возможно, кончат плачевно. Это какой-то феномен, я даже не понимаю, в чем дело. У меня никогда не было, как теперь говорят амбиций, я даже не понимаю, зачем это… Зачем Мише это понадобилось…. Любовь колоссальная народа, как к артисту. Он обожаем был.

К. Л. Может быть, на самом деле он верил, что может что-то изменить. Он же не хотел быть царем, в конце концов, глупо даже предполагать.

Л. Д. Конечно, нет. Конечно, ему казалось, что он вложит в этот край свою душу, свое сердце, и что-то там исправит и сделает людей более или менее счастливыми. Хотя край мы знаем, он с проблемами…

К. Л. Да где у нас без проблем. Я вас умоляю. Потом, знаете, почему еще человеку творческому, актеру в данном случае противопоказано вот это хождение во власть. Очень открыты эмоции, это же люди без кожи, и я говорю это артисту, вы же сами все прекрасно понимаете.

А, находясь там, невозможно воспринимать все так эмоционально, иначе можно либо с ума сойти, либо действительно погибнуть во всех смыслах – и физически и морально. С обнаженными нервами это вынести невозможно. Я вообще не понимаю, как он выдержал столько времени…

Л. Д. Ну, какое у него лицо было, когда ему этот импичмент объявляли.

К. Л. То, что в его лице угадывалось, в каких-то случайных кадрах хроники – некая растерянность, какая-то внутренняя паника, это было.

Л. Д. Конечно. И как у него сердце не разорвалось, трудно понять. Когда сидит такой напротив холодный фронт, а ты один, конечно, страшно очень. Его уход с трибуны – он, наверное,

постарел в этот момент сразу лет на десять.

К. Л. Многие наши слушатели вспоминают и работы Евдокимова в кино, как вы вместе снимались, и его работы на сцене. И все в один голос, не сговариваясь, считают, что не реализован был его талант до конца. Не успел он показать все, на что способен.

Л. Д. Конечно. Поэтому я его все время тащил, просил прийти в театр. Да потому что любой эстрадный жанр рано или поздно начинает пробуксовывать. У Миши он не пробуксовывал. Я смотрел последнюю передачу, незадолго до его гибели, он там был самый яркий. Пусть меня простят его коллеги, не могу ничего поделать, он там был самый интересный. Но, я думаю, он сам ощущал, что надо какой-то шажочек сделать или вперед, или влево, что-то нужно сделать. Я знал, что он это чувствовал. Потому что в кино он снимался замечательно. И я удивлялся его смелости – вот эти паузы, а он же не имел театрального образования и научно не знал, что такое пауза, и вдруг неожиданно до тех пор, пока в нем не созревала необходимость ответа, он не отвечал. Это было изумительно. Я даже как-то сказал: Миша, твои паузы конечно поразительны. Он говорит: «Какие паузы, да я даже не замечаю».

К. Л. Это интуитивно.

Л. Д. Да, абсолютно. До тех пор пока не готов, шага не сделает на экране. Вообще удивительный человек. Мы снимали в деревне под Переславлем-Залесским. Мальчишки играют в футбол. Он сидит, смотрит и говорит: «Хорошо играют, а чем…» На следующий день приезжаем, и он привозит совершенно незнакомым мальчишкам профессиональный новый футбольный мяч. Я знаю, дело не в деньгах, не в том, сколько он стоит, но кому бы пришло в голову деревенским пацанам взять и привезти новый мяч. Да никому. А ему пришло.

К. Л. Я не знаю, как возникла ваша дружба. Это же все случайно происходит. Сразу вы почувствовали: мой человек?

Л. Д. Конечно, мы с ним одной группы крови. Мы с ним часто во время съемок ложились на бугорочке и лежали, болтали, трепались про все, про жизнь.

К. Л. А вы его учили чему-нибудь?

Л. Д. Нет, нет. Вообще я не понимаю, что такое учить. Это только соседство с хорошим добрым человеком может научить. А вот так быть назидательным и кому-то что-то объяснять – не умею. Я никогда этого не делал.

К. Л. Но он для вас был авторитетом безусловным?

Л. Д. Как ни странно, я был для него авторитетом…

К. Л. Ой, простите, вы для него. Конечно. Я оговорилась.

Л. Д. Нет, не оговорились. И он был для меня авторитетом. Он это тоже ощущал. Но он долго не мог сказать мне «ты». Я говорю: Миша, ну кончай, ну перестань. – «Деда, тихо, тихо. Все, никаких разговоров». И как-то случайно, когда мы уже снимались во второй картине, когда мы уже были друзьями, самыми близкими, он неожиданно сказал «ты». Я думаю, ага, все нормально. Все хорошо.

К. Л. А его привычка, что называется, правду-матку рубить? Он в этом смысле не стеснялся. Если его что не устраивало, он мог сразу сказать.

Л. Д. Когда один коллега при мне стал рассказывать, как он его любил и как он ему помог, Миша неожиданно оборвал: «Кончай, кончай, я тебе сказал. Ты был абсолютно равнодушен к моим просьбам. И когда я попросил у тебя руку помощи, ты просто нагло отвернулся». Тот скукожился немножко, и Миша не мог сразу выйти из этого состояния. Он еще посидел, а потом спустя некоторое время, мы разговорились, и он про этого же человека сказал: «Нет, артист замечательный, конечно, очень хороший». Он умел различать и прощать и в то же время, я так понимал, у него шрамы оставались. Они оставались, если что-то по отношению к нему было несправедливо, грубо, некрасиво, нехорошо. А там была именно такая ситуация, как я понял.

К. Л. Он часто повторял в интервью: «я мужик». По любому поводу. «А что, я мужик». С разными интонациями. На ваш взгляд, что он вкладывал в это понятие? Это же не только сила физическая. Наверное, что-то еще?

Л. Д. Тут он немножко кокетничал.

К. Л. Ему очень нравилось в это играть?

Л. Д. Конечно. Он любил рассказывать про своего отца замечательные масенькие заметочки. Отец у него кузнец. Говорит, стоит у наковальни, кует, я подхожу и говорю: отец, у тебя трех рублей нет? Он без паузы говорит: «Отгадал». Приходит сосед и говорит: «Сережа, у меня у вил отломался зуб, ты не прикуешь?» Отец посмотрел так долго-долго сказал: «Ну чего, Коль, ювелирная работа». Тот говорит: «Да я понимаю». – «Ну, три рубля». Тот говорит: «Конечно, конечно». Вынимает три рубля. Уходит. Отец говорит: «Ну, послезавтра зайдешь». Потом – Мишке: «Беги в сельпо, купи этому дураку вилы. Нам вилы, и в запас третьи положишь. Они рубль стоят».

К. Л. А вы бывали там, в его краях?

Л. Д. Я в тех местах бывал. До него никак мы не могли доехать, потому что там масса всяких друзей. Я на Шукшинские чтения ездил, мы там с ним встречались. Он регулярно там бывал и очень сердился на людей, которые приезжали просто с

праздными намерениями. Когда он говорил: «Ну да, приехали и сразу отправились водку пить – как следует вспомнить, отметить. Нет, они сразу за стол». И это его сильно расстраивало. Он называл фамилии очень известных писателей, к которым из-за этого у него было сильное неприятие.

К. Л. Вообще, конечно, он сумел себя сохранить. Потому что, вспоминая его путь, хотя это вообще все ужасно, потому что ему пятидесяти лет даже нет. Жуть какая-то.

Л. Д. Неполных сорок восемь.

К. Л. Вот человек, действительно, мы уже сегодня говорили, из деревни, из многодетной семьи, работал с молодых ногтей, мальчишкой начал. Потом, насколько я понимаю, все его актерские таланты проявились в абсолютной самодеятельности. КВН, танцплощадки, пародии…

Л. Д. Если посмотреть кассеты ранние, они такие наивные. В общем, самодеятельные…

К. Л. Я так понимаю, что вся округа там сбегалась: «Пойдем, на Мишку посмотрим. Он сейчас нам прикинется». Это все такое восприятие народное.

Л. Д. Потом, я думаю, наложило отпечаток на его творчество, и на него самого, общение со многими хорошими артистами и интеллигентными людьми. Он ведь, как сказать, слово-то детское, но он был очень любознательным. Он с большим вниманием относился к людям и разбирался в них как психолог. Очень хорошо разбирался. Это важно для актера. И постепенно, конечно, он в своем творчестве очень сильно вырастал. И его новеллы, рассказы тоже взрослели вместе с ним и становились более мудрыми, более объемными, мощными.

К. Л. Москва, конечно, на него повлияла. Это трудно, наверное, заметить. Но все равно у меня осталось ощущение, что он не стал столичным человеком. Артистом в московском смысле этого слова. Богемным человеком. Но при этом его не назовешь и провинциалом дремучим. Какая-то в нем отдельность, самостийность присутствовала.

Л. Д. Вы тут совершенно правы. Я думаю, что он не мог и никогда не хотел расстаться…

К. Л. С родиной во всех смыслах. И внутренне тоже.

Л. Д. Да. И в то же время понимал, что он живет в городе, и тут ничего не поделаешь. И нужно внутренне тоже несколько перестроиться. Вот это противоречие в нем сидело.

К. Л. Шукшин такой же…

Л. Д. И Белов такой же. И Виктор Петрович Астафьев тоже не захотел из Овсянки уезжать. Потому что, думаю, как ни банально это прозвучит, а все равно – от родной почвы оторвешься и

начнешь писать хуже. Думать хуже. Чувствовать хуже. Это такая странная штука – земля, на которой ты родился и с которой ты просто уже породненный могилами за спиной и огородом, и хатой, и речкой, и чем угодно.

К. Л. Возвращаясь все-таки к его политической, губернаторской деятельности… Произошла такая трагическая история, авария, почему все, кто его хорошо знал, и вы в том числе, говорите, что в таком финале есть какая-то закономерность, как бы страшно это ни звучало. Почему все повторяют: «Ведь предупреждали, зачем он туда пошел? Если бы не пошел, ничего бы не было. Почему так?

Л. Д. Это отголоски любой трагедии. Они потом анализируются. И каждый хочет думать, что это можно было предотвратить… Понимаете, это же такая вещь, жизнь. Если честно говорить, наверное, и у Миши были какие-то ощущения амбициозные: ага, вот теперь я, Мишка из…

К. Л. Он смешно рассказывал: а чего, пришли деды ко мне. Сынок, ну помоги, без тебя никак, сынок. Давай.

Л. Д. И конечно, это тоже подогревает ощущения твоей необходимости на этом посту. А когда, наверное, попал туда, там уже начинаются размышления и в обратную сторону. Тут трудно анализировать. Да, Шварценеггер. А что, он и ничего себе работает и работает. Это, опять же, по Евдокимову – судьба. Вот такова его судьба. От и до. Я знал, то есть не то что знал, чувствовал, что все это должно закончиться… конечно, не так трагично, но что это будет для него какой-то мучительный финал, нехороший, я это ощущал. Ему надо было оставаться среди нас.

К. Л. Я хочу вернуться к телеграммам наших слушателей. Мне кажется, это очень важно. Люди же отовсюду пишут. Вот, пожалуйста, Геннадий из Канады, из Торонто. «Скорблю, рыдаю и не могу с этим смириться! Михаил Сергеевич ушел от нас очень рано и вдруг. Не нахожу слов. Сколько можно терять в России талантливых людей? Артист стремился играть не только на сцене, но и в жизни, в политике и в бизнесе. А зачем? Почему?» Владимир, тоже из Канады: «Нет вопроса. Единственно у меня сожаление о случившемся и соболезнование всем знавшим его, по крайней мере, по его выступлениям. Земля ему пухом». Татьяна из Екатеринбурга: «Благородство и отвага такого особого, героического уровня недосягаема для рук убийцы и опасна для преступников, даже после совершения нападения. Настоящее безумие – пытаться уничтожить легенду. И великая честь встретить в реальной жизни такого потрясающего Евдокимова». Владимир из Эстонии пишет: «Был на концерте господина Евдокимова лет 5–6 назад в Таллинне. Он тогда болел, извинился

за качество программы из-за температуры 38°. Но отпахал 2 часа по полной. Не знаю, каким он был губернатором, но работал, по-моему, на совесть. Царство ему Небесное». Петров из России: «Почему такие люди чести и совести, как Евдокимов, так редко соглашаются идти во власть, ведь только на них вся наша надежда и только в них спасение погибающего народа России». Сергей из Плесецка: «Идеология и методы «бандитского Петербурга» в полной мере перенесены на всю страну. Нет в России сейчас жизни нормальным, честным людям, и никто не заботится об их физической и моральной защите». Вот такие разные телеграммы.

Л. Д. Ну, я думаю, принимать такое стопроцентное суждение о гибели мы тоже не были бы правы, потому что, вполне возможно, это трагическая случайность. Все бывает. Поэтому я бы опасался бросать такие обвинения. Есть ощущение, конечно, но все равно тут самим нельзя вставать на такую жесткую максималистскую точку зрения. Мы все правы, мы знаем. Вот я говорю, это просто трагический финал. И, наверное, кто-то будет разбираться в этом, а может быть, и не будет. Не знаю. Просто потеря, конечно, невосполнимая. Такого, как Евдокимов, больше не будет. Вот и все. Его ячейку никто не займет. Вот она так и будет: ячеечка Евдокимова. На всю оставшуюся жизнь для всех.

Михаил Румер-Зараев
Легенда

Погожим августовским днем на перекрестке автотрассы Барнаул – Бийск, у поворота на деревню Плешково, работали эксперты-криминалисты. Шестеро мужчин и женщин собирали и клали в картонные коробки все то, что потом будет называться вещдоками – вещественными доказательствами автомобильной катастрофы, – осколки стекла, куски металла, обрывки ткани. Тела трех погибших мужчин уже были извлечены из расплющенного «мерседеса» и отправлены в Барнаул, в морг.

День был теплый, ясный. Проезжающие мимо автомобили замедляли свой бег, словно отдавая дань памяти погибшим. У березы, в которую врезался «мерседес», лежали живые цветы. Все здесь напоминало события дня минувшего, когда автомобиль алтайского губернатора Евдокимова, на огромной скорости обгоняя поворачивающую налево небольшую «тойоту», ушел от столкновения, но все-таки, задев «тойоту», вылетел в трехметровой глубины кювет и врезался в землю, в дерево, убив трех из четырех своих пассажиров. Удар был так силен, что подушки безопасности лопнули.

Впоследствии все обстоятельства этого столкновения будут изучаться под увеличительным стеклом следствия, а некоторые трудно объяснимые подробности рождать тревожные слухи. Казалось бы, при соприкосновении трехтонного губернаторского «мерседеса» с «тойотой», масса которой едва превышала тонну, улететь должна бы была именно она, а не массивный «мерседес». Тем не менее как сама «тойота», так и ее пассажиры – двое взрослых и двое детей – не пострадали. Средства массовой информации упоминали вначале о третьей машине, двигавшейся по встречной полосе. Но потом никаких сведений о ней не обнаружилось. Все эти неувязки будоражили воображение, рождали слухи, усугубленные предчувствия самого Евдокимова, о которых он говорил незадолго перед смертью. «Меня убьют, батя», – приводил его слова уже после автокатастрофы руководитель Союза промышленников и предпринимателей Аркадий Иванович Вольский, с которым Евдокимова, судя по всему, связывали дружеские отношения.

Так и ушел он в пелену слухов, в легенду, окружающую его личность, его помыслы, обстоятельства его гибели. И уже потом, после торжественных многолюдных похорон в его родном селе Верх-Обское, куда съехались тысячи самых разных людей – от

знаменитых артистов и государственных деятелей до простых крестьян, – все ходило и ходило: да жив он, не погиб, не похоронен, видели его в Бийске, в Барнауле. «Да точно я вам говорю: жив!» И даже в «Комсомолку» письма пошли: человек двадцать разных алтайских жителей сообщали, что видели-де Михаила Сергеевича живого и здорового. А одна пенсионерка даже просила расследовать информацию о том, что лежит, мол, губернатор и артист наш любимый в Рубцовске в больнице, его сильно охраняют, так как у него что-то с головой. Весь Рубцовск об этом говорит. Настолько убежденно писала старая женщина, что из редакции даже позвонили в рубцовскую больницу. «Да что вы… – горько рассмеялся главный врач. – Полная чушь. Кто только это выдумывает». Но легенда есть легенда.

Юрий Чернышов
Дело Щербинского странным образом заслонило собой дело Евдокимова

23 марта 2006 года коллегия Алтайского краевого суда вынесла решение прекратить дело о гибели Михаила Евдокимова и освободить из-под стражи Олега Щербинского, который до этого был приговорен судом Зонального района к четырем годам колонии-поселения. Комментаторы расходятся в оценках такого резкого поворота во мнениях судей. Многие приветствуют это как победу движения автомобилистов, выступавших против чиновничьих «мигалок», против запрета «правого руля» и в защиту Щербинского. Однако у тех, кто внимательно наблюдал за развитием событий, эта история оставляет еще очень много вопросов. «Дело Щербинского» странным образом заслонило собой «дело Евдокимова».

«Дело Щербинского»

С самого начала следствие и суд, проходивший в закрытом режиме, рассматривали только одну версию – о случайном ДТП, в котором Щербинский допустил «преступную небрежность», приведшую к гибели трех человек. Еще до суда на самом высоком уровне по Центральному телевидению был обозначен виновник – водитель «праворульной» иномарки. Сам Щербинский во время суда предпочитал угрюмо отмалчиваться и отвечал, что он «ничего не видел».

Затем «зональное правосудие», отклонив ходатайства защиты о проведении дополнительных экспертиз, вынесло обвинительный приговор, который вызвал бурные протесты автомобилистов. Эти люди, выступавшие под лозунгом «Все мы – Щербинские», по сути, протестовали против собственного бесправия на дорогах. А когда акция приобрела широкий размах по всей стране, политтехнологи «в верхах», судя по всему, приняли решение перехватить и «оседлать» эту инициативу, чтобы ее не использовала оппозиция.

В поддержку Щербинского неожиданно выступили федеральные телеканалы, а также партия «Единая Россия», организовавшая накануне суда в Барнауле массовый митинг по специально для этого написанному сценарию. От Общественной палаты на суд приехал адвокат А. Кучерена, к кампании

присоединились С. Миронов, А. Хинштейн и другие «знаковые фигуры».

Интересно, что как раз накануне заседания суда определились и лауреаты на звание «Сибиряк года». Вопреки протестам общественности в число кандидатов, «внесших большой вклад в жизнь Сибири и работавших на благо России», был внесен… О. Щербинский. В результате он, наряду с погибшим после столкновения с его машиной М. Евдокимовым, оказался в семерке лауреатов.

Решение суда было принято под мощным давлением хорошо скоординированной пиар-кампании. Можно еще упомянуть, что некоторые федеральные СМИ не побрезговали напечатать сплетни о московских «любовницах» Евдокимова. Создается впечатление, что кому-то было нужно, чтобы образ Щербинского как «народного героя и страдальца» вытеснил бы из общественного сознания образ погибшего «народного губернатора».

«Дело Евдокимова»

Между тем вокруг дела о причинах и обстоятельствах гибели Евдокимова с самого начала было очень много «неудобных» версий, которые до сих пор активно обсуждаются в народе. Мы не утверждаем, что эти версии истинны, поскольку они нуждаются в проверке. Но никто пока так и не дал ответов на вопросы, которые волнуют общество.

Для того чтобы лучше понять контекст событий, необходимо вспомнить, как складывалась история губернаторства Михаила Евдокимова. В ней можно выделить три этапа.

Весна – осень 2004 г.: приход во власть. Федеральный центр попытался использовать популярного артиста для того, чтобы как-то раскачать позиции засидевшегося в губернаторском кресле Александра Сурикова, создавшего региональный режим личной власти. Евдокимов получил негласную поддержку из Москвы, и это позволило ему выдержать прессинг суриковской команды и выйти во второй тур. А дальше произошло непредвиденное. Население, уставшее от суриковского восьмилетнего «застоя», увидело в Евдокимове реальный шанс обновления власти. На поднявшейся волне протестных настроений Евдокимов и сумел победить. Эта победа шокировала многих, в том числе и тех, кто подтолкнул артиста к участию в выборах. Это выглядело как стихийная «цветная революция», приведшая к власти «человека из народа». И именно это и насторожило Кремль. Вскоре на

прецедент выборов в Алтайском крае, приведших к власти «шута», стали ссылаться для обоснования необходимости отмены всенародных выборов губернаторов.

Осень 2004 – весна 2005 г.: неудача с созданием собственной команды. Евдокимов заменил почти весь верхний эшелон чиновников, однако его попытки создать собственную работоспособную команду принесли мало результатов. Ситуация во многом напоминала ту, которая сложилась в Красноярском крае при Александре Лебеде. Кадровая чехарда, приглашение на работу из разных регионов страны некоторых людей с сомнительной репутацией быстро настроили против Евдокимова почти всю местную элиту во главе с председателем краевого Совета народных депутатов Александром Назарчуком. К тому же Евдокимов перекрыл существовавшие в прежние годы теневые каналы распределения денег и нажил себе этим массу смертельных врагов. Губернатору так и не удалось наладить диалог с прежней элитой. Однако Кремль в это время все еще надеялся на урегулирование конфликта.

Весна – лето 2005 г.: кризис и развязка. Ситуация зашла в тупик весной 2005 г., когда депутаты краевого Совета дважды вынесли вотум недоверия губернатору. Этим был создан весьма нежелательный для Путина прецедент, поскольку ему предлагалось отстранить губернатора от должности по требованию «снизу», по инициативе местного парламента. Это никак не вписывалось в логику выстроенной властной вертикали. Евдокимов был приглашен в Москву, где ему было предложено добровольно сложить полномочия или написать письмо президенту с просьбой о «выражении доверия». Однако ни то, ни другое Евдокимов делать не стал, ссылаясь на то, что он всенародно избран. Именно тогда он и дал интервью на «Эхе Москвы» о том, что «если народ пойдет, я, конечно, пойду с народом». Говорили также о его намерении участвовать в президентских выборах. К этому времени многие «соратники» уже использовали его в меркантильных интересах и «вовремя сбежали». По имеющимся свидетельствам, сам Евдокимов накануне гибели замечал за собой слежку и высказывал опасения, что его «наверное, шлепнут». В начале августа он был лишен машин сопровождения и охраны.

Опрос социологического Центра Ю. Левады показал, что более половины (52 %) респондентов считали произошедшее 7 августа покушением на жизнь губернатора. Однако эта версия следствием и судом не проверялась и не рассматривалась. Дело о причинах гибели Евдокимова» было сразу трансформировано в «дело Щербинского». Это оставило без ответа многие вопросы.

Именно то, что гибель Евдокимова выглядит как произошедшая «очень кстати» для его многочисленных противников, подогревает распространение неофициальных версий о его гибели. В народе и на Интернет-форумах рассказывают о простреленном заднем колесе «Мерседеса», об исчезнувшей с места происшествия третьей машине и т. д. Очень многих волнует вопрос, почему руководитель краевого УВД генерал В. Вальков накануне трагедии распорядился снять машины сопровождения и охрану и почему он не появился в суде даже в качестве свидетеля.

Еще больше загадок добавляют сопутствующие истории. Например, в Рубцовске за несколько часов до гибели губернатора произошел подрыв милицейской машины, повлекший гибель одного из сотрудников. Комментаторы отмечают, что это событие должно было отвлечь внимание краевой милиции от Бийской трассы. Впоследствии по делу об этом «теракте» был привлечен чеченец, работающий в Рубцовске санитаром, однако суд доказал его непричастность к данному событию. Вопрос о том, кому был нужен этот единственный в новейшей истории Алтая «теракт», так и остался без ответа.

Не менее странная история связана с «подложно-подлинным» письмом выжившей после катастрофы вдовы Евдокимова. Как известно, еще до вынесения приговора Зонального суда в СМИ было распространено письмо, в котором она говорила: «Наверное, подобное настойчивое указание на «виновника ДТП» – это лишь повод скрыть истинные причины трагедии. Для меня ясно одно: Михаилу Сергеевичу была положена машина сопровождения. Ее не было. Поэтому справедливее судить чиновников, решение которых косвенно или явно стало причиной случившегося. А судить простого человека – это похоже на попытку уйти от ответственности тех, кто заинтересован, чтобы правда никогда не была обнародована. Сегодня речь идет не просто об умалчивании каких бы то ни было объективных фактов. Идет искажение действительности. Хочется, наконец, получить ясные ответы на вопросы, которые возникают не только у меня». Однако под давлением неких обстоятельств Галина Евдокимова, находившаяся тогда в больнице, публично отказалась от авторства этого письма. Во всех СМИ оно тут же было объявлено «фальшивкой». Теперь же выяснилось, что такое письмо она все-таки составляла.

Показателен еще один факт. Официальное утверждение о том, что суд в Зональном районе провели в закрытом режиме по

требованию потерпевшей стороны, тоже оказалось неправдой. Представители этой стороны заявили, что такого требования они не выдвигали. Подобных неувязок в «деле Евдокимова» очень много.

Особенностью многих явлений политической жизни в современной России становится их имитационный характер. В них почти не осталось «настоящего», подлинного содержания. Они выполняют функцию пиар-проектов и «муляжей», предназначенных для изображения того, что «у нас тоже все есть»: и независимые суды, и свободные СМИ, и оппозиционные партии, и демократичные выборы… В деле Евдокимова и Щербинского это все проявилось в самой полной мере.

Теперь, после решения прекратить дело, народу послан сигнал: «Следствие закончено, забудьте!» Однако опыт показывает, что общество все равно будет обсуждать самые разные версии – до тех пор, пока ему не будут даны правдивые и полные ответы на все оставшиеся вопросы.

Каким он был и как все было
Глазами родных и друзей

Галина Евдокимова «До нашей серебряной свадьбы Миша не дожил чуть больше года»

Память Галины Евдокимовой не сохранила последние 15 минут перед тем, как случилась страшная автокатастрофа, в которой погиб ее муж… В разговоре с корреспондентом «Известий» на Алтае Сергеем Тепляковым Галина Николаевна вспоминала не только эти минуты, но и все годы их совместной жизни.

«Он подходил к забору и пел»

В 1977 году в Нижнем Тагиле 16-летняя Галина Зубарева перешла в десятый класс. Жила она возле воинской части, где художником-оформителем в солдатском клубе служил рядовой Евдокимов.

– Галина Николаевна, а с какого момента Михаил Евдокимов вам понравился?

– Ну, не с первого взгляда! Больше того, как раз в тот момент я дружила с другим молодым человеком. Но Миша меня отбил. Даже не знаю, как это было, но тот поклонник пропал.

Его воинская часть была от нашего дома через забор. Был вечер, я стояла на балконе, а он подошел к забору. Так и пообщались в первый раз. А ради первой встречи он ушел в самоволку. Переоделся в гражданское, и я его не сразу и узнала. Ждала-то солдата… Посидели в парке на скамеечке. Он был тогда худенький, светловолосый.

– Как ухаживал?

– «Серенады» пел. Подходил к забору с гитарой и пел песни разные.

– Михаил Сергеевич бойкий был в ухаживании? Целоваться когда начали?

– Ну, эту тему не хочу освещать (смеется). Он был нормальный, не скромный, мягко говоря. Он сам делал первые шаги.

– А цветы-то дарил?

– Он портрет мой нарисовал. Правда, я выглядела так, будто мне уже лет сорок. Но портрет храню – он сейчас в Москве. Подарки делал, правда, не самые романтичные – чеканку, доску разделочную. Он мастеровитый был, уже когда стал артистом, он все делал запросто и основательно. Это у него в крови.

«Чтобы заработать отгул для свидания, я сдавала кровь»

– Вы учились в Нижнем Тагиле в медучилище, он – в Новосибирске в Институте советской торговли. Это правда, что на свидания вы летали самолетами, а на билеты подрабатывали: вы – техничкой, а он – грузчиком?

– Так и было. Кроме денег надо было ведь еще отгулы заработать. Я подрабатывала на «скорой», кровь сдавала, чтобы отгулы были.

– Вы четыре года «дружили» – даже по советским меркам это долго…

– Так получилось. В начале июня 1981 года умер мой папа. Я Мишу вызвала телеграммой. Во время поминок он встал и моим родственникам сказал, что мы решили пожениться. А 22 августа 1981 года сыграли свадьбу. Мы этот день почти всегда отмечали. Чаще всего на Алтае – покупали шарики в виде сердечек, развешивали на доме, девчонки нам писали плакаты с поздравлениями…

– Покорять Москву он отправился с девятью рублями в кармане…

– Да, накоплений у нас не было. Он всегда хотел быть артистом, еще до свадьбы говорил мне, что пробьется на эстраду. На первом месте у него тогда были пародии. Поступал в 1979 году в эстрадно-цирковое училище – не поступил. А в Институт советской торговли его взяли, хотя в те годы еще неизвестно, куда было проще попасть.

Он учился и работал. Сначала – администратор кафе «Спутник» в Новосибирске, потом – замдиректора столовой. А по вечерам в выходные играл на танцах. Я понимала, что торговля – не его призвание.

– Работая в торговле во времена дефицита, он проявлял себя как добытчик?

– Знаете, он ничего не тащил. Как-то однажды принес кочан капусты, который ему положила завпроизводством, чтобы мужик хоть что-то принес с работы домой. А для него этот кочан уже был воровством.

«С бородой я пыталась бороться»

– Юный Евдокимов был щуплым блондином, а стал бородатым кряжистым здоровяком. Как вам это превращение?

– А ведь в 20 лет он был худее, чем я! Я в его брюки не влезала. Когда начал полнеть, пытался бегать по утрам, но в

целом относился к этому спокойно. У него конституция такая, он должен был с возрастом раздаться, и это его не портило. А вот с бородой я пыталась бороться. В 1992 году мы уехали летом в Горный Алтай, и он там долго не брился. Я потом говорила, что не хочу видеть его бородатым. Но ему с бородой понравилось. А потом и я привыкла.

– У вас были «домашние» имена?

– Он звал меня «маменька», но мне это не очень нравилось, я говорила: «Я тебе жена!» и в ответ звала его «папенька». А вообще это от дочери пошло: Анечка маленькая называла нас «маменька Галенька», «папенька Мишенька».

– Я знаю, что Михаил Евдокимов дал денег на покупку дома школьному товарищу, заплатил 186 тысяч за операцию на сердце девочке Виктории Оськиной. Он вообще не жалел денег?

– Он не копил. Заработал – потратил. Нужно кому-то – помог. По большим суммам советовался со мной. Он легко расставался с большими деньгами. Когда учился в Новосибирске и жил только на то, что сам зарабатывал, отдал земляку свое теплое зимнее пальто. Сам остался без зимней одежды, мерз! Вот за это я его пилила. Говорю: «О себе-то надо думать! Если бы что еще было в гардеробе, а то единственное пальто».

– Каким он был в семье?

– Дома он часто был задумчивый, серьезный. Если я видела, что на работе у него проблемы, что-то его гнетет, я просто в этот момент старалась его не утомлять своим вниманием. Пусть сам с собой пообщается. И он потом рассказывал, о чем переживал.

– У него были домашние обязанности?

– Иногда у него появлялось желание готовить. Он хорошо готовил пельмени, плов, драники.

– Для драников в семье кто-то должен быть белорусом.

– Про белорусов не знаю, но у Миши по материнской линии польские корни.

– В его репертуаре были герои, любившие выпить. А сам Михаил Сергеевич это дело любил?

– Как все нормальные люди. Бутылку я от него не прятала. Если какое-то событие, почему бы не выпить?

– А вас он пародировал?

– Так, интонации некоторые, которые ему не совсем нравились.

– Вы можете предположить, откуда у него страсть к быстрой езде? (Машина Евдокимова в тот трагический день неслась со скоростью более 200 км/час. – «Известия»)

– Он ездил нормально. Он быстро ездил там, где нет машин. Всегда контролировал ситуацию.

– Вы тоже водите машину…

– Я с девяностых годов за рулем. Сейчас в Москве у меня «субару». А начинала на «Оке». Мише заплатили машиной за концерты в Набережных Челнах. Год я не решалась сесть за руль, а потом начала ездить и освоилась – для меня рулить было как пешком ходить.

«Незадолго до смерти он выбросил свои бумаги»

– Аня Евдокимова снялась в одном из отцовских фильмов. А вы?

– Да, ей было 15 лет, он уговорил ее сняться в роли невесты в фильме «Не послать ли нам гонца». Там у нее одно слово. И у меня есть кинематографический опыт: Миша попросил меня в «Не валяй дурака» в массовке сыграть, когда Золотухин играет на гармошке и в сарае стоит народный хор, я там есть. И потом, когда лодку провожают, я стою на горочке и машу рукой. Сначала отказывалась, но потом вошла в азарт. Там было много прекрасных артистов – Ольга Остроумова, Валерий Золотухин, Лев Дуров.

Миша хотел заниматься кино, он хотел снимать кино по своим сценариям. Он хотел писать сценарии, книги, даже кабинет для этого оборудовал. Его друг, оператор Шукшина Анатолий Дмитриевич Заболоцкий настаивал, чтобы Миша начал писать, и работал именно в Верх-Обском.

– От Михаила Сергеевича остались какие-то дневники, записки?

– Дневников он не писал. А незадолго до губернаторства начал разбирать свои бумаги и много чего выкинул. Почему-то решил, что все это ему уже не пригодится.

– А чем вы собираетесь заняться в ближайшее время? Может быть, напишете о нем книгу?

– Я еще не в том состоянии. У меня совсем недавно появилась свобода передвижения. Сейчас я просто отдыхаю, хочу урвать еще немного теплых денечков.

«Иногда мне хотелось, чтобы он отказался от губернаторства»

– Писали, что особое расположение Владимира Путина к Михаилу Евдокимову возникло после поездки в Чечню. Там они якобы летели на одном вертолете и попали под обстрел. Это

правда или легенда?

– Правда. Миша летал в Чечню поздравлять солдат вместе с другими артистами – Боярским, Розенбаумом. И Путин был с ними, но он еще не был президентом, это был как раз тот декабрь, когда 31-го числа Ельцин сказал: «Я устал, я ухожу». Мы тогда встречали Новый год без Миши, хотя и не знали, что он летит в Чечню, думали – просто поездка по регионам. В память об этой поездке Путин Мише часы подарил. Миша их иногда надевал.

– Когда Михаил Сергеевич пошел на выборы, он говорил, что на это его благословил Путин во время приезда в Верх-Обское 25 августа 2003 года. Был между ними такой разговор?

– При мне этого не было. Сначала мы находились в доме, а потом они ушли в баню, и о чем они там говорили – кто же знает? Парились долго, по-русски. Могли и о выборах поговорить. Миша хотел, чтобы люди на Алтае жили хорошо. У него эта мысль была всегда.

Когда объявили выборы губернатора Алтайского края и Миша заговорил о своем участии, я думала: поговорит и забудет. Но потом стало понятно, что он занят этим всерьез. Я приняла это как данность. Когда близился финал, уже и мне хотелось победы. Но когда сказали, что мы победили, у меня было чувство: а может, и не нужно? В ту ночь мы были в напряжении, ждали результатов, а Миша уснул. Ночью мы узнали итог, но будить его не стали.

– Многие говорили, что для него это оказалось слишком тяжелой ношей. Было ли губернаторство ему в тягость?

– Думаю, для любого такая работа будет сложной.

– Правда, что Михаилу Сергеевичу предлагали пост замминистра культуры, чтобы только он ушел в отставку?

– От него я об этом не слышала. Хотя слухи были, и не только про замминистра. Ему было тяжело. Иногда мне хотелось, чтобы он все бросил.

«Лицо мне поправили, пока я была без сознания»

– Когда 7 августа 2005 года вы поехали из Верх-Обского в Полковниково, какие слова Михаила Сергеевича оказались последними?

– Он спросил Сашу (телохранитель Александр Устинов. – *«Известия»*), где машина сопровождения. Саша позвонил, сказали, что сопровождения не будет, и после этого в машине была тишина.

– И музыка не играла?

– Нет. Мы ехали в тишине.

– В газетах тогда писали, что вы не помните момент аварии…

– Да, дорога от Бийска и до момента аварии у меня не восстановилась в памяти. До сих пор. Эти минуты, наверное, четверть часа жизни, просто выпали куда-то. Помню только, что начала переобуваться. Я была в домашних тапках, а ехали мы в Полковниково на торжества в честь Германа Титова. Я наклонилась и начала менять обувь.

– Кто вам сказал о несчастье?

– Вечером 7 августа после операций я пришла в себя. Никого ко мне пускали. Меня спросили, помню ли я аварию. Я сразу вспомнила, что мы ехали в Полковниково. И спросила: «Где Михаил Сергеевич? Где Иван Иванович (Иван Зуев, водитель. – *«Известия»*)? Где Саша?» Мне говорят: «Не здесь». – «А где?» – «Потом, потом». И я, видно, опять провалилась в сон. Анечка первой сказала мне об этом 8 августа. Видимо, ей сказали, что она должна это сделать.

– В уголовном деле перечисление ваших травм занимает несколько страниц. Как вам удалось подняться и при этом прекрасно выглядеть?

– Сначала нужно было просто научиться сидеть под прямым углом – чтобы сосуды головы привыкли к вертикальному положению. Меня поднимало большое количество людей. При этом разбитую левую ногу надо было держать определенным образом. Потом я начала стоять, опираясь на врачей. Потом стояла на костылях. Начала ходить с костылем. Сначала достижением было походить по палате, потом – выйти в коридор. Училась ходить по лестнице. Только в ноябре я первый раз оказалась на больничном дворе.

Все – врачи, медсестры, руководители больницы – очень по-доброму относились ко мне. И не потому, что я Евдокимова, просто они так ко всем относятся. Мы дружны и с медсестрами, и с начальником отделения. Мы теперь как родственники. Я благодарна всем сотрудникам краевой больницы, всем, кто мне помог.

– Писали, что вашему лицу понадобится пластическая операция…

– Не всегда то, что пишут, соответствует действительности. Может, организм у меня такой, что у меня все разгладилось. И с врачом повезло: мне лицо поправил врач Евгений Сафонов в селе Зональное сразу после аварии. Я тогда была без сознания, и познакомили нас недавно на мероприятиях в честь Михаила

Сергеевича.

«Анечка положила ему в гроб мяч»

– Михаила Сергеевича несли на кладбище под его песню «Я еще вернусь» с его последнего диска…

– Это удивительная песня. Музыку написал Евгений Мартынов, певец, который умер еще в 90-х годах. Стихи на музыку положил Роберт Рождественский, который тоже умер в середине девяностых. Миша ее спел давно, а незадолго перед смертью включил в диск. Это Аня решила, что отца должны нести под эту песню. Аня молодец, она держалась стойко даже по сравнению с мужчинами. Анечка решила положить ему в гроб футбольный мяч. Чтобы что-то там с ним было рядом.

– Михаил Сергеевич вам снится?

– Я его редко вижу. Когда снится, ничего не говорит, ничего не делает. Просто я вижу его живым. И во сне удивляюсь: «Вот ведь жив, а говорили, что умер». Вот Анечка часто видит его во сне.

– Вещи Михаила Сергеевича вы раздали?

– Не сразу начала, но сейчас раздаю.

– А что не отдадите?

– Косоворотку. Концертную одежду Будет же музей в Верх-Обском, что-то надо будет туда передать. А спортивный костюм, на котором написано «Евдокимов», оставлю себе…

Татьяна Мальцева
«Обниму, и все заботы с плеч свалятся»

Сестра Михаила Сергеевича Евдокимова, Татьяна Сергеевна Мальцева, живет в селе Верх-Обском в родительском доме. С первых минут общения с ней ловишь себя на мысли: как же похожа она на своего знаменитого брата.

И руками так же размахивает, и вздыхает, как он… Первой на эту схожесть обратила внимание Аня, дочь Михаила Сергеевича Евдокимова, когда ей было 9 лет. Татьяна Сергеевна приехала тогда к ним в гости, произнесла несколько слов, и Аня замерла, а потом выдохнула:

– Тетя Таня, как вы похожи на папу.

– Это он на меня похож, – засмеялась она. – Я все-таки старше его.

Татьяна Сергеевна старше брата на 6 лет. Поэтому прошу ее вспомнить, каким Михаил Сергеевич был в детстве.

– Когда он родился, мама руку сломала, и я нянчила его. Он был очень спокойный, спал и спал. Мама даже тревожилась по этому поводу. Еще в раннем детстве он часто болел, в основном ангиной. Кстати, болели мы с ним по переменке: то он, то я. Потом Миша окреп. Как и все мальчишки, хулиганил. Бывало, напроказничает, мама хочет наказать его, а он кричит: «Ой, Таня, спаси меня!», и прячется за мою спину. Не помню, чтобы кто-то в нашей семье дрался. Нас, ребятишек, было много, но все жили дружно. Я, бывало, попрошу Мишу о чем-нибудь, он скажет: «Да ну тебя, вот пристала». А потом возьмет и втихую сделает. Такой у него был характер.

Миша меня любил. Я это всегда чувствовала. Когда жила в Новосибирске, часто ко мне приходил. Он учился там же, в институте торговли. Помню, лежала в роддоме, он пришел со своей гитарой и прямо перед окнами песню исполнял. Девчонки тогда восхищались: «Какой у тебя брат молодец».

В Верх-Обское вернулась, когда мама заболела. Я за ней два года ухаживала. Мама у нас была очень хорошей. Все время говорила:

– Доченька, сядь, посиди.

– Мам, – отвечаю, – мне еще столько пеленок постирать надо.

– Да нехай ты эти пеленки, давай лучше песню споем.

И вот мы с ней сядем и какую-нибудь затянем. Самой любимой у нее была «Расцвела под окошком белоснежная вишня».

Миша обрадовался, что я домой вернулась. Приехал, обнял

меня, закружил и говорит: «Танька, я тебя люблю». Он всегда мне комплименты отпускал. Пока мама болела, приезжал очень часто, дорогие лекарства привозил. На этих таблетках она еще пожила.

Рассказывая о брате, Татьяна Сергеевна часто перескакивает с одного на другое. Плачет. Помолчав немного, продолжает:

– Он когда приходил, я его крепко обнимала, и такое хорошее ощущение возникало. Казалось, все мои заботы сразу сваливались. Как будто энергией какой меня подпитывал.

Последний раз видела его 1 мая 2005 года. Были здесь все, но очень спешили и даже в дом не зашли. Миша мне показался каким-то измученным. Он тогда ничего не сказал, но я почувствовала, что у него плохо на душе.

Когда Миши не стало, я плакала и днем, и ночью. И вот приснился мне сон. Приходит он ко мне и говорит: «Таня, не плачь. Я живой». Утром встала, и мне легче стало. Иногда мне действительно кажется, что он не умер, а уехал в далекую творческую командировку…

Сейчас читаю и слушаю все, что о нем пишут и говорят. Пишут в основном хорошее. Приятно, что люди помнят его. Какой-то Мишин друг на кладбище поставил памятник маме. Хочу всех поблагодарить за то, что помнят и любят Мишу, ухаживают за его могилой. Спасибо Валентине Федоровне Поповой, главе сельской администрации, всем местным жителям.

Константин Евдокимов «Брат спас меня от смерти»

О том, что 7 августа 2005 года заслуженный артист России и губернатор Алтая Михаил Евдокимов, водитель Иван Зуев и охранник Александр Устинов погибли в страшной автокатастрофе, знает вся страна. Но только самые близкие знают, что младший брат Михаила Сергеевича, тоже артист и певец, попадал в не менее страшную автокатастрофу. Второе рождение на белый свет ему подарил брат Михаил Евдокимов.

И теперь Константин, рассказывая об этом, едва сдерживает волнение:

– Я на Мишу готов молиться. Он как старший не просто заменял мне отца. Самое главное, что он сделал для меня, – он спас меня от смерти. Ему я обязан тем, что теперь у меня два дня рождения – 14 марта и 26 августа.

Авария

Пять лет назад, 26 августа 2002 года Константин Евдокимов недалеко от Белокурихи на своей «семерке» попал в аварию и очень сильно пострадал. За две недели до случившегося ему приснился необычный сон.

– Я видел, будто лежу прикованным к кровати в белой-белой комнате, вокруг все белое – и пол, и потолок, и стены. И когда в Белокурихе я очнулся в палате реанимации, я лежал в точно такой же, как во сне, белой комнате, и так же не мог пошевелиться. Только был я не прикованным, а привязанным: доктора привязали меня специальными ремнями, чтобы я, придя в себя, не мог повернуться и что-нибудь себе повредить. Переломов было очень много, – вспоминает Константин Сергеевич.

Спасение

Врачи потом рассказали Константину, что, не окажись в это время Михаила Сергеевича на Алтае, не задержись он на пару дней и не похлопочи, никакое чудо не смогло бы спасти пострадавшего от неминуемой смерти. В городскую белокурихинскую больницу Евдокимова-младшего доставили

оперативно, но выяснилось, что для лечения тяжелых травм, полученных в аварии, там и оборудования не хватает, и необходимых медикаментов. Константин Сергеевич рассказывает:

– Врачи быстро определили, какой нужен препарат, и наудачу позвонили Михаилу: не были уверены, что он на Алтае. К великому счастью для меня, он еще был на родине. Тут же бросился обзванивать знакомых докторов по всему краю. Мне необходимы были четыре инъекции очень дорогостоящего препарата: один укол стоил около 20 000 рублей. В Бийске нашлась только одна инъекция, остальные Михаил отыскал в Барнауле, и оттуда их доставили вертолетом. Благодаря его хлопотам врачам удалось вернуть меня с того света. Я получил сотрясение мозга, у меня были переломаны обе ноги, сломаны ребра, позвоночник. Самым опасным для жизни было то, что костный мозг начал забивать легкие…

Константин был без сознания не столько от болевого шока, сколько от нехватки кислорода, почти не мог дышать. Для того, чтобы костный мозг, попавший в легкие, рассосался, необходимы были эти уколы. Через два-три часа после того, как Евдокимова-младшего доставили в больницу, он бы просто задохнулся без этих инъекций. Михаил позаботился, чтобы лекарство доставили быстро.

Исцеление

Семь месяцев Константин Евдокимов пролежал на спине без движения. Кости обеих сломанных ног из-за тяжести переломов срастались медленно. На левой ноге был так называемый «винтовой» перелом, она была сильно раздроблена. Нужно было ставить имплантант, и тут на выручку тоже пришел Михаил – помог отыскать подходящий.

На правой ноге перелом был у шейки бедра, тоже очень сложный. Константину поставили аппарат Илизарова, сделали операцию на коленном суставе.

– Когда я научился вставать на ноги, понял, что если не выйду на сцену в ближайшее время, уже не вернусь на эстраду никогда. С момента аварии прошел почти год. Сцена мне нужна была как воздух, чтобы почувствовать себя человеком. Не инвалидом на костылях, не полностью разбитым и списанным за ненадобностью хламом. Тяжело было перебороть себя, мучили сомнения, хватит ли сил, боли были ужасные… Врачи мне поначалу вообще сказали: «Костя, в лучшем случае ты будешь с тросточкой ходить!» Скептически настроенные доктора

предполагали, что я останусь прикованным к инвалидному креслу. А сегодня некоторые даже и не замечают, что у меня что-то не в порядке с ногами… Хотя у меня в левой ноге 11 килограммов металла и где-то около 400 граммов – в правом колене…

Сцена

Когда ноги принялись заживать, а боли – исчезать, начали сказываться остальные последствия аварии. Дало о себе знать сотрясение мозга: у Константина начались головокружения. На реабилитацию ушел месяц. Потом напомнил о себе позвоночник. Было такое ощущение, что организм сначала восстановил самую проблемную зону, весь ресурс «бросил» на заживление ног, а потом начал сигналить: «Костя, надо еще вот это, вот это и вот это вылечить!» Теперь каждый год Константин подлечивает позвоночник в Белокурихе: позвонки периодически смещаются, их нужно возвращать на место.

Собрав всю волю в кулак, Константин решил, что на сцену все-таки выйдет.

Происходило это так: на сцену к микрофону его выводили под руки, давали ему небольшую тросточку, на которую он опирался во время концерта, и потом открывался занавес. А после выступления занавес закрывался, и Евдокимова подхватывали под руки, чтобы увести со сцены: сам он ходить еще не мог. Но твердо сказал себе, что научится. И научился. Реабилитироваться ему помогла сцена. То непередаваемое чувство, которое возникает, когда стоишь перед тысячным залом. Энергетика зрительской благодарности исцеляет любые недуги. Константину Сергеевичу хватило силы воли сделать первый шаг, не сдаться – и сегодня он выходит на сцену без всякой помощи, даже без трости – чтобы порадовать зрителей юмористическими монологами и замечательными песнями.

Уход из жизни двоих самых дорогих его сердцу людей – брата Михаила и продюсера Владимира Семенова (с ним вместе Константин проработал больше 16 лет) – еще долго будет отзываться ноющей болью в сердце Константина Сергеевича.

…Смерть настигла его брата через три года после случившегося с Константином, в том же злополучном августе, и по странному стечению обстоятельств, это тоже была автокатастрофа.

Александр Михайлов
Корни у нас одни – сибирские

Чувство дружбы, товарищества – это основа основ. Так это на всю жизнь и осталось. Миша Евдокимов, талантливый добрейший человек самой чуткой души, рядом со мной. С ним мы очень много лет дружны, с первой встречи в Доме кино. Он помладше меня, но очень многое нас соединяет в жизни. Корни у нас одни – сибирские, он с Алтая. Друзья – это удивительная редкость, подарок душе. Друзья – это то, что дает силу жить, держит на плаву. Друзья – то, что незыблемо. Господи, какое счастье, что у меня есть такие друзья! Коля Козлов, военный человек. Бывший чекист, поэт, бард Игорь Дергунов… Я бесконечно благодарен за то, что они просто есть. За то, что они – близкие: по образу мысли, по состраданию к людям. К России. К тому, что происходит. Убежден, что Россия будет возрождаться от Сибири, от нашей безбрежной провинции. Это предугадывал в свое время еще Ломоносов, и не грех повторить: мощь России возрастет Сибирью-матушкой. Так оно и будет.

В любой игре, не только в большом искусстве, для меня важен лишь сам процесс, без ставок на рубли: интересен чистый азарт. Даже когда ты отдыхаешь душой, когда, проиграв, кукарекаешь под столом – в этом что-то есть. Уж мне-то приходилось кукарекать не раз…

У меня партнер самый замечательный – Миша Евдокимов. Мы часто с ним уезжаем куда-нибудь в глухомань, где есть бильярдная доска. Можем сутками играть, часами ходить вокруг стола, не уставая. И от этого удовольствие получаем невероятное…

Я не безгрешен, и всякое бывало. Но я никогда не предавал. И еще важно, как ты преодолеваешь беды. Да, бывает сразу видно – у этого человека душа болит. Но важно не то, что болит, а важно, за что она болит. Если за самого только себя, цена такого страданья – одна. А вот когда не за себя – за ближнего своего, когда за побирающихся наших людей, за обворованную и униженную Россию человеку больно – здесь высота страдания совсем иная…. И каким же художником ты можешь быть, если ты отгородился от всего этого? Если ты успешно изолировал свою душу от общих людских переживаний?

Нет, не этих «художников» я уважаю и люблю. Один из самых близких друзей моих – Михаил Евдокимов, он – мощный художник. Сильный духом, красивый человек. Но я видел его и в

другие минуты. Когда ему больно и тяжело от бед, сквозь которые бредет наш измученный до последнего предела народ. Я сразу прошу прощения у всех состоятельных людей, которых я сейчас могу обидеть, но кто из тех денежных шакалов, которых мы видим без конца на эстраде, будет асфальтировать дороги в алтайской деревне, как это делает совсем не богатый Миша Евдокимов? Кто из них, утопающих в роскоши и бесстыдно свою роскошь выказывающих еще и по телевидению, будет покупать землякам трактора, чтобы было чем вспахать заброшенное поле?

В сорока километрах от шукшинских Сросток его деревня Верх-Обское. Каждый июль мы туда стараемся приезжать вместе. Он-то приезжает по нескольку раз в год – не может надолго отрываться от своих корней. Каждый раз, уезжая со своего родного Алтая, он, как у Шукшина в «Калине красной», обхватывает березу – «Я не могу больше, не могу! Нет сил…» Стоит, плачет – устал, и нервы на пределе. Его с трудом отрывают и сажают в самолет. Столько, сколько он добра людям делает… Я другого такого человека не знаю. Безумно талантливый художник. Юмор у него – не этот, ходульный, который человека и все, что вокруг, только пачкает, унижает, оскорбляет, а светлый, потрясающий народный юмор. Ясного дара художник, работающий на износ. Много общего у нас, многое сблизило. Бывает так, что позвонит он мне в два часа ночи: «Старик, что-то я устал…». Приедет, и до утра сидим и молчим. Выпьем немножко и просто сидим, даже не разговариваем. Молчим. Молчим!.. Миша может много часов не проронить ни слова, это – отдохновение от жуткого перенапряжения. Я-то знаю, что он часа четыре только что отговорил. Отработал – ему помолчать хочется… Мы с ним друг друга понимаем.

Я не приветствовал его идею стать губернатором, но…

С Мишей мы познакомились в Доме кино. Стали напротив друг друга и почувствовали, как вольтова дуга между нами проскочила. Обнялись мы с ним и почувствовали, что одной крови. Тем более мы два сибиряка, только он с Западной Сибири, а я с Восточной. Наша родина общая – Сибирь. Так до конца его дней и остались друзьями.

Ничего не может быть прекраснее духовной близости. Разные характеры у нас, но по основным параметрам столько было точек соприкосновения у нас, что просто поражался иногда. Основная черта Мишки – у него было патологически обостренное чувство справедливости. Это меня всегда поражало. Всегда с болью

говорил о своей земле.

Я один из тех, кто не приветствовал его идею стать губернатором. Просто очень хорошо помню один эпизод. Как-то после очередного фестиваля он мне говорит: хочу сделать сходку мужиков – директоров совхозов и колхозов. Я как-то не придал этому особого значения. Но действительно собрал их на берегу Катуни! И среди седовласых, умудренных опытом мужчин, выходит на середину этот довольно-таки молодой человек и начинает распределять: «Сидор Иванович, у вас более северный район края, вы помогите более южным районам, где быстрее созревает пшеница. А потом взаимозачетом все сделаем…»

И он начал все это распределять, а я сидел, смотрел и думал: «Боже мой, какой ты актер? Ты уже вырос из этих актерских штанишек». Он уже государственно мыслил. Он настолько любил свой край, что уже тогда, в самый пик популярности, думал и болел душой за своих. И поэтому к нему со всего Алтая приходили десятки, сотни ходоков, кланялись ему и говорили: «Сергеич, на тебя вся надежда, не можем больше, задыхаемся. Мы знаем, что ты справедливый, честный мужик». Я никогда не забуду, когда была предвыборная кампания, к нему подошла пожилая женщина и поцеловала ему руку. Он в сторону отошел, у него плечи задрожали, заплакал. «Я так их люблю, – сказал. – Как я могу их предать? Я все ради них сделаю…»

Он всегда был за правду и справедливость

Лучший друг Михаила Евдокимова актер Александр Михайлов – из когорты тех мастеров искусств, которых называют совестью нации. Без преувеличения вся Россия обожает его киногероев – Шорохова («Змеелов»), Павла Зубова («Мужики»), Васю Кузякина («Любовь и голуби»). За настоящую мужественность, трогательную любовь и высокую планку нравственности. Понятия «честь» и «достоинство» для самого артиста тоже ключевые в жизни. Александр Яковлевич потому и решил посвятить себя общественной деятельности на благо страны, возглавив Фонд имени Евдокимова.

– Я стал президентом фонда, чтобы переломить ситуацию, которая основана на лжи и фальши, – говорит Александр Михайлов. – Миша Евдокимов всегда был за правду и справедливость. Он многих прилипал пытался отодвинуть от бюджетной кормушки. И поэтому даже сегодня власти Алтая мстят ему. Одни не хотят, другие боятся лишний раз упомянуть его имя. Словно на его имя наложено табу. Не хотите говорить о

Евдокимове как о губернаторе – скажите хотя бы как об актере! Но нет ни слова. Мы, друзья Евдокимова, стараемся делать все, чтобы не только сохранить память о нем, но и продолжить его дело. В этом году провели культурно-спортивный праздник в его родном селе – эту традицию заложил сам Миша…

– То есть как политик Михаил Евдокимов под запретом?

– Не только как политик. Представить страшно: этой осенью Алтай отмечает юбилей, а в праздничной программе нет ни одного слова о Михаиле Евдокимове, который так прославил родной край!

– Но не это же привело вас в политику?

– Скажем так, не только это… Боль о будущем страны. Пусть это и звучит громко, но мне дорога Россия, и ради наших детей и внуков я тоже должен попытаться изменить жизнь россиян к лучшему…

– С помощью «Справедливой России», в которую вы не так давно вступили?

– Я, как и весь наш народ, устал верить лжецам и временщикам. И только эту партию никто не может обвинить в пустословии. Или в невыполненных обещаниях. Зато у грабителей, в том числе, кстати, и из различных партий, какие-то свои рейтинги и статистика. Народ доведен до отчаяния, до ужасающей нищеты, а они подсчитывают проценты роста его благосостояния! И у них, как это ни странно, выходит, что люди стали жить лучше, богаче. Покажите, кто и где стал жить лучше?! Даже Подмосковье живет гораздо скромнее столицы. А выезжаешь в Сибирь – и понимаешь, что пока деревня не встанет на ноги, пока русский мужик не воспрянет духом, России не будет. Если за 11 перестроечных лет уничтожено 20 000 деревень, о каком подъеме может идти речь? Вот существует программа правительства об оздоровлении нации – об этом много говорят и пишут. А что делается? А Евдокимов – делал! Красивая молодежь, которую я видел в этом году в Верх-Обском, и есть залог здоровья нации. Им не нужны ни алкоголь, ни наркотики, они растут с другими ценностями – нравственными…

– Евдокимова очень не хватает всем россиянам. Вместе с ним с эстрады ушла искренность и доброта…

– Миша был Артист с большой буквы. Сегодня эстрадный юмор – пошлый, ниже пояса. А Евдокимов никогда не позволял себе выходить за рамки нравственности. Все его миниатюры – фантастически красивые, пронзительные. В них всегда – русский мужик. И всегда – боль. Может быть, излишне звучит тема алкоголя, но это уж наша национальная слабость и беда. Но главное в них – любовь. Огромная, нежнейшая любовь к

настоящему мужику. И юмор – многослойный, многоплановый, прозрачный, светлый. Его чувствуешь, он словно осязаемый…

– Можно ли, на ваш взгляд, спасти русского мужика, остановить вымирание деревни?

– И можно, и нужно! Ведь мужик хочет работать – я это точно знаю, потому что много бываю в глубинке. А его обдирают как липку, спаивают, бросают на произвол судьбы. Стабфонд концентрирует невероятные деньги. Так потратьте их на повышение зарплат рабочим и интеллигенции, на возрождение производства, деревни, на достойные пенсии старикам. Боятся. Мол, тогда об этих деньгах можно забыть. Да ничего подобного! Если вкладывать их в производство, они, наоборот, заработают на экономику. Тот же вопрос о жилье – его должно строить государство и делать максимально доступным. Или молодежная политика: если взял кредит и рожаешь детей – он с тебя списывается.

– А чем конкретно занимается Фонд Евдокимова?

– Работы у Фонда много. Есть идея оборудовать в родном Мишином селе певческое поле, чтобы русская песня лилась там вольно и объединяла всех. В Верх-Обском уникальное, божественное место – сливаются Бия и Катунь, берет начало Обь, и энергетика просто целебная! Потом, мы хотим построить в селе церковь – это была давняя мечта Миши. Хотим превратить село в нравственный центр – центр противостояния игорной зоне, которая будет создана в знаменитой курортной Белокурихе. Мы поделились этими и другими планами с некоторыми политическими организациями. И только в «Справедливой России» нас поддержали. Вот потому наш гражданский долг – быть рядом с этими людьми…

Олег Иванов, композитор
Алтай для него – это Родина, а Родина – это Алтай

Мое знакомство с Михаилом произошло в начале восьмидесятых. В то время я жил и работал в Новосибирске. Однажды мне позвонили и попросили выступить с авторским концертом в Институте советской торговли. Там-то организаторы с гордостью рассказали о своем талантливом певце и пародисте Михаиле Евдокимове.

Мы познакомились. Миша был застенчив, но, как говорят, с живой искоркой в глазах и обаятельной улыбкой.

Позже, когда он приехал в столицу, мы оказались соседями. Жили друг от друга через четыре автобусные остановки. По московским меркам это недалеко. Жили в то время на юго-западе Москвы. Часто встречались.

Михаил тяжело приживался на новом месте. Испытывал как материальные, так и моральные трудности. Концертные ставки были низкими. Чтобы как-то выжить – ему приходилось работать на износ. Но главное, живя в столице, ему постоянно не хватало общения с земляками.

В начале девяностых годов Михаила заметили в творческих кругах. Он стал выступать на телевидении и на эстраде. Гастролировал с большим успехом. Квартирный вопрос решил.

Когда вышел на сцену с пародиями, стал испытывать необходимость в собственном песенном репертуаре. Поэтому он попросил меня написать для него несколько песен. Так появились «Подполковник», «Беломорский канал», «Котельная» на слова В. Степанова. «Господа, не бейте зеркала» на слова Е. Куликова, «Коммуналка» на слова А. Поперечного.

К сожалению, первый блин оказался комом… Несмотря на то, что аранжировкой и записью песен занимался талантливый музыкант-гитарист, ранее работавший с Игорем Тальковым – Геша Берков. В то время я, наверное, неправильно оценил природную скромность Михаила. Скромность заключалась в том, что он стеснялся разучивать с автором мелодию песни. Определять ее тональность.

В результате эти мелодии исполнялись им приблизительно, в завышенных тональностях, что не давало раскрыться его голосу и уникальному от рождения тембру.

Михаил возлагал большие надежды на сделанную работу и испытал настоящий шок, когда на ее принятии я сказал, что мне

это не нравится.

В результате, прежде всего, наверное, моей ошибки, из-за того, что я не смог найти к нему какой-то тонкий подход, мы разошлись почти на десять лет, в течение которых каждый занимался своим делом. А ведь могло это дело общим быть…

В силу разных обстоятельств, скорее всего с возрастом, я с болью стал воспринимать разрыв с Алтаем. И с радостью принял предложение Михаила побывать на своей малой родине и в его родном Верх-Обском.

На перроне Барнаульского аэропорта нас встретил заместитель главы края Николай Чертов. В Барнауле проведали моих родителей, после чего поехали в Мишино село. Было это первого декабря 2001 года.

Вечером мы приняли участие в большом концерте, посвященном семидесятилетнему юбилею села. Праздник проходил в сельском Доме культуры, отремонтированном на средства Михаила.

После концерта, на праздничном ужине, я впервые, без сопровождения музыки, запел свою песню «Мой край». Припев песни дружно подхватили два народных коллектива вместе с Михаилом:

…Пылай по забокам смородина,
Росистое утро, пылай.
Алтай для меня – это Родина,
А Родина – это Алтай!..

Вскоре эту песню Михаил включил в свою программу. В ней он выражал любовь к родному краю, землякам. Самому святому, что есть в жизни.

Перед тем как расстаться, Миша проникновенно, со своей непередаваемой интонацией, сказал: «Алик! Я тебя очень прошу – давай больше не ссориться!» И попросил написать для него цикл песен об Алтае, Сибири, малой Родине…

Последующие два года для меня были счастливые. Я с большим желанием написал двенадцать песен для Михаила, каждая из которых от сюжета до последнего слова обсуждалась и согласовывалась с ним. Почти все песни были написаны на слова московского поэта Бориса Бартосевича, который умудрялся, ни разу не побывав на Алтае, уловить то, что трудно поймать – непередаваемый аромат поэзии сибирской песни.

Михаил успел записать и спеть в своих концертах семь моих и семь своих последних песен: «Мой край» на слова Е. Скворешнева, «Невзначай», «На речке, на Катуни», «Заходите,

мужики», «Верх-Обское», «Заимка», «Разливная речка» на слова Б. Бартосевича.

Иногда меня спрашивают – правда ли, что у Михаила Евдокимова был особый характер? Да, непростой. В моем понимании он всегда был романтиком, для которого не пустым звуком были понятия: друг, земляк, товарищ. Он был требователен не только к людям, но в первую очередь к себе. Не терпел хамства, лжи. Презирал и сразу вычеркивал из своего круга предателей. Ценил дружбу с Александром Михайловым, земляками Александром Панкратовым-Черным, Валерием Золотухиным…

С большой любовью относился к супруге Галине Николаевне и дочери Ане. Переживал, что у меня с моей женой Еленой долго не было детей. Искренне был рад, когда у нас родился сын Федор.

Михаил Евдокимов ушел на самом излете, не спев свою лучшую песню, оставив меня с чувством огромной к нему любви и великого сожаления за то, что эту лучшую песню для моего земляка и друга – я уже никогда не напишу.

Регина Дубовицкая «Уход Миши в политику – большая глупость»

– Регина, алтайская трагедия потрясла многих. Спустя время начались разговоры о том, что роковая авария на трассе Бийск – Барнаул якобы не совсем случайна, потому что у губернатора были недоброжелатели. Что вы думаете об этой версии?

– Боюсь вас разочаровать, но какой-то эксклюзивной информации у меня нет. Я же не в ФСБ работаю. На самом деле Миша обожал быструю езду. Вот это совершенно точно. Официальной причиной автокатастрофы, в которой погиб он, его водитель Ваня Зуев и охранник Александр Устинов, стала безумная скорость их «Мерседеса». Совсем не удивительно, что водитель «Тойоты» не смог избежать столкновения.

– Вам доводилось когда-нибудь ехать с Михаилом Сергеевичем в одной машине?

– И не один раз. Это было не очень приятно, потому что он буквально летал. Всегда. По алтайским дорогам я с ним не ездила, только по Москве. Но, по правде говоря, и этого хватило. Миша здорово лихачил. А когда ГАИ останавливала его машину, просто давал автограф – и все.

– То, что Евдокимов пошел в политику, – случайность или закономерность? Может, не надо было его туда пускать? Был бы сейчас жив…

– Да кто ж его знает? Теперь думаю, что судьба, а тогда считала, что глупость. Из-за этого мы даже разругались с Михаилом. Когда он пригласил меня приехать на Алтай и поучаствовать в его выборной кампании, наотрез отказалась: «Это не твое. Ты актер от Бога. Политика – другая работа. Каждый человек должен заниматься своим делом». Но я знала, что Мишку не переубедить. Никогда и ни в чем, даже в мелочах. Он всегда добивался чего хотел.

– Его гибель была неожиданной для всех?

– Конечно, я не думала, что его деятельность закончится так. Знала бы – поехала на Алтай и сделала все, чтобы эти несчастные выборы провалились. В том, что у него ничего не получится, я была уверена. Убеждена!

– Вы были на его похоронах?

– Накануне я вернулась со съемок из Бреста и до сих пор не могу вспомнить, кто мне позвонил из Новосибирска и сказал, что Миша разбился. Нашла по телефону Володю Винокура, у него был

концерт в Анапе: «Ты слышал?» – «Ничего не знаю, но взял билет, лечу в Москву». Вместе полетели на Алтай. Народу было море. Прощались с Мишей на том самом стадионе, где он в течение 14 лет устраивал праздники для своих земляков. Люди стояли даже за оградой. Там я впервые услышала словосочетание «народный губернатор». Наверняка он что-то успел и сумел сделать, иначе бы его так не провожали. Недавно на месте гибели Евдокимова построили часовню святого Михаила. Освящение намечено на 7 августа. Вокруг посадили 47 березок – по числу прожитых Мишей лет.

– А что за праздники проводил Михаил Сергеевич для своих земляков?

– Началось это, по-моему, в 1991 году и с тех пор стало традицией. В программу входил матч между самыми известными в стране футболистами – суперзвездами, с которыми Миша дружил, и местной командой победителей районных отборочных игр. После него на этом же футбольном поле столичные артисты давали концерт. Конечно, бесплатно. Там была маленькая самодельная сценка – 2–3 метра. Но для деревни это было нечто! В то время фильмы-то привозили с опозданием лет на 5. А тут живой артист по улице идет. Да алтайцы никогда в жизни представить себе не могли, что по их улице пройдет Александр Михайлов, или Панкратов-Черный, или Владимир Винокур.

– «Аншлаг» туда, конечно, тоже приезжал?

– В полном составе! Есть съемки программы, когда на этот стадион пришли, по самым скромным подсчетам, 50 тысяч зрителей. Причем, заметьте, там же скамеек нет. Да еще жара была 35° во время концерта.

В прошлом году мы туда приехали, когда уже с Мишей все случилось. Так люди подходили и не спрашивали, а утверждали: «Значит, вы уже последний раз здесь…» Не могу сказать, что именно тогда пришло решение продолжить традицию, но в конце концов мы к этому пришли. Нас поддержало Российское телевидение, и сейчас большая команда артистов эстрады, театра и кино едет на Алтай: Валерий Золотухин, Олег Митяев, Володя Винокур, Клара Новикова, Александр Маршал, Панкратов-Черный… Футболисты будут обязательно.

– Евдокимов был футбольным болельщиком?

– В школе он сам неплохо играл. Конечно, в районном масштабе. И долго не мог сделать выбор между футболом и сценой. Буквально разрывался. До последнего времени не отказывал себе в удовольствии погонять по полю. Например, несколько лет назад я была на любительском матче, где его команда вместе с ним продула. На вопрос: «Почему?» Мишка не

обиделся: «Мил человек, годы-то уже не те. Мне кажется, что я бегаю, а ребята говорят, что я стою на месте».

– Вы ведь были дружны с Михаилом Сергеевичем. Интересно, как он в Москве оказался?

– После армии приехал разбираться, почему его рассказ здесь не печатают. Но поскольку приехал с десяткой в кармане, долго ему разбираться не пришлось. Кушать-то надо было. Устроился чернорабочим в какую-то мастерскую. Так и остался в Москве.

– Знакомство свое с ним помните?

– В 1984 году кто-то из артистов сказал, что появился в Москве талантливый мальчик, делает пародии и вроде бы работает в областной филармонии. Я его вызвонила, хотя найти Мишу было непросто. Он в то время снимал даже не комнату, а полкомнаты где-то на окраине. Когда пришел в Останкино, я предложила ему показать пародию. Молчит. Думаю: стесняется человек – редакция, много людей сидит. «Представьте, – говорю, – что это Театр эстрады». – «Я никогда не работал в Театре эстрады». – «Ну представьте, что это клуб в вашей деревне. Вот вы выходите на сцену. В зале земляки». – «А зачем я им буду что-то показывать, они и так все мои пародии знают». – «Зачем же вы тогда ко мне сюда пришли, если не хотите показывать пародию?» Пауза, а потом он говорит: «Пришел, чтобы познакомиться». Меня зло разобрало – честно. «Ну и как я вам?» Снова пауза. «Все нормально. Еще увидимся», – и ушел.

– А что потом?

– Не запомнились мне ни вторая встреча с ним, ни третья. Помню только период дружбы. Все близкие знали, что если мой телефон долго занят, я или с Евдокимовым, или с Новиковой разговариваю. Больше не с кем.

– Характер у Михаила Сергеевича был не из легких?

– Он был человеком настроения. Это безусловно. Хорошее у него настроение – все вокруг в светлых тонах. Если почему-то вдруг испортилось, можешь к нему даже и не подходить. Будет молчать – и все. Непростой он был, непростой. И закрытый, «застегнутый» на все пуговицы.

Почему я в 1991 году поехала к нему в деревню? Делала программу о нем и понимала, что в Москве у меня ничего не получится. Миша, которого я знала в Москве, и Миша в деревне – два разных человека.

У него было много школьных друзей. И когда я со всеми познакомилась, поняла, что Евдокимов был среди них атаманом – лидером. Всегда, не только в пору своей известности. Он был первым парнем на деревне. Там он раскрепощался и со своими деревенскими становился самим собой.

– Когда человек становится знаменитым, его окружение, как правило, меняется.

– Мишины друзья шли с ним по жизни. Он жил в Москве, но москвичом никогда не был. Главное его местожительство – деревня Верх-Обское. Он пропадал там. Полгода точно проводил. Как-то разыскала его в сентябре по телефону: «Миша, ну ладно, ты в деревне. У дочки же занятия в школе начались. Она же все забудет!» И он мне тогда сказал: «Главное, чтоб она деревню не забыла».

– Михаил был хорошим другом?

– Помню, как первый раз пришла к нему домой. У него в Москве была маленькая двухкомнатная «хрущевка». И меня поразило, что все в ней было завалено какими-то одеялами. «Что это такое у тебя?» – «Ребята с Алтая приехали». – «А что, им больше негде ночевать? Только у тебя?» – «А у меня здесь, считай, Дом колхозника». К нему постоянно приезжали гости с Алтая.

Как-то перед Новым годом Миша попросил меня помочь выбрать подарки для своих деревенских. Приезжаем в универмаг, и он покупает какие-то кофточки. Причем три одинаковые. «Миша, зачем тебе три?» – «Так у меня же там друзей сколько! Это женам самых близких». – «Одинаковые?» – «Возьмешь разные, так они будут недовольны». Когда через несколько лет после этого случая я приехала на Алтай и во дворе одного из Мишиных друзей накрыли стол, я увидела трех женщин в одинаковых кофточках. И поняла, что это и есть жены его самых близких друзей. Помогал он людям здорово, и не только кофточками, конечно. Кому-то трактор купил, кому-то еще что-то. Но это когда он стал уже по-настоящему зарабатывать.

– А что это за истории с квартирами, которые, по слухам, Евдокимов дарил своим возлюбленным?

– Об этом, наверное, не со мной, а с его женой Галей надо говорить. Мне о женщинах, с которыми у Миши якобы были романы, сказать нечего. И что-то кажется, что, кроме Гали, у него никого по-настоящему и не было. Хотя я могу и ошибаться. Миша на эти темы распространяться не любил. И правильно делал. Говорят, что Валерий Золотухин вроде помогает сейчас Галине с судебными исками. Миша не оставил завещания.

Александр Панкратов-Черный «Народ устал от воровства и хапужничества»

– Александр Васильевич, что связывает вас с Алтаем и что значит для вас Бийск?

– Связь прямая – это моя родина. Я здесь родился, на Алтае прошло мое детство. Так что все, что происходит здесь, мне небезразлично.

Бийск мог быть и, по моему мнению, должен стать настоящим культурным центром, потому что в одну сторону от Бийска родина Василия Макаровича Шукшина – Сростки, в другую – не менее популярного человека Михаила Сергеевича Евдокимова – Верх-Обское. Бийск посерединке, и все, как говорится, народные помыслы, которые обращаются к этим известным людям Алтая, к двум этим мирам, замыкаются в Бийске. Поэтому Бийск для меня – это город, куда я приезжаю, как в Мекку, от которого недалеко до святых мест: до Сросток и Верх-Обского.

– Приезжаете, душа радуется?

– Да нет, грустно на душе. Потому что сколько лет приезжаю, а особых перемен не вижу. Пыльный город. Даже сейчас уже осень, жары нет, а пыльно, грязно. Дороги чудовищные. Но это, наверное, трагедия всего Алтайского края. Многие говорили, вот Василий Макарович скончался, и народ потянулся в Сростки со всего мира. Я вспоминаю первые Шукшинские чтения, когда приезжали журналисты и писатели не только из СНГ, но и из зарубежья: Франции, Болгарии, Польши, Германии. Первые чтения – это вообще что-то невероятное. К первым Шукшинским чтениям и проложили эту дорогу из Барнаула до Бийска, а то ведь и Чуйский тракт был разбитый… Сейчас хоть есть дорога из Бийска до Барнаула. А в городе сколько на моей памяти мэров поменялось, а дороги не улучшаются. Причем рядом под Бийском есть карьеры, где добывают гранитный щебень! Вот ведь материал для дорог. Так нет, почему-то дороги у нас стелют известняком, щебнем, который после весенних или осенних дождей размывается. И заново все строить. И сейчас, смотрю, дороги не закатываются, выбоины, колдобины засыпают, заравнивают, и все. И так вся дорога израненная, как будто бомбежка была. Обидно, очень обидно. Особенно перед гостями.

Потому что мы ведь свою родину любим, я всегда и всем в Москве рассказываю, какой у нас прекрасный, волшебный край. И

он действительно таким является! А когда люди приезжают, говорят: господи, действительно, край-то волшебный, но к этому волшебству на перекладных ехать приходится! Во всяком случае, автотуризм у нас не развит.

– Вы близко знали Михаила Сергеевича?

– Очень близко…

– У него за все это тоже душа болела?

– Очень болела. Знаете, как-то священнослужитель один, наш выходец, с Алтая, протоиерей Андрей, приближенный к властям человек, принес мне в Москве документы. Михаил Сергеевич тогда уже был губернатором, и документы касались бюджета Алтайского края. Огромная толстая папка. Он говорит: передай Михаилу Сергеевичу, может быть, он разберется. А там – что бюджет выделяет Алтайскому краю и как финансируется. Так вот, открыл я тогда на букву «А» и ахнул, сколько миллиардов выделялось государственным бюджетом для края на ремонт автодорог! На автостроительство, на авторемонт – миллиарды. А финансировалось всего 100 миллионов рублей, на весь край, на первый квартал 2005 года, я помню. И Миша плакал, когда познакомился с этими документами. Он ужасался: «Боже мой, куда же эти деньги уходят?!» Грабеж шел такой, фантастика!

– Считаете, что у Михаила Сергеевича была работоспособная команда, которая могла бы вывести край?

– Не совсем. Проблема в том, что у нас на Алтае нет своих хороших специалистов, грамотных управленцев. Ну нет у нас на родине таких людей! Нужны настоящие экономисты, которые бы разбирались в финансовой стратегии государственного масштаба. Поэтому он и привлекал людей со стороны. Местечково мыслящий человек не справится с проблемами даже районного масштаба. Надо смотреть широко, надо масштабно мыслить. Просто катать асфальт на центральной улице Бийска – этим проблему не решишь.

Миша сам не был управленцем, поэтому и искал таких специалистов, которых не мог найти в крае.

– Думаете, ему не давали работать?

– Ему не просто не давали, а его травили! Ваш же брат, журналист, это делал. И я сам с этим сталкивался. Помню, когда совет матерей по борьбе с детской наркоманией предложил мне выдвигаться в Государственную Думу, и я баллотировался по Бийскому району. И тогда алтайские газеты, те же, которые потом травили Евдокимова, обвинили меня в том, что я пропил чуть ли не 5 миллионов рублей с криминальными структурами Алтайского края. Выборные деньги, которые я в глаза не видел! Раз в году я здесь бываю на Шукшинских чтениях, а оказывается,

повязан с криминальными структурами Алтайского края и за три дня пропил миллионы рублей! Я судился, дошел до Верховного суда и выиграл этот суд.

– Что вы думаете о власти? В чем ее проблема?

– Я не политик, мне трудно судить, но думаю, к власти рвутся не улучшать жизнь народа, а улучшать свое личное благосостояние. Не о народе думают, а о себе. Евдокимов на чем выиграл выборы? У него ведь не было определенной программы, он просто выходил к народу и говорил: земляки, воровать не буду! У меня все есть, мне ничего не надо! И народ поверил. Потому что народ устал от воровства и от хапужничества. На этом он и выиграл.

Воруют господа, воруют. И как жили? На 78-м месте был Алтайский край в стране. А Суриков говорил: да, мы отстаем, зато мы на первом месте по частному подворью. Думаю, надо же, первое место! А у меня брат в деревне живет. Спрашиваю у него: скажи, что такое частное подворье у нас, на Алтае? Оказывается, вынужденная мера у крестьян – заводить частное подворье. Потому что денег не платили, и чтобы как-то выжить, они заводили хозяйство. А Суриков это ставил в достижение. И когда прибежали господа к Путину с вотумом недоверия, что надо снимать Евдокимова, артист не может быть губернатором, не управляет, ничего не делается в крае, Владимир Владимирович с улыбкой спросил: восемь лет Суриков губернаторствовал, край опустился до 78-го места, Евдокимов ничего не делает, год всего губернаторствует, а край на 64-е место поднялся. Как же так? Парадокс, однако… А парадокс, я думаю, был в том, что народ поверил Мише, пошел за ним…

Игорь Дергунов
Любить и уважать его было за что

В отношении Михаила Сергеевича Евдокимова знакомый сказал: «Пусть бы он оставался артистом, политиком или пчеловодом, лишь бы жил. Но его не стало. И по тому, как его оплакивала вся страна, стало ясно, что ему удалось нечто большее, что может артист или губернатор».

Мое знакомство с Михаилом Сергеевичем состоялось в 1987 году во время концерта, который шел в Центральном научно-исследовательском институте «Электроника». Программа состояла из двух отделений. В первом выступали самодеятельные артисты, в том числе и я со своими авторскими песнями. Во втором – профессиональные артисты.

После концерта нас пригласили на небольшой банкет, где я исполнил несколько своих песен. Они понравились Мише. Он говорит: «Я бы хотел вас пригласить к себе домой, на сибирские пельмени. Как вы на это смотрите?»

Я принял предложение. Почему? Потому что, когда впервые увидел по телевидению этого стройного, симпатичного паренька, – изумился его таланту. В то время я не понимал, как так тонко можно спародировать того или иного артиста, показав его характер и другие, присущие только ему манеры.

Спустя какое-то время, встреча состоялась. Мы стали друзьями. Почему? Скорее всего потому, что на некоторые вещи мы смотрели одинаково. В первую очередь это касалось таких понятий, как зло, добро, подлость, проявлялось в отношении к людям.

Он предложил мне стать его администратором. Побывали с ним почти во всех городах России. Неоднократно выезжали за границу. Во время поездок с концертами к нему везде относились с большой любовью. Любить и уважать его было за что. Прежде всего, наверное, за врожденную простоту и любовь не только к своим землякам, но и ко многим людям, которые его окружали.

Небольшой штрих к сказанному. Как-то возвращались из Верх-Обского в Москву. Миша решил встретиться с друзьями на выезде из Бийска, возле поста ГАИ. Подходят сотрудники, зная, что в машине Евдокимов, и просят:

– Михаил Сергеевич! У нашего работника сегодня день рождения. Духи ей купили. Не могли бы что-нибудь на коробочке написать?

– А где именинница? – спросил Миша.

– Она постеснялась, в помещении находится.

Миша расписался. Обернувшись ко мне, говорит:

– Игорь! Бери гитару. Пойдем, поздравим.

Зашли в домик. Обращаясь к девушке, Миша говорит:

– Я не знал, что у вас сегодня день рождения. Я бы с подарком приехал. Ну, знаете что, – произнес он, глядя на девушку, а потом вдруг снял с себя золотую цепочку и надел ей на шею.

Девушка застеснялась. Стала отказываться, не зная, как в таком случае поступить.

– Ничего, ничего. Это подарок от меня.

Гаишники в недоумении. Именинница – тем более.

Потом говорит мне:

– Давай песни петь.

Мы, наверное, с час пели для именинницы.

Я думаю, что для Михаила не так важна была цепочка, сколько внимание к человеку.

Поэтому, постоянно находясь с Мишей рядом и хорошо зная, каким он был, мне тяжело сейчас говорить о нем в прошедшем времени…

В конце июля 2005 года он позвонил мне в Москву:

– Приезжай на Алтай. Ты давно тут не был… Раису Григорьевну прихвати. Друзья тебя тут ждут.

Вопрос был так поставлен, что отказаться неудобно. Тем более, что в Верх-Обском проходил известный турнир по футболу и волейболу на приз Михаила Сергеевича Евдокимова. Ожидался праздничный концерт. Финал концерта приходился на тридцать первое июля. В этот день мы с супругой были у Миши в доме.

Праздничные мероприятия получились хорошими. Выступали известные московские артисты. Миша пел про Алтай. Много говорил. Я почувствовал в его выступлениях какую-то скованность. Может, усталость? Я не знаю, обратил ли кто внимание на его фразу, сказанную со сцены, но я четко уловил ее: «Если что-то… Простите меня. И никому не верьте».

Я не понял, к чему это было сказано, а спросить не успел…

Я спал на втором этаже. Утром, седьмого августа, спустился вниз. Михаил Сергеевич с Галиной Николаевной готовились к отъезду в Полковниково. Миша был в хорошем настроении. Мы с ним обнялись. Я говорю:

– Ну что, Михаил Сергеевич, удачи!

Это было примерно в девять тридцать. И вдруг через час – жуткое известие. Гости, которые остались в доме, плакали, ужасались, что Миша погиб. Я это принял за какой-то бред. Не понимал, о ком идет речь. Не дай Бог никому такое пережить. Я

видел, как остро люди приняли эту трагедию, не помню, чтобы у кого-то еще было столько народа на похоронах. Вот с такой любовью и искренним соболезнованием хоронили Мишу. Было море цветов. По всей трассе Барнаул – Бийск, протяженностью в двести километров, люди часами ждали катафалк с телом покойного. Стояли с детьми, чтобы проводить Мишу в последний путь.

Я помню, как на траурном митинге одна женщина сказала, на мой взгляд, очень правильные слова: «Миша перед Богом оправдается нашей любовью».

Василий Морозов
Он пришел не ради славы

Мне вспомнился случай, когда несколько лет назад средства массовой информации рассказали о том, что в одном из районов Алтайского края работники правоохранительных органов взяли с поличным на взятке замглавы администрации. Увезли его в Барнаул в СИЗО. Я тут же позвонил моему давнему знакомому, председателю правления одного из хозяйств этого района и поинтересовался дальнейшим ходом событий. Он усмехнулся и сказал:

– Как взяли, так и отпустят. Сейчас наш глава позвонит Сурикову. Тот фээсбэшникам, и все встанет на свое место.

В отношении того, кто кому звонил, – сказать не могу. Но все вышло по предполагаемому сценарию.

Видимо, не зря уважаемый мною товарищ как-то сказал: «Уровень нравственности первого лица определяет уровень нравственности окружения».

Какую бы положительную оценку краевая власть ни давала своей работе через средства массовой информации, исходя из немногих перечисленных фактов, народ понял – в первую очередь власть проявляла заботу о своем благополучии, делая это за счет трудового народа. Знал об этом в период предвыборной кампании, а скорее, даже раньше, и Михаил Сергеевич Евдокимов.

Вспоминаю встречу Михаила Сергеевича с избирателями. Она проходила в городском Дворце культуры. Тогда я передал ему папку с наказами и пожеланиями моих товарищей, куда была вложена газета «Комсомольская правда» за 22 апреля 2000 года. В ней была большая статья депутата Госдумы Александра Гурова «Надо отлучать чиновника от кормушки, как свинью от корыта».

Михаил Сергеевич посмотрел на газету, вздохнув, проговорил:

– Читал я это. Но сегодняшний чиновник, это не просто чиновник. Это вор в законе. И отучать его непросто, будет много визга. – И как бы спохватившись, продолжил: – Но отучать будем!

…Второй тур выборов на пост губернатора края. Две кандидатуры: Михаил Сергеевич Евдокимов и действующий глава края Александр Александрович Суриков. День выборов – четвертое апреля 2004 года. В своей предвыборной кампании Михаил Сергеевич рассуждает о той ситуации, какая сложилась в крае: «Выборов все больше, они проходят все чаще, а в нашем

регионе никак ничего не сдвигается. Россия уже и Путина для себя выбрала, и перемены начались к лучшему, а у нас все та же глушь, да и лица не меняются. Я не такой уж сторонник революций и перемен, но есть одна загвоздка. Все-таки жизнь идет, но вот только мимо Алтая: мы по всем главным позициям отстаем. А руководители убеждают, что «все хорошо». «Алтай – жемчужина Сибири», – повторяют это как заклинание.

Я не самый образцовый человек; переживал пороки своего народа, но и его добротой и светлой душой исцелялся. Через сердце все пропустил и сделал вывод, что пойду на выборы. Не для того, чтобы покрасоваться или пошутить. Тут с краем нынешняя власть так нашутилась, что не до смеха становится.

Нет у меня опыта? Это еще поглядеть. Отмечу только, что опытные и абсолютно равнодушные, безжалостные фигуры уже у власти прикормились.

Трудной выдалась в крае зима 2004 года. Она стала временем бескомпромиссной борьбы и проверки на прочность для тех, кто занимает активную гражданскую позицию, стремится изменить нашу жизнь к лучшему.

За короткие месяцы выборов Алтайский край изменился больше, чем за шесть-семь предыдущих лет. Мы вздохнули свободнее, начали вместе верить в лучшее будущее. Перемены назревали давно, но только весной 2004 года они стали реальными.

Все это стало возможным благодаря мужеству, стойкости и терпению тех, кто помогал избирателям узнать правду о кандидатах.

Земной поклон вам, дорогие мои! Земной поклон всем участникам избирательной кампании Михаила Евдокимова, которые поняли меня, согласились с программой…»

Итак, четвертого апреля 2004 года на выборах главы края Михаил Сергеевич набрал больше голосов. Стал губернатором Алтайского края. В первый же день он заявил: «Будет лучше – это точно. Даже по той причине, что хуже уже некуда. Относительно кадровых перестановок – никому ничего не нужно бояться. Те, кто умеет работать, будут работать на своих местах. Остальные могут идти домой. Мною будет установлен жесткий контроль за расходованием бюджетных средств. Воровать никому не будет позволено…»

Стоит напомнить, что с приходом к власти Михаила Сергеевича Евдокимова одни чиновники прежней администрации написали заявления об уходе, других, зная их прошлое, он сам не взял в свою команду. Первых, скорее всего, не устраивало заявление нового губернатора.

Осенью на Алтае побывал глава Министерства экономического развития и торговли Герман Греф. Ознакомившись с работой новой администрации края, он дал ей положительную оценку. Пообещал помочь краю осуществить ряд инвестиционных проектов.

Было в планах у Михаила Сергеевича провести работу по реформированию аппарата администрации края. При этом планировалось аппарат администрации сократить.

Под заголовком «Михаил Евдокимов отказался повысить себе зарплату» пресс-служба администрации края сообщила: «Как известно, на прошедшей сессии краевого Совета народных депутатов приняты законопроекты о повышении заработной платы государственным чиновникам Алтайского края. В частности, внесены изменения в краевые законы «О правовом положении лица, замещающего государственную должность категории «А», «О государственной службе в Алтайском крае», «О муниципальной службе в Алтайском крае». При этом заработная плата главы администрации края и председателя КСНД должна была увеличиться в два раза, чуть поменьше – у уполномоченного по правам человека, депутатов, чиновников.

Эти законопроекты поступили в установленном порядке на подписание к главе администрации края. Михаил Евдокимов был крайне возмущен тем, что эти законы вообще рассматривались на сессии КСНД. «Хочу вас спросить: для чего нас выбирали?! Чтобы мы принимали законы для себя?! Я не вижу в этом законопроекте увеличения зарплаты в два раза рабочим, для которых мы и работаем. Как проходят и принимаются такие законы, – я буду разбираться, – сказал Михаил Евдокимов. Глава администрации края отказался подписать данные законопроекты. – Закон о зарплате чиновникам я не подпишу, пока мне не покажут, что выросла заработная плата у простых тружеников. Начинать повышение заработной платы с чиновников нельзя. Чтобы такого больше не повторялось, мои заместители, занимающиеся этим направлением, понесут дисциплинарную ответственность».

«Два новых футбольных поля с искусственным покрытием мирового уровня появятся в Барнауле уже в этом году», – сообщала пресс-служба администрации края. Состоялась встреча главы администрации Алтая Михаила Евдокимова с депутатом Государственной думы Сергеем Капковым и вице-президентом компании «Сибнефть» Константином Потаповым.

В рамках губернаторской программы «Здоровье Алтая» компания «Сибнефть» планирует реконструировать в Барнауле два футбольных поля на стадионе «Трансмаш» и в Индустриальном районе. Этот проект стал возможен после

предварительного разговора Михаила Евдокимова и губернатора Чукотки Романа Абрамовича. Компания «Сибнефть» предполагала сделать подарок лишь футбольной школе Алексея Смертина, однако по просьбе главы края компания изыскала дополнительные средства еще для одного поля – футбольного клуба «Динамо».

Покрытие, разработанное и выпускаемое в Канаде, можно использовать круглый год. Для его обслуживания компания «Сибнефть» поставит в край специальную технику. Футбольные поля с подобным покрытием есть только в нескольких городах России, в «Лужниках» в Москве. Реконструкция полей начнется в апреле и закончится к первому сентября. Большую помощь должны оказать коммунальные и энергетические службы Барнаула, взяв на себя часть работ по предварительной подготовке объекта.

Глава администрации края считает, что подобные футбольные поля необходимы Бийску и Рубцовску как городам, известным своими футбольными традициями.

Два футбольных поля с искусственным покрытием обойдутся инвесторам в один миллион двести тысяч евро».

«Здоровье Алтая»: программа в действии.

Тринадцатого сентября алтайским медикам были переданы восемнадцать автомобилей «Скорая помощь».

Это – вторая партия машин, поступающих в край за счет внебюджетных средств, привлекаемых губернатором Михаилом Евдокимовым. Машины были выставлены на площади Советов в Барнауле. Первую партию машин передавал сам Михаил Сергеевич, однако на этот раз он уехал в Москву на заседание правительства и глав регионов. Перед журналистами выступил Алексей Рослов, председатель краевого комитета по здравоохранению.

Он сказал:

– Сейчас «скорые» как в районах, так и в Барнауле изношены до предела. По программе «Здоровье Алтая» в край поступит сто восемьдесят машин «Скорой помощи», закупленных за счет внебюджетных средств. Таким образом, нам удастся обновить парк «скорых» на треть, что значительно больше, чем в соседних регионах.

Новые машины отправятся в шестнадцать городов и районов края, а две останутся в Барнауле, в распоряжении краевых лечебных учреждений.

Насколько я понимаю, новый губернатор с первых дней не понравился прежним чиновникам, которые продолжали оставаться у власти. В том числе и краевому Совету народных

депутатов. Каждый из них, наверное, по-своему понимал цитаты из предвыборной программы нового губернатора: «Отмечу только, что опытные и абсолютно равнодушные, безжалостные фигуры уже у власти прикормились». Или: «Мною будет установлен жесткий контроль за расходованием бюджетных средств. Воровать никому не будет позволено…»

Заметим, что, кроме всех решаемых задач в крае, под особым контролем как администрации, так и лично под контролем Михаила Евдокимова были: весенне-полевые работы, заготовка кормов для общественного стада, уборочная кампания. Все эти работы проводились без срывов. Не хуже, чем во время правления Сурикова.

Появилось и «Обращение Алтайского краевого Совета народных депутатов к главе администрации Алтайского края М.С. Евдокимову».

Но о нем я говорить не хочу.

С этого дня со стороны КСНД на законно избранного народом губернатора начались крупномасштабные нападки. В чем его только не пытались обвинять.

С критикой в адрес КСНД по этому поводу неоднократно выступала на сессиях депутат Екатерина Абрамова. В итоге она оказалась дальновиднее и порядочнее других «народных избранников».

Вот несколько фрагментов из ее выступлений:

> «Я считаю, что мы не должны проводить никакого закрытого заседания, потому что я сегодня представляю здесь не собственные интересы, а интересы своих избирателей. И не далее как вчера встречалась с инициативной группой, которая вышла ко мне и сказала: «Оставьте в покое Михаила Сергеевича. Вы-то… не далее как месяц назад разговаривали по поводу кадровой политики и все продолжаете этот вопрос «педалировать».
>
> Я считаю, что нам необходимо время для того, чтобы дать возможность Михаилу Сергеевичу все-таки предпринять какие-то шаги по кадровой политике, потому что мы прекрасно понимаем, что за один месяц ни один человек не может полностью сформировать состав какого-то бы ни было органа. Поэтому я считаю, что мы сегодня должны дать и себе время для того, чтобы посоветоваться с избирателями на своих округах, и должны дать время Михаилу Сергеевичу, а потом собраться, в принципе в любой момент, у нас есть на это право, и обсудить этот вопрос, если он будет еще стоять

так остро».

«Мы предлагали Михаилу Сергеевичу свою поддержку, помощь и готовность к конструктивному диалогу Что мы видим сегодня? Михаил Сергеевич, как я понимаю, делал шаги навстречу Он предложил нам правительство, он заверил нас в том, что больше не будет кадровой чехарды. Мы же в ответ на это бросаемся в атаку – предлагаем ему уйти в отставку. Это совершенно неправильно. Это первое. И второе, давайте подумаем вот о чем. Если мы примем это обращение и оно появится в средствах массовой информации, а оно уже есть кое-где, я совершенно точно могу сказать, что завтра у нас Алтайский край расколется на два лагеря. Те, кто будет «за» это, и те, кто «против».

У Михаила Сергеевича очень много сторонников. И мы, вполне возможно, дождемся, что завтра будут проходить митинги, которые будут осуждать депутатов и поддерживать Михаила Сергеевича.

Зачем нам вносить дестабилизацию и так в сложную ситуацию в Алтайском крае? Я считаю, что мы должны сделать все, договориться сегодня на местах и не выносить это все на широкое обсуждение; чтобы не только в Алтайском крае и по всей России нас не осмеивали, как мы здесь боремся, вместо того чтобы решать проблемы Алтайского края.

Я считаю, что мы это обращение принимать не должны. По крайней мере, я однозначно буду голосовать против него. И призываю всех к этому».

Ну, как говорится, депутаты сами по себе, народ сам по себе. Народ понял, кто есть кто. Потому как необоснованные нападки со стороны депутатов набирали обороты, избиратели решили вступиться за своего губернатора. Они написали письмо В.В. Путину: «Уважаемый Владимир Владимирович! Обратите, пожалуйста, внимание на наше очень озабоченное письмо. Пишут Вам жители г. Барнаула Алтайского края. А дело вот в чем. В 2004 году мы, народ, избрали в губернаторы глубокоуважаемого, честного и порядочного человека – Евдокимова Михаила Сергеевича. За небольшой период работы мы видим, как он стремится и делает все возможное, чтобы люди Алтая жили лучше. А некоторые люди из прошлой команды стараются делать пакости действующему губернатору. Ищут любой повод для устранения от управления краем М.С. Евдокимова. И

не знают, что еще такое придумать против губернатора, чтобы поскорее избавиться от него.

Мы прочитали в «Московском комсомольце», что депутаты крайсовета хотели обратиться к президенту, чтобы он обратил внимание на ситуацию в крае (смысл такой, что Евдокимов не умеет и не может управлять краем). А через неделю читаем опять статью, где М.С. Евдокимову уже нашли замену и даже направили письмо в администрацию Владимира Владимировича Путина. Но люди не глупые. Двенадцатого февраля 2005 года они вышли к администрации в поддержку президента, т. е. Вас, Владимир Владимирович. И пятого декабря 2004 года также был митинг у администрации в поддержку президента.

Уважаемый Владимир Владимирович, мы, жители края, убедительно просим Вас не верить этим письмам (если они до Вас доходят), придуманным непорядочными людьми.

И мы хотим Вам, Владимир Владимирович, сказать, сколько добрых дел сделал Михаил Сергеевич для края, для народа за небольшой срок своего губернаторства.

1. Намного больше гектаров земли было распахано и засеяно зерновыми культурами в 2004 году, чем в прошлые годы.

2. Четыре миллиона тонн собрали зерна, а если бы двадцать шестого сентября не выпал снег, собрали бы больше.

3. Эту зиму перезимовали неплохо при температуре минус 45 градусов мороза. Даже еще осенью нам обещали, что с этим Евдокимовым мы замерзнем (ошиблись, прогноз не сбылся).

4. И самая большая радость и мечта для людей: в край поступило двести единиц техники по программе М.С. Евдокимова «Здоровье Алтая» – это четыре реанимобиля, «Скорой помощи», автобусы – детям в школу. Так, в п. Черемное Павловского района ученики семь километров добирались до школы на чем придется. Они очень рады и благодарны Михаилу Сергеевичу, что у них сейчас личный автобус. А больным людям остается благодарить губернатора за машины «Скорая помощь». И так это в каждом районе.

5. Комбайн, который красноярцы подарили Михаилу Сергеевичу на инаугурацию, так он его передал комбайнеру в село Верх-Обское.

6. На Новый год – сто тысяч подарков для детей от губернатора. «Это еще не последняя помощь», – говорит он.

Да что говорить, Михаил Сергеевич еще до выборов добрые дела делал людям. Свое село Верх-Обское показательным сделал. Кому дом отремонтировать помог, кому крышу, многим заборы починил и покрасил, дороги в селе заасфальтировал, и все это на свои кровные деньги. Одной семье, которая пять лет назад переехала из Казахстана в село, где муж инвалид, Михаил Сергеевич купил дом за шестьдесят тысяч рублей. Да как же нам, людям, не ценить этого человека и не бороться за него, за его добрые, бескорыстные дела и поступки, который действительно пришел жить, работать для своих земляков, для своего народа.

Такой губернатор, как М.С. Евдокимов, нужен народу, краю, и не зря мы за него дважды голосовали.

Мы надеемся и верим, что с этим губернатором спокойно старость свою доживем.

С огромным уважением к Вам инвалиды, пенсионеры, рабочие г. Барнаула и Алтайского края

Коновалова Р.И., Зыкова М.И., Ефременко Н.Н.

(всего подписали 40 человек»).

Вот еще одно обращение:

«Мы не можем оставаться в стороне, когда не прекращаются нападки на Михаила Сергеевича Евдокимова: то заявления делают бывшие чиновники, не согласные с кадровой политикой, то депутаты признают деятельность главы «ненадлежащей, – пишут Разносчикова Зоя Андреевна, пенсионерка, Мещерякова Тамара Антоновна, инвалид 2 группы, и еще 66 подписей. – Если Евдокимов плохой, то что же бывшие «профессионалы», с большим опытом и знанием специфики проблем края довели край до такого состояния? Техника вся изношена, запчасти к ней очень дорогие, лучшие поля последние годы не вспахиваются, через несколько лет у нас была бы целина. В ЖКХ большие проблемы и долги, а Рубцовск размораживали все прошлые годы. И так бесконечно можно писать, сколько проблем осталось от старой невостребованной власти. И только в этом году решили найти «козла

отпущения», на кого можно свалить Рубцовск и другие проблемы края.

Порой всем политикам нужно остановиться и посмотреть со стороны на себя и честно сказать: «Ведь меня избрал народ, так что же я для него сделал полезного за эти прошедшие годы? И кому я служу?» И поверьте, никто и никого не выгонит, если этот человек пришел честно служить своему народу, как М.С. Евдокимов.

Мы, народ, были возмущены до предела, когда прочли в газете обращение на 10-й сессии к губернатору М.С. Евдокимову, в котором ему предложили подать в отставку по собственному желанию. В случае его отказа краевой Совет народных депутатов оставляет за собой право обратиться к президенту РФ.

Право на это у депутатов есть, но при этом не учитывается главное – этого губернатора в 2004 году избрал народ – глубоко уважаемого, честного и порядочного человека. И мы верим ему, что он нас не подведет.

Михаил Сергеевич видел, как за последние годы народ на Алтае стал жить намного хуже, чем рядом в соседних регионах. Сердце сжималось у него, видя, как живут его земляки. Он долго думал, как помочь нам вылезти из этой ямы. И наконец-то он решил кинуться в омут с головой и прийти к нам на помощь. Только вот очень жаль, что рядом с нашим губернатором не оказалось таких добровольцев, как он, остальные побежали, как мыши с тонущего корабля.

Михаил Сергеевич пришел к нам не ради славы. Он и так заслуженный артист России, любимец миллионов поклонников. Его любят во всех городах и даже за границей. Он оставил за собой покорившуюся Москву и множество других городов, навсегда отказался от дальнейшей заслуженной славы, о которой многие мечтают, но только во сне. И возвратился к нам, в свой измученный Алтайский край, к своим землякам, к своему народу. Наверное, все-таки услышал Господь наши мольбу и слезы и дал нам своего раба Михаила – нести нелегкий крест.

Но некоторые не ценят и не хотят смириться с избранием его в губернаторы и продолжают поливать Михаила Сергеевича грязью. Это очень непорядочно и некрасиво.

За свой небольшой период работы мы видим, сколько хорошего Михаил Сергеевич сделал для края, для народа. Мы вам верим, Михаил Сергеевич!..»

В свою очередь, Михаил Сергеевич Евдокимов обратился к жителям Алтайского края.

«Дорогие земляки!

Все вы являетесь свидетелями той нездоровой политической ситуации, которая стараниями некоторых депутатов сложилась в краевом Совете. На одиннадцатой сессии депутатский корпус выразил мне как главе администрации края вотум недоверия.

Эту ситуацию я предвидел. Был морально готов к ней. Ведь меня выбирал народ, жители Алтайского края. Выбор изначально расходился с ожиданиями местного парламента. Еще бы – ведь все думали, что в результате капитальной «промывки мозгов» жители края в очередной раз поверят слащавым присказкам о светлом будущем края при прежней власти. Осознанный выбор населения нынешние депутаты еще год назад цинично расценивали как «хохму», «шутку» электората. Выбором пьяных мужиков…

Я понимаю и даже в чем-то могу оправдать их поведение. Кто представляет сегодня большую часть краевого Совета? Правильно – представители все той же «старой гвардии». Ведь сегодняшний парламент избирался при старом губернаторе и представляет интересы того самого чиновничества, которое привело Алтай к краю пропасти. Когда судьбоносные для края решения принимались кулуарно, народу выдавалась только нужная информация, а диалог населения и власти сводился к показушным беседам с «проверенными» представителями населения. Моя открытая позиция, желание работать эффективно, работать для края в течение всего года вызывали неприязнь и полное отторжение. Любой успех администрации «как будто» не замечался, зато временные неудачи раздувались до таких размеров…

Мои земляки знают, что в течение всего года я не поддавался истерическим настроениям и провокациям. Не опускался до подлой грызни. Это чуждо мне как человеку. Я закрывал глаза на многие оскорбления и пытался найти компромисс. Призывал к объединению во имя работы для края. Но личные амбиции переросли в

навязчивую идею – «вернуть все как было», любыми способами. Когда цель оправдывает средства, нравственность умирает…

Не обвиняю всех депутатов. Вообще не привык стричь под одну гребенку. И среди депутатского корпуса есть трезвомыслящие политики, которые поддерживали и шли навстречу, которые пытались вразумить коллег. Но их усилия были напрасны. В итоге, заседание нашего парламента больше походит на словесные перебранки, чем на совещания по текущим вопросам развития края.

Депутаты обвиняют меня в ненадлежащем исполнении своих обязанностей. Ненадлежащее – потому что действую не так, как «надо». Потому что в корне понял старую систему подбора кадров для работы в администрации. Разрушил «кормушку» власти. Я твердо считаю, – если человек занял ответственный руководящий пост, это не значит, что он получил «пропуск в рай» на неограниченное количество лет. Справляется – хорошо. Не справляется – нужно заменить более достойным. Только так можно добиться ответственности за свои действия и четкости в работе. Но депутаты назвали мой подход к подбору кадров «кадровой чехардой».

Новая администрация перестала бездарно вбухивать деньги в аграрный сектор. Старые механизмы, по которым средств хватало только на латание дыр, уже привели к полному обнищанию села. Вырезание скота, которое ставят нам в вину, началось еще с 1997 года. Мы не оставили без помощи ни одно крестьянское хозяйство. Но начали системно поддерживать те хозяйства, в которых есть гарантии возврата средств. Это, естественно, не понравилось тем депутатам, которые прикрывают частные интересы на селе… Им наплевать на интересы крестьян. Крестьяне двужильные, они выдюжат.

Даже в самой проблемной отрасли, жилищно-коммунальном хозяйстве края, где за десятилетия неэффективной работы накопилось порядка семи миллиардов долгов, мы переломили ситуацию к лучшему. В каждом районе заменили котельное оборудование, провели километры тепловых сетей. Те темпы, которыми мы обновили за год материальную базу в ЖКХ, несопоставимы с темпами прежних лет… Но пока эти изменения не заметны на фоне тех проблем, которые

еще предстоит решать. Это дает депутатам лишний повод кричать о кризисе в ЖКХ и обвинять в нем новую администрацию.

Этот ряд можно продолжать до бесконечности. Но, думаю, что вам, земляки, уже понятна тактика депутатов. Эту тактику я не могу назвать иначе, чем политический заговор. Все цифры перевираются, выводы делаются необъективные, любое мое действие воспринимается в штыки.

Поэтому, когда пришло время выступать с отчетом о работе за 2004 год, я решил не делать этого. Выводам и оценкам депутатов я не доверяю. Все жители края видели этот отчет в номере «Алтайской правды» за тридцать первое марта. Сейчас отчет направлен в Министерство экономического развития и торговли. С ним должны ознакомиться специалисты. И дать объективную оценку нашей работе, которая будет доведена до населения. Я всегда говорил, что отвечаю за свою работу только перед избравшими меня земляками и Правительством РФ. Не хочу унижаться и принимать участие в политической возне, которую затеяли «народные избранники» (среди которых много не избранных народом, а прошедших по партийным спискам).

Я не для того пришел в администрацию края, чтобы заниматься пустой болтовней. В любой ситуации думаю о том, как улучшить жизнь населения. Потому и не стремлюсь угождать и идти на поводу у крайсовета. Время терять не хочется. И человеческий облик тоже.

Сейчас у нас с вами много неотложных дел. Готовимся к посевной, к паводку, начинаем думать о предстоящей зиме. Поэтому призываю вас, земляки, не паниковать, не поддаваться на провокации и не верить слухам и сплетням. Не устраивать митинги в мою поддержку, акции протеста. Не будем уподобляться тем, кто нас не уважает. Я чувствую вашу поддержку. И надеюсь на объективную оценку работы администрации края президентом».

Глядя на нарастающее противостояние депутатов к главе администрации, восьмого апреля жители края устроили многолюдный митинг в поддержку Михаила Сергеевича Евдокимова, на котором было сказано много нелестных слов в адрес наших законодателей, тем самым они дали понять, что

народ и краевой Совет народных депутатов – это не одно и то же. Об этом говорили выступающие с трибуны, смонтированной у краевой администрации. Здесь же составлялись списки, адресованные на имя президента РФ, в поддержку Михаила Сергеевича Евдокимова. От желающих попасть в эти списки не было отбоя.

Списки привозились пачками из многих районов и сел края. Такой поддержки не было ни у одного краевого руководителя за последние годы.

После этого нашим законодателям стоило бы подумать и сделать определенные выводы, но они их не сделали. Интерес народа ими не был учтен. Они продолжали нагнетать обстановку вокруг нового губернатора, отстаивая свои интересы.

Край жил, работал, готовился к весенне-полевым работам. Проблемы? Да они были. Продолжали оставаться, как и год, два, три года назад. Но совместно с администрацией они преодолевались…

Чтобы разобраться в ситуации и из первых уст услышать, что же происходит в крае между законодательной и исполнительной властью, журналист Николай Пименов встретился с губернатором края.

– Михаил Сергеевич, с вашим приходом во власть рейтинг популярности возглавляемого вами региона, возрос на несколько порядков. Каких только определений за год не наслышались – и край экспериментов, и революция избирателей, и крах тоталитарной политической системы, и молодая республика…

– Сейчас больше говорят о «политическом кризисе» на Алтае, хотя есть реальные хозяйственные заботы – посевная, подготовка к следующему отопительному сезону Почему-то эти вопросы замалчивают, выгоднее сформировать нестабильную ситуацию, напряженную обстановку. На федеральном уровне парламент и правительство находят компромисс. Хотя нельзя сказать, что там полное единогласие. Но никто не раскачивает ситуацию, потому что это скажется отрицательно на экономике страны. В Алтайском крае есть определенные силы, кому выгодно не только разжечь «кризис», но и поддерживать его.

– Как вы думаете, почему новая команда не вписалась в бывшую систему политэлиты, где все всегда было «так чинно, благородно»? Почему сейчас в крае такая нестабильная политическая ситуация?

– Если считать стагнацию стабильностью, то да, в крае раньше было относительно спокойно. Только надо проанализировать: к чему вел этот путь, до чего довел. Край подошел к критической точке – когда риск того, что все рухнет в

одночасье, стал реальностью. Функции старой системы управления в свое время переродились: она начала обслуживать только свои интересы. Решения, которые принимались, делались в интересах ограниченного круга людей. Во главе управления регионом стояла бывшая партэлита – особая каста «избранных».

Знаете, если взглянуть со стороны, то кажется, что за десять лет в крае ничего не менялось. Единственные изменения вносило время – старость и разрушение. Одни и те же лица почти пятнадцать лет занимали руководящие посты. Они в 90-е годы закладывали в крае школы, больницы, детсады, говорили о большой стройке и реформах, в итоге за эти годы ничего не изменилось. Те же объекты, те же планы, те же лица – только дело с мертвой точки не сдвинулось. Страшным укором, памятником прошлому сейчас стоят по деревням серые коробки недостроенных зданий, на завершение которых в нынешних ценах нужно семь миллиардов рублей.

В жилищно-коммунальной сфере, сельском хозяйстве, везде идет работа на пределе. Сейчас главы районов, люди на местах говорят: дайте денег, изношена сельхозтехника, котельные не переоборудовались, теплосети и водопроводные сети не ремонтировались. А откуда брать, если край как был дотационным, так и остался.

Какие новые производства развивали в крае, что разрабатывали, куда продвинулись за десять лет?

Внушили, что дальше сельскохозяйственной специализации край уйти не сможет. В край нужно вкладывать деньги, инвестировать в производство, если не хочешь остаться в статусе сырьевого придатка. Сейчас понемногу стали считаться с краем, реально вкладывать деньги – не для того, чтобы сиюминутную выгоду извлечь, а приходят надолго. Появилась свобода развиваться здесь, строить свой бизнес. Нестабильная политическая ситуация снова может замкнуть край.

– Сложно искать правых и виноватых. У каждого свои аргументы. Чью сторону, по вашему мнению, все-таки занимает Кремль в этом противоборстве?

– Когда ребенка спрашивают: «Ты кого больше любишь – маму или папу» – это глупость. Когда пытаются сформировать ситуацию разлада между исполнительной и законодательной властью – это провокация. Крайсовет и администрация края не в футбол играют, чтобы делать ставки на ту или другую команду. Подготовка к отопительному сезону, к организации летнего отдыха детей, нормальный ход посевной – это первоочередные вопросы. Тот, кто решает эти задачи, солидарен с интересами Кремля, администрации края, нормального здравомыслящего

человека.

– Сложно в крае приходить во власть, не получив предварительно «благословения» у бывших партэлит…

– Да, пойти против системы сложно. Политическую карьеру в крае делали «свои люди», кто был послушным – входил в касту приближенных.

Новому поколению управленцев просто не дали сформироваться, власть прочно удерживали прежние партийные лидеры.

Посмотрите на крайсовет: есть там кто-нибудь, кто мог составить в мае прошлого года конкуренцию на пост спикера? Такие люди просто не прошли. Они могли пошатнуть позиции бессменного спикера. Есть в краевом Совете сильные, независимые личности, но их мало. Большинство пришло в крайсовет по партийным спискам.

На федеральном уровне «Единая Россия» считается партией власти, которая является сильным звеном – поддержкой президента. В ее составе – люди, которые работают на общий результат: правительство, президент, Дума приходят к компромиссу «Единая Россия» алтайского образца – это совсем другое явление, ни о каких компромиссах ради общего дела, интересов края речи не идет. Получается, что народ верит «единороссам» как президентской партии, а на самом деле просматриваются интересы другого характера? Тогда бы назывались по-другому – не вводили людей в заблуждение.

В формировании алтайских партий не обошлось без участия прежних партлидеров. Спикер крайсовета возглавляет «За наш Алтай», на приход во власть части «единороссов» имел влияние бывший губернатор. Сейчас он в полпредстве курирует Алтайский край. Это реальный рычаг власти.

– Ваши противники прозрачно намекают, – если вы уйдете, кризис прекратится. Вместо вас уже предлагаются кандидатуры на пост губернатора. Политический лидер якобы найден…

– Дело далее не во мне. Любой, кто не связан круговой порукой с бывшей партэлитой, столкнется с той же ситуацией. Прежняя власть считала себя непоколебимой, поэтому потерю абсолютного управления регионом восприняла так болезненно, развернула борьбу. Нужен подконтрольный губернатор. Ищут того, кто будет выгоден, восстановит старые бюрократические связи. Нынешний так называемый политический кризис – это кризис поколения, которое не может смириться, что его время ушло.

– Но бывшая политэлита не так беспомощна, у нее еще сохранились каналы влияния. Кроме того, терять ей уже нечего,

поэтому пошла ва-банк…

– Что такое элита? В элиту нельзя попасть по партийным спискам или занять место во власти. Элита – это самая прогрессивная часть населения: та, которая созидает, творит, преумножает богатство, духовную культуру своего народа. В обществе, государстве или в собственной семье, городе и крае такие люди готовы выступать не только в роли потребителя. Настоящую элиту региона, страны объединяет общая идея – высокая духовная цель, благо региона. А все эти ходы «ва-банк», игры в «политический кризис» не идут на пользу краю.

– Когда же иссякнет энергия, которая подпитывает алтайский «политический кризис»?

– В крае нет реальных причин для противостояния законодательной и исполнительной власти. Обвинения в адрес действующей власти не подкреплены фактами. Есть оценка социально-экономического положения Алтайского края, которую дали эксперты Минэкономразвития РФ. Она подтверждает положительную динамику в регионе за прошедший год. Сейчас спикер крайсовета старается не говорить на уровне цифр, потому что невыгодно. Общие фразы – это демагогия, когда не подкреплены фактами.

Есть к нам претензия по кадровой политике – предложили депутатам участвовать в подборе кандидатов на высшие руководящие должности, утверждении на должности замов и председателей структурных подразделений администрации края. Спикер крайсовета от имени всего депутатского корпуса отказался от такого варианта сотрудничества. А это могла быть реальная работа.

Цель «политического кризиса» – снять губернатора. Только представители «старой гвардии» понять не могут, что жить по-старому уже не получится.

Моя задача – обновить кадровый состав, задействованный в краевой политике, экономике. Пусть в управление приходят свежие, молодые, деятельные люди. Те, кто хочет и умеет работать. У каждого поколения свои задачи, старшее – должно помогать молодым, передавать свой опыт. Но они не должны занимать место молодого поколения.

У края до сих пор слава региона, где на перспективную работу можно устроиться только по знакомству, по блату. Поэтому самые способные выпускники в поисках лучшей доли уезжают из края. Молодежь просто вынудили уезжать из региона туда, где они востребованы и получат достойную зарплату. Нужно создавать условия, когда каждый инициативный и желающий чего-то добиться сможет реализовать себя здесь, на Алтае, у себя

на родине.

– Но прежде чем решать эти задачи, нужно как-то разобраться с этим «политическим кризисом»…

– Если заниматься разбирательством, времени на решение реальных задач не останется. Жизнь не останавливается, не ждет, пока кто-то удовлетворит свои политические интересы. Нужно отделять политику от жизни простого человека.

Я думаю, главная задача власти – не мешать, помогать, создавать условия. Мы пришли в край работать и нашли поддержку среди тех, кто по образу мыслей является полной противоположностью старой «партэлите». Если кто-то сейчас увлеченно играет в «политический кризис», это его выбор. Меня не привлекают игры с нечестными правилами…

Как сказал Михаил Сергеевич: «Мы пришли в край работать». Эту работу жители края видели. Край жил. Край развивался. Труд своих земляков Евдокимов ценил…

Игорь Антимонов «Он был человеком с большой буквы»

Игорь Антимонов работал в штате охраны администрации Алтайского края при губернаторе Михаиле Евдокимове. Как и многие, с приходом Евдокимова к власти, Игорь поверил в позитивные перемены, и именно это послужило причиной выбора его места работы.

Специфика

– Есть ли какие-то физические параметры, по которым молодых людей берут работать в охрану краевой администрации?

– У нас такой же статус, как у сотрудников ФСО, но если в Москве есть самостоятельная структура, занимающаяся вопросами безопасности государственных мужей, то в регионах подразделения этого рода находятся в подчинении структур МВД. То есть работники службы губернаторской охраны являются штатными сотрудниками ГУВД Алтайского края, и требования к их физической форме такие же, что и к работникам этого ведомства. Среди обывателей бытует миф о том, что охранник – это обязательно «шкаф», который в критическую минуту просто-напросто заслонит охраняемого свои телом. Однако это только миф: рост и вес в ситуации, о которой идет речь, роли не играют, главное – хорошая физическая подготовка. В охрану подбираются разные люди. Есть словно бы «незаметные» охранники, ничем, в том числе и габаритами, не выделяющиеся из толпы. И именно в этом заключается их огромный плюс: их «незаметность» сбивает с толку, никто не ожидает, что такой человек – секьюрити. Важен элемент непредсказуемости.

– А как дела должны обстоять со здоровьем? Как у космонавтов?

– Ну что вы, никаких особо завышенных требований нет. Главное – нормальная физическая форма, а так к здоровью при приеме на работу в охрану администрации предъявляются обычные милицейские требования.

– Откуда люди приходят в службу охраны? И как происходит отбор?

– Ребята приходят и из СОБРа, и из ОМОНа, к ним присматриваются в течение двух-трех месяцев, и потом принимается решение по каждой кандидатуре.

– От чего зависит количество бодигардов рядом с охраняемым человеком?

– От масштабности, многолюдности и статусности мероприятия, на котором он собирается присутствовать. Если оно многолюдное, задействован весь штат, если нет, обычно при охраняемом один-два охранника.

– А когда губернатор отправляется в зарубежную командировку, его сопровождает собственная охрана или принимающая сторона обеспечивает бодигардами там, на месте?

– За рубеж мы не вылетали. Скорее всего, там охрана тоже не предоставлялась, точнее, предоставлялась чисто символически. И вообще, работа любой охраны имеет отчасти символический характер, потому что если человека захотят убрать – его уберут несмотря ни на что. При современном вооружении и уровне специалистов, которые у нас есть, это не проблема. Охрана нужна, чтобы уберечь от каких-то эксцессов в толпе, от непредсказуемой агрессии, которую кто-то внезапно решит обрушить на охраняемого, от хулиганских выходок – от всего того, что может возникнуть спонтанно и представляет собой определенную опасность. Если же речь идет о намеренной, планируемой ликвидации человека, служба охраны эффективна только при условии синхронизированной работы с целым рядом других служб, в первую очередь силовых органов (МВД, ФСБ и прочих).

– То есть если речь идет о плановой ликвидации, в одиночку служба охраны оказывается бессильной?

– Такие планы трудно предотвратить. Судите сами: у винтовки «Антиснайпер» дальность поражения, например, 3 км, при этом не спасет никакая броня: ни бронежилет, ни что-то еще. А с такого расстояния охраннику просто-напросто невозможно что-то рассмотреть. Стопроцентной безопасности никто гарантировать не может.

– Много ли приходится тренироваться, чтобы поддерживать хорошую физическую форму?

– Поскольку речь идет об охране высших должностных лиц государства, ребята просто обязаны быть в хорошей физической форме: метко стрелять, быстро бегать, скорость реакции должна быть почти молниеносной. Поэтому постоянные тренировки – непреложное требование. Стреляем мы гораздо чаще, чем рядовые сотрудники ГУВД. Однако стрельба по мишени многого не дает. Охранник должен уметь выстрелить очень быстро. Дается одна секунда на то, чтобы вытащить оружие из кобуры и выстрелить. При этом в ситуации реальной опасности охранник еще должен очень быстро успеть оценить, действительно ли

необходимо применить оружие, целесообразно ли это делать. То есть важна быстрота ситуативного мышления. Поэтому стрельбу мы обычно отрабатываем в прыжке, кувырке, потому что в жизни, как правило, не применяется стрельба из стандартных положений. Конечно, ситуации, в которых необходимо применить оружие, случаются крайне редко, однако быть к ним готовым нужно всегда, поэтому приходится много тренироваться.

– Оправдывает ли себя непростая работа в службе губернаторской охраны достойной оплатой труда?

– Абсолютно нет. Мы работаем на окладах сотрудников ГУВД Алтайского края. Если проводить ранговое соответствие, ребята в охране приравнены в званиях к капитанам, майорам, старшим лейтенантам. В основном капитаны, майоры. Люди работают день и ночь, а получают крохи. И потом, они ведь выполняют очень важную задачу – обеспечивают безопасность губернаторов, а их ведь, если рассудить, в России не так и много. Зарплата при этом просто нищенская, если честно.

– Скажите, а с какой предельно допустимой скоростью должностное лицо может двигаться по трассе?

– Существуют определенные скоростные рамки, заданные в должностных правилах – это 130–140 км по трассе. Скорость выбрана не просто так, чтобы, например, показать привилегированность положения должностного лица, а в целях его безопасности: при таком темпе движения сложно поразить автомобиль из стрелкового оружия. С такой скоростью ездит и президентский кортеж, и кортежи иных высоких чиновников.

Трагедия

– Насколько обоснованным вам кажется снятие сопровождения машины губернатора в начале августа 2005 года?

– Абсолютно необоснованным, поскольку Михаил Сергеевич являлся не только губернатором, но и членом Совета Федерации, которому положена охрана и спецсопровождение на официальном выезде. То, что это был официальный выезд на мероприятие, имеющее не только краевое, но и общероссийское значение, сомнений не вызывает. Был сделан запрос, но в сопровождении машин ГАИ губернатору отказали.

– Скажите, а вы следили за развитием событий в деле Щербинского?

– Кроме как позорным его итог я не могу назвать. Как судья может решать, обязательным было присутствие губернатора на мероприятии, посвященном 75-летию Германа Титова, или

необязательным? Кто дал судье такие полномолчия? Это решение принимает губернатор и помощник губернатора. Космонавт такого значения на Алтае был единственный, и второй вряд ли появится. Это космонавт № 2 в истории космонавтики СССР! И считать мероприятие, на которое прилетает его жена и дочь, необязательным для присутствия губернатора, – это, по меньшей мере, странно.

– Разве не мог губернатор просто-напросто стукнуть кулаком по столу и затребовать сопровождение?

– Он и стучал, это было при мне, но ему было отказано. Я отправлял его накануне трагедии в Верх-Обское. Следя за перипетиями дела Щербинского, все почему-то забыли, что погиб не один человек – погибли водитель и охранник. Осиротели три семьи. Жена Саши Устинова осталась с маленьким ребенком на руках… У Саши было девять продолжительных командировок в горячие точки, а вышло так, что погиб он в мирное время. Щербинского сделали героем, но никто не упомянул, в каком положении остались родственники погибших, та же Галина Николаевна, которой еще очень долго придется лечиться после всего пережитого. Мое личное мнение – Щербинский виновен на 100 %: во-первых, не пропустил спецмашину, во-вторых, удар был в заднюю часть автомобиля. Я попадал в аналогичную аварию два года назад. Слава богу, остался жив и выиграл суд. И потом, такие огромные средства вложены в защиту Щербинского, что просто диву даешься! Кучерена – один из самых дорогих адвокатов России. Я не верю в материальную незаинтересованность его визита на Алтай. Ежегодно на дорогах России гибнет 35 000 человек, и подобный аварий случается множество. Вполне возможно, что осуждают тысячи невинных людей. Почему же никто не бросается их защищать?

– Говорят, что обстановка вокруг Михаила Сергеевича в последние дни была накалена. Вы это чувствовали?

– Я как раз работал с ним всю неделю накануне гибели. В эти дни он очень часто ездил без водителя, за рулем был я. И меня насторожило одно обстоятельство. Обычно Михаил Сергеевич не делал никаких замечаний, а тут вдруг, буквально за сутки до случившегося, мы с ним поехали по делам, я начал обгонять машину, и он совершенно неожиданно сказал: «Смотри осторожнее, дураков на дороге всяких хватает…» Меня это удивило: я всегда ездил достаточно осторожно, и это предостережение было и лишним, и неожиданным.

– Какое отношение у вас было к Евдокимову?

– Вообще говорят, что охрана всегда ненавидит охраняемых лиц. Представьте: круглосуточно находишься рядом с

охраняемым лицом, потакаешь всем его капризам, нет никакой личной жизни… Но случай с Михаилом Сергеевичем совершенно иной. У меня о нем только положительные отзывы. Это был человек, который действительно хотел что-то сделать для края. Я был с ним с начала выборов и ушел из администрации, когда Михаила Сергеевича не стало. Он был человек неординарный – очень яркий, интересный. Находясь рядом с ним, я постоянно открывал что-то новое для себя. Евдокимов менялся в разных ситуациях. С ним интересно было работать. Интересно и тяжело. Он действительно был человеком с большой буквы. Благодаря ему я вышел на другой качественный уровень жизни, пообщался с известными людьми, которые уважали его и любили.

– Почему вы говорите о круглосуточном режиме? Разве у охранников нет графика работы?

– График, скажем так, скользящий. У охранника ненормированный рабочий день, поэтому говорить о графике бессмысленно. Я уезжаю в командировку, не зная, сколько она будет продолжаться. Она может получиться двухдневной, а может двухнедельной.

– А в каком смысле тяжело было работать с Евдокимовым?

– Тяжело с профессиональной точки зрения, потому что он был непредсказуем. Мог в любой момент сказать: «Останови машину» и выйти в толпу. Он был публичным человеком и долгое время не мог привыкнуть к тому, что он не только народный артист, но и губернатор. Евдокимов охотно встречался с людьми, а у людей может быть всякое настроение. И когда при нем один охранник, а он выходит в толпу из 100–200 человек, представьте, какое это напряжение! А объяснить ему, что этого лучше не делать, было невозможно: он просто привык к публичности.

– Бывали ли случаи, когда происходило действительно что-то опасное для жизни губернатора?

– Нет, ничего экстраординарного не случалось. Иногда бывало, в толпе раздавались недружелюбные реплики, иногда абсолютно беспардонные, и только. Но это было исключением. В основном его звали в гости, в баньку… Люди к нему относились очень доброжелательно, с положительными эмоциями. Но для нас это все равно было большим напряжением, потому что настроение всех не угадаешь.

– А что перевешивает – «интересно» или «тяжело» – при оценке работы?

– С профессиональной точки зрения тяжело, а с личной – интересно, и это несопоставимые вещи. Я очень многое узнал о нем, очень много интересных людей вокруг него было. Я получил колоссальный опыт, пополнил свой духовный багаж так, как этого

просто не могло бы случиться, работай я рядом с другим человеком. Он был при всем при том очень скромным, и настоящим делом считал только что-то глобальное. То, что успел сделать по мелочам, не любил афишировать, считал, что гордиться особо нечем. Парк «скорых помощей» обновили практически за год, школам подарили автобусы, газопровод дотянули наконец-то хотя бы до Троицкого, а ведь стройка была заморожена, – это большая работа. Начали добывать уголь на Мунайском разрезе, а ведь там тоже ничего не делалось. И об этом умалчивалось и умалчивается… Было сделано, мне думается, довольно много позитивного. Алтай – аграрный край, и было завезено много нужной сельскому хозяйству техники, собрали прекрасный урожай – нормально и посеялись, и убрали. Все предрекали, что не отсеемся, но все прошло нормально. Михаил Сергеевич специально после рабочего дня объезжал районы, смотрел, как идут дела. В отношении сельского хозяйства он был в курсе всех дел. Его губернаторство, я убежден, было только позитивным. А если у нас все заводы развалены – так это же не его вина, их годами планомерно разваливали. Если при Евдокимове СМИ заняли позицию показывать любой промах власти в гипертрофированных размерах, то мне непонятно, почему сейчас у нас в СМИ такая тишина, несмотря на многие острые проблемы.

– После гибели Евдокимова вы ушли из службы охраны администрации края по собственной воле?

– Да. Пока Галина Николаевна была на Алтае, мы с ней отработали, но это происходило уже по личной инициативе. И когда она уехала, я ушел из охраны.

– Как вы думаете, каким образом на Алтае нужно увековечить память о Михаиле Сергеевиче?

– Как бы там ни было, я думаю, что на трассе нужно поставить небольшой мемориал всем троим погибшим. В Верх-Обском уже построили часовню, я там бываю иногда. Но лучше бы он был живым, лучше бы его поддерживали живого. Многие просто отвернулись, ушли в тень вместо того, чтобы помогать Евдокимову. Молчание людей, когда рассматривалось дело Щербинского, мне тоже непонятно. Ведь их же просто одурачивали, все это было показным. У нас такое творится! Но никто при этом не выходит на митинги. На Алтае самый высокий по Сибири тариф на электроэнергию, но бастовать что-то никто по этому поводу не собрался. И потом, Зуев был профессионал с большой буквы. 25 лет водительского стажа – и ни единой аварии, даже мелкой, у него за это время не было. Он работал в Казахстане, в президентском гараже, в посольстве Ирана

отработал 4 года… Проблема в том, что на Алтае водители крайне беспредельно ездят по дорогам, не соблюдая порой даже элементарных ПДД. Поэтому кемеровские, например, автобусы, едущие в санатории Белокурихи, без сопровождения машин ГАИ по нашим трассам не ходят. Сопровождение ведь может за плату заказать любой желающий, и кемеровчане стараются обезопасить себя. Недавно я ехал в Бийск и наблюдал такую картину: шла военная колонна, перевозили ракеты. Движение, естественно, перекрыли, но было очень много желающих проскочить эту колонну. В итоге машины оказывались в кювете – их туда сбрасывали БТРами. Водители не понимают даже таких вещей! Ведь везли стратегическое оружие! И потом, все сопровождения играют чисто номинальную роль. Предположим, идет кортеж со скоростью 140 км, но и его пытаются обогнать и будут обгонять, никого на наших дорогах не волнуют машины сопровождения.

– Беспредел на дорогах свойственен всей Сибири или есть дисциплинированные в плане вождения регионы?

– Лихачат, пожалуй, только на Алтае. Кузбасс, например, ездит очень дисциплинированно: как только появляется машина с мигалкой, все останавливаются и пропускают ее. Просто Аман Тулеев и его чиновники постоянно ездят с сопровождением, и водители приучены уступать им дорогу. В Новосибирской области и Красноярском крае правила соблюдают похуже, но самый отвратительный в этом смысле Алтайский край. Стоит хоть раз сесть в машину к сотрудникам ГАИ и посмотреть, как они работают при сопровождении какого-нибудь высокого чиновника. Им приходится беспрерывно кричать в мегафон: «Принять вправо!», «Принять вправо!», а водители им просто-напросто не подчиняются, хотя требование уступать дорогу машине со спецсопровождением прописано в ПДД.

– Как вы думаете, в чем заключался просчет Евдокимова как губернатора?

– Планы у него были грандиозные, он мог привлечь в край так необходимые экономике региона большие инвестиции. У него были нормальные отношения с людьми из разных сфер, в том числе и с олигархами. С тем же, например, Абрамовичем Евдокимов часто по телефону разговаривал. Строительство полей с европокрытием и открытие школы Смертина состоялось в результате переговоров Михаила Сергеевича и Романа Аркадьевича. Сегодня тоже об этом почему-то не вспоминают. Но главное – сегодня ребятишкам есть где учиться играть в большой футбол. Были планы построить новый современный Дворец спорта, переговоры об этом были в завершающей стадии. Евдокимов, мне кажется, не мог привыкнуть к политическим

играм, интригам. Он доверял людям и не понимал, как может человек сегодня с ним обниматься-целоваться и обещать одно, а завтра делать совершенно противоположное обещанному. У него это просто в голове не укладывалось… Видимо, о губернаторстве у него было представление, мало соотносящееся с существующим положением дел. Он с человеческой точки зрения ко всему подходил, с мерками дружбы и взаимопомощи, а в политике так не бывает, там мало кому можно доверять. Там каждый сам за себя, нет ни друзей, ни врагов. Понемногу он, конечно, начал во всем разбираться, но увы… Михаилу Сергеевичу не хватило всего года, чтобы дела пошли в гору, потому что за год сложно что-то сделать в нашем крае, в котором ресурсная база отсутствует. Кстати, Фрадков, побывавший на Алтае, абсолютно верно заметил, что мы – классический пример региона, в котором нет ни нефти, ни газа. Евдокимов и очень хотел, и готов был исправить положение дел в доставшемся ему запущенном хозяйстве. Думаю, многим на Алтае, как и мне, жаль, что судьба распорядилась иначе.

Николай Бондарчук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Алтай
Такой народной поддержки не было ни у одного губернатора

Когда узнал, что Михаил Сергеевич Евдокимов идет на губернатора края, я ему позвонил и сказал: «Буду вам помогать на выборах». Почему? Потому что знал его семью. Видел в нем простого, доступного человека. Селянина. Настоящего мужика-сибиряка. Семья была многодетной. Трудолюбивой. Поэтому, чтобы иметь в доме какой-то достаток, с малых лет приходилось работать. Он познал сельский быт. Он знал всю домашнюю работу. Он знал, как печку растопить. Дрова наколоть. Он видел, каким трудом достается хлеб на столе. В зажиточных семьях дети видели все по-другому. Жизнь показала, что в богатых семьях есть большие проблемы с детьми. У Евдокимовых их не было. Хочу сказать, что внутренняя духовность человека зависит не от социального положения в семье, а, скорее всего, передается по наследству. Заложена в генах родителей. Я не буду рассказывать о родителях, так как знаю, что о них уже рассказано выше. Какими честными, порядочными и трудолюбивыми были Анна Петровна и Сергей Васильевич – таких поискать. И вот, в такой простой семье вырастает наш сибирский самородок. Случайно ли? Нет. Талантливых людей случайно не бывает. Они природой созданы.

Некоторые говорили и говорят: «Зачем пошел в губернаторы? Выступал бы да выступал на сцене».

А ему душно. Тесно стало от суеты. Ему захотелось алтайского простора, который постоянно в нем присутствовал. Это чувствовалось в его монологах и песнях. Ведь все привыкли к тому, что когда Михаил Сергеевич выходил на сцену, многие из нас, подсев поближе к телевизору, ждали очередного рассказа или байки, так или иначе связанных с Алтаем.

Взять, например, Владимира Винокура. Если бы в средствах массовой информации не сказали, что он из Курской области – никто об этом и не знал. Нашего Мишу не надо было представлять – откуда он.

Разрыв с малой родиной тяжело переживал Василий Макарович Шукшин. Это чувствовалось не только по его рассказам, ну как, например, «Выбираю деревню на жительство».

Свое высказывание по этому поводу он говорил и на съемках фильма «Они сражались за Родину», когда у него появилось огромное желание вернуться на малую родину. Многие наши земляки, оказавшись за ее пределами, болеют болезнью – тоской по родным местам. Так и мучаются на чужбине. Тело там, душа здесь.

А Михаил Сергеевич вопреки всем – не стал мучиться. Невмоготу стало жить в разрыве с земляками. Невмоготу видеть, как они незаслуженно влачат жалкое существование. Взял и вернулся, чтобы как-то помочь им.

В период предвыборной кампании некоторые говорили, что более пятнадцати процентов он не наберет. Но некоторые, это в большинстве своем властные структуры, выдавали желаемое за действительность. Пытаясь создать смуту среди жителей края.

Я знал настрой избирателей к старой власти и был уверен в победе Евдокимова. Знал и то, что у старой власти рычаги давления через своих же людей велики. Потому что насиженное место ни одна власть легко не отдает.

Поэтому, чтобы отстранить Сурикова от власти, для этого нужна была сильная, знаменитая, уважаемая кандидатура, как, например, Михаила Сергеевича Евдокимова. Если бы ее не было – Суриков остался на следующий срок. Это значит та же команда. Так же рушила и разваливала село и край, говоря при этом красивые слова, что якобы что-то в крае делается. Я не буду приводить много примеров, напомню об одном, когда Суриковым вносился проект строительства птицефабрики на триста тысяч тонн для реализации алтайского мяса, подобного «ножкам Буша», за границу. Хотели Китай ими забросать. В бытность Сурикова подняли шумиху вокруг трактора новой модификации Алтайского тракторного завода. Где это все? Пустой разговор и только. А простой народ в это время влачил нищенское существование.

Михаил Сергеевич Евдокимов пришел на пост губернатора не только помогать землякам, а работать на их благо. Ему для себя ничего не надо. У него была прекрасная машина. На свои деньги построил прекрасный дом в Верх-Обском. На свои деньги помогал селу. Школе. Футбольным командам района. Оказывал финансовую помощь жителям села, которые в ней остро нуждались. И все это из личных сбережений.

Это была чисто кристальная личность. Пожалуй, одна из первых в крае. Он постоянно чувствовал народную поддержку, что его радовало и вдохновляло. В критический момент народ не отдал его на съедение старой номенклатуре, которая продолжала и продолжает сидеть в краевом Совете народных депутатов.

В краевом центре прошел многотысячный митинг избирателей в поддержку Михаила Сергеевича Евдокимова. Составлялись списки для отправки в Москву на имя президента. Такой народной поддержки не было ни у одного губернатора края.

По народному признанию и уважению не только в России, но и в странах ближнего зарубежья, Михаила Сергеевича Евдокимова можно отнести к таким уважаемым людям, как Александр Лукашенко и Аман Тулеев. Дай Бог, чтобы у нас в крае когда-нибудь появилась еще такая личность.

Вернусь к предвыборной кампании. До этого я был ректором Алтайского аграрного университета. Соответственно, со многими выпускниками, а их было и есть несколько тысяч, поддерживал связь. С одними созванивался, другим писал письма, убеждал их в том, что команду Сурикова надо менять. На его красивые слова и обещания мы насмотрелись вдоволь, но, кроме как нищеты и разрухи, вокруг ничего не видать. Перечислять не буду. Ее каждый на себе ощутил. В сельской местности тем более.

Вот с такими соображениями я вступил в предвыборный бой, чтобы Михаил Сергеевич победил.

Бой был сильным. Особенно перед вторым туром. В некоторых районах сторонники Сурикова пытались сорвать предвыборные встречи.

Сейчас, наверное, многие знают о том, как дня за три до выборов наш «Камаз» с прицепом, в котором находился предвыборный печатный материл, на границе Кемеровской области с Алтайским краем задержали сотрудники ГАИ. Мы стали выяснять, в чем причина? Они ничего вразумительного не могут сказать. «Поступила команда сверху» – и весь ответ. Перегрузить продукцию на другую машину – тоже не разрешили. Такую команду, насколько я понимаю, мог дать только начальник УВД края. Машину с агитационным материалом продержали до окончания выборов. Материал мы печатали в Красноярске. Почему в Красноярске? Сами понимаете, здесь бы его выпуск просто-напросто сорвали. Мы предвидели подобное, но не до такой степени. Одну машину гаишники потеряли из поля зрения, так как мы ее отправили окольным путем. Она-то в последние дни нас и выручила материалом. Поэтому, наверное, избирателям, которые то и дело упрекали нас в неразворотливости и промедлении с предвыборной агитацией, сейчас станет ясно, почему так получилось. Могло бы хуже быть. Ту продукцию, по-моему, мы так и оставили на контрольно-пропускном пункте. На память отдельным товарищам.

Потом, подводя определенные итоги предвыборной

кампании, мы поняли, что эти две наши машины были под особым контролем, когда они только что пошли в Красноярск.

Помог Михаилу Сергеевичу Евдокимову во втором туре, как я считаю, перебор суриковских лозунгов и обещаний. В этот момент он почему-то вдруг увидел недоработки в администрации края. Сам по себе напрашивается вопрос: а кто тебе не давал их раньше видеть, когда ты находился во власти?

Можно было задать вопрос как коммунисту, правда, бывшему. Накануне выборов из КПРФ взять и переметнуться в партию «Единая Россия». Это что за трюк? Народ правильно оценил этот «истинный патриотизм». Сделал правильный вывод.

Сторонники Сурикова не жалели сил на распространение слухов, что из Москвы придут пришельцы обворовывать край. Коррупция достигнет невиданных размахов с приходом Михаила Сергеевича Евдокимова.

Ну, как мы видим, ничего подобного за полтора года не случилось. Михаил Сергеевич, наоборот, пресек разбазаривание государственных и бюджетных средств. Новой администрацией была разработана программа по преодолению кризиса в сельской местности. Улучшить положение в здравоохранении. Стоит напомнить, как в край партиями стали поступать машины «Скорой помощи». На их приобретение Михаил Сергеевич изыскал внебюджетные средства. Договорился с определенными лицами, чтобы в крае было два футбольных поля с искусственным покрытием. Наладил хорошие контакты с Москвой. С руководством правительства. Я знаю, что министр сельского хозяйства с пониманием отнесся к Михаилу Сергеевичу Евдокимову. По линии сельского хозяйства в Алтайский край пошла помощь. За полтора года им была проделана огромная работа, с учетом, что не хватало опыта. Но главное было – огромное желание улучшить жизнь земляков. Здесь стоит вспомнить слова Макиавелли: «Надо знать, что нет дела, коего устройство было бы труднее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки…»

О старых порядках, насколько я думаю, Михаил Сергеевич Евдокимов хорошо знал. А поэтому как в период предвыборной кампании, так и когда стал губернатором, он не переставал повторять: «Воровать никому не дам…» Думаю, не без основания, чем и вызвал огонь на себя со стороны чиновников, которые, вместо того чтобы на первых порах ему помочь, стали его валить. Ставить палки в колеса. Стали работать по системе – чем хуже положение в крае, тем лучше им. В такой ситуации его легче свалить с поста губернатора.

Пример. С уходом Сурикова многие его замы сразу же уволились по собственному желанию, в то время как Михаил Сергеевич просил их остаться на своих местах. Что, казалось бы, в этом? Один губернатор ушел, пришел другой. Ты как работал, так и работай. Верши дела на благо края с учетом своего опыта. Нет. Они этим как бы объявили бойкот новому губернатору. А по сути, не ему, а всем жителям края.

Я вспоминаю, когда на пост губернатора Тюменской области заступил Сергей Собянин, ныне глава администрации президента России.

Вступив в должность, он сразу же уменьшил зарплату чиновникам, включая себя. За счет этого годовая экономия составила огромную сумму. Эти деньги он пустил на нужды медицины и образования. Казалось бы, пример-то добрый и нужный. Почему бы по этому пути не пойти у нас в крае? Правда, Михаил Сергеевич хотел противостоять тому, чтобы не увеличивать чиновникам жалованье. Но… Но не вышло. Заинтересованные в этом лица оказались сильнее.

Насколько я понимаю, делая себе высокие зарплаты, чиновники законным путем воруют деньги у народа. По-другому я не могу расценить их поступки. Они не понимают, что сегодня простых граждан больше всего угнетает не нищета, а социальная несправедливость между ними и чиновниками. А до чего это может довести? Страшно представить. Казалось бы, все просто понимается. Что учитель, что врач, что чиновник – это одна бюджетная сфера, которая ничего не производит. Существует за счет нас, простого народа. За счет нашего подоходного налога. Но нет. Находясь у власти, они оградили себя от всех других. Словно иная каста. Поэтому когда в краевом Совете народных депутатов изобрели закон о повышении зарплаты чиновникам, Михаил Сергеевич по этому поводу возмутился. Но сопротивление законодателей, насколько я понимаю, он не смог преодолеть.

В сельской местности и в других городах сопротивление новому губернатору со стороны чиновников не так ощущалось. В краевом центре весьма заметно.

В отношении их Михаил Сергеевич мне как-то сказал: «Не пойму, чего им надо? Что успели наворовать, я, конечно, не смогу вернуть или все раскопать. Но дальше воровать никому не позволю».

Находясь как-то в Верх-Обском, Михаил Сергеевич мне заявил: «Обидно за то, что некоторые не могут понять, что к власти я пришел с благими, серьезными намерениями. Не просто помогать землякам, а работать и тянуть эту лямку вместе с ними достойно».

Некоторые делают упрек в том, что Михаил Сергеевич менял людей из своей команды. На это я скажу, что подобрать настоящую команду не так просто. А если приходили не те, которых Михаил Сергеевич хотел бы видеть? Что, так и смотреть на них? На их бездеятельность?..

В последнее время Михаил Сергеевич сформировал команду, в которой был уверен, на которую мог опереться, которая что-то ощутимо могла сделать на благо жителей края. На мой взгляд, несколько человек и из этой команды надо было заменить. Но Михаил Сергеевич, вероятно, еще присматривался к ним.

Главным достижением за малый период работы было то, что за это время он успел приобрести опыт в работе. Знания в той или иной отрасли. Все остальное к нему пришло бы немного позже. Но главный путь, я бы сказал, самый трудный – был пройден.

Почему трудный? Давайте вспомним время, когда он стал губернатором. Ведущие специалисты разбежались, надо было подобрать новые кадры.

Весна. Половодье. Борьба с паводком. Подготовка к весенне-полевым работам. Сев. Заготовка кормов для общественного стада.

«Доброжелатели» хотели, чтобы он споткнулся на этих проблемах. Но они просчитались.

Увидев, что сев прошел успешно, стали распространять слухи: «Посеять посеяли, а убрать не уберем. Нечем». Но и в этом их желаниям не суждено было сбыться. Отличительной чертой в нем было то, что все решения он принимал самостоятельно и знал, что он за них в ответе.

Как губернатор – он состоялся. Я уверен, что после первого губернаторского срока президент рекомендовал бы краевому Совету народных депутатов его кандидатуру на второй срок. Это как раз и раздражало многих чиновников, которые продолжали бороться с неугодным для них губернатором. Причин не было. Так они искусственно придумали «ненадлежащее» исполнение обязанностей.

Что под этим словом понимать? Он что не работал? Не пахал? Что не заставлял работать? Что не обрубал каналы для коррупции и казнокрадства? Что не прекратилось растаскивание бюджетных денег? Так что он достойно бы работал на этом посту. Возможно, должности губернатора ему впоследствии мало было бы. Может быть, на конкретном регионе так поднаторел бы, что мог войти в правительство, вплоть до президента…

Честным был с детства
Вспоминают земляки

Плешкова Матрена Васильевна, село Верх-Обское

С родителями Миши жили по соседству, крыльцо к крыльцу. Дружили семьями. Семья у Евдокимовых была большая, семеро детей. Жили трудно, бедно, но дружно. Ссор никогда в семье не было, дети были маленькие и поэтому Анна не могла работать в совхозе. Но когда просили подменить телятницу, доярку или почтальона, никогда не отказывалась. Держали корову, поросенка, кур. Садили большой огород. Все от мала до велика от темна до и темна работали. Детей воспитали трудолюбивыми, честными, заботливыми. Старшие нянчили младших. Когда Анна отлучалась из дома на работу или в район, просила меня приглядеть – по-соседски за детьми. Жили мирной сельской жизнью. Миша с детства был каким-то особенным, уважительным, совестливым. Всех жалел, любил животных. С малых лет пел, пародировал, приплясывал. Научился играть на балалайке, гитаре.

Муж мой – дед Василий Лазаревич Плешков всю жизнь был юморным. Постоянно мог что-то отмочить, да и сейчас он не изменился, хотя ему 85 лет. С ним постоянно какие-то конфузы случались. Как-то приболел, простыл немного, а лекарство перепутал, выпил слабительное. Боже, что тут началось. Без смеха и вспоминать невозможно. Это надо же таким чудиком быть. Ходячий анекдот и не иначе. Просит у меня выпить, а я не даю. К нам зашел Миша, а дед ему жалуется, дескать, надо лечиться водкой с солью, а бабка не дает. Сходи-ка ты, Миша, купи водочку. Полечи умирающего. А то, видишь, уже и в сапогах булькает. Вижу, привирает, так как сам сидит в тапочках. И ведь все-таки разжалобил, умаслил Мишу.

Гляжу как-то телевизор, а Миша деда моего изображает. Говорит ну точь-в-точь, как мой дед. А дед смотрит и гордится.

Мишенька сразу после армии женился. И с Галей жизнь прожили в любви и согласии. Свою единственную дочь воспитали хорошо. Часто в гости к нам они всей семьей заходили. На все Мишины концерты-праздники ходили. Все выступления по телевизору глядели. Гордились нашим Мишей.

Иванов Иван Петровичу село Верх-Обское

Почти вся жизнь прошла в этом селе. А село наше хорошее. В аккурат у речки Катуни расположилось. Красиво. Здесь слияние Вии и Катуни. Лучшего места, думаю, и не найти. Часто хожу на берег, бывает и удочкой рыбу ловлю. Немного, но на ушицу хватает. Бабка моя так ушицу наварит, пальчики оближешь. Бывало, и Мишу ушицей угощали. Хвалил он.

Добрый он человек был. Все о жизни со мной толковал, вроде как советовался. Подмечал он в жизни многое. Все, бывало, меня просмеивал. Придет к нам, за встречу посидим, поговорим про жизнь. Глядь, вскорости наш разговор по телевизору на люди выставляет. По-сурьезному я с ним о жизни рассуждал, а он давай народ потешать! Все мне говорил, чтобы я не обижался, и называл меня каким-то типом.

Василиса Васильевна, жена: «Да не типом, а прототипом, вдохновителем его монологов. Гордись, на всю страну о тебе показывают и голосом твоим он говорит».

Я сначала шибко обижался, а потом решил: ну что мне на Мишу серчать-то? Хотя я – заметьте – ему ничего смешного не говорил, все по-серьезному. Мальцом его помню, жили с его родителями крыльцо в крыльцо. Миша с детства научился рожи строить, когда рассказывает.

Василиса Васильевна: «Не рожи строить, а пародировать, не только лицом изображать, а и голос-то твой точь-в-точь. А походка? Глянешь – ну дед мой идет. Хотя Миша во! какой, а ты против него кто?»

Ты, бабка, не ругайся, а тащи свои припасы-фантазии, огурцы в помидорном соке, грибочки опять же. Миша-то любил простую, здоровую, деревенскую еду. Ест, бывало, нахваливает. Всегда спешил в родное село, оно его магнитом тянуло. Тут и родители его похоронены, а теперь и сам рядышком с ними улегся. Рано, ох рано ему туда-то… Какой человек был. Миша душу в родном селе отогревал, сил набирался. А уж в баньке сызмальства попариться любил. Теперь-то вот и душа его свой покой здесь обрела. Лежит, ничего ему теперь и не надо.

Устал я жить. Все какие-то болезни наваливаются. А Миша и не болел вовсе. А может, не хотел плакаться? Да, знал я Мишу еще с малых лет. Жизнь он прожил без оглядки. Бывало, коленки в кровь разбитые. Да что коленки? Носы были разбиты иногда. Умел за себя постоять. Городские ребята через Катунь переправятся, напьются, драку учинят. Так Миша мог их призвать к порядку. Главное, говорил Миша, надо дружно жить. Поддерживать друг друга, в обиду не давать. Да и во взрослой жизни он таким остался. Всегда всем помочь старался. Мог отдать последнее. Некоторые этим иногда пользовались. Да Бог им

судья.

А уж честным был с детства. Помню, как-то Анна в район уехала, а супруге моей наказала по-суседски приглядеть за домом, за детьми, за хозяйством. В аккурат в тот день Анна посадила курицу на яйца. А курица все никак сидеть не хотела, убегала. А тут, как на грех, все ворона кружила над дворами. Побежала Василиса проверить – не случилось ли чего? Глядит, а в гнезде яиц меньше стало. Василиса и раскричалась: «Ох, ох, ворона яйца утащила!» А Миша и говорит: «Нет, тетя Василиса, это не ворона, это я яйца взял и обменял их в сельпо на рыболовные крючки. Хочу, как большие ребята, рыбу ловить, а мама пусть уху для всех наварит». А ведь смолчать мог бы. Не помню, сколько лет Мише в ту пору было, но в школу еще не ходил. А вот уже в то время мечтал ВСЕХ накормить. Всех всегда уважал, жалел. Вот смотри-ка, даже на ворону не хотел зазря поклеп наводить. Ах, Миша… светлая и чистая у него душа была. К людям только с добрым сердцем шел, и они отвечали ему тем же. Спросите любого в деревне, пожалуй, нет человека, который не любил бы нашего Мишу. И люди сейчас к нему идут и едут. Не забывают Мишу. И Мишина душа, наверное, радуется, что народ его не забывает. Придут и стоят, плачут и молятся в часовне. Некоторые ведут с ним беседу, как с живым. А сколько благодарного люда идет! Всем чем-то помог. Кому денег дал на операцию, кому на дорогое лечение. А недавно вот Петровна благодарила его за уголь и дрова (деньги ей давал свои личные).

Что веселым был – это точно. Всегда с балалайкой, гитарой. Всегда пацанов вокруг себя хороводил, пел, плясал. А на сцене-то что вытворял. На его выступления в клуб всегда народу много набивалось. Миша всегда был организатором, гвоздем программы. Никогда не важничал, нос не задирал. Хоть стал и знаменитым, народным артистом. Когда здоровкался, руку подавал, обнимал. Приедет, никогда не забудет к нам зайти. Умел любую беседу поддержать.

Тут вот как-то мужика встретил. Беседу вел со мной. Поговорили, сказал, что писатель, что будет о нашем Мише писать. Пусть пишет, я не против. Пусть люди не только в нашей деревне о Мише знают. Только уж некоторые много чепухи о Мише пишут. А что о Мише плохого писать? В его жизни плохого ничего и не было. Ну да Бог им судья.

А что Миша насчет портянок говорил, будто для крепости на портянках настаиваю… Это Миша, как бабка говорит, для образности приврал малость. Ну да я и не обижаюсь. Сам смотрел его по телевизору и хохотал.

Да, зажился я… Мне уже 85 лет. И зачем Миша обогнал меня?

И не я бы к нему ходил на холмик, а он ко мне. Мне б приятно было от него услышать хорошие слова. Умел он и сказать хорошо. Да…

Кураева Мария Даниловна, село Верх-Обское

Гостиницы в селе нет. И артисты, и спортсмены, которых привозил Миша, размещались у жителей. Мы с радостью их принимали.

Хорошо помню родителей Миши – Анну и Сергея. Очень они были трудолюбивыми и всех детей так воспитали. Мишу помню еще мальчонкой. Учился с первого класса с моим сыном Володей, дружили они всю жизнь. Отношения у них были прекрасные.

Миша любил все простое, народное. Брат мой – Кураев Иван Данилович был человеком очень веселым. Миша часто его пародировал. Давно это было. Как-то слышим в сенках «Кхе-кхе». Мама говорит: «Это Ванька, сейчас будет просить на красненькую». Смотрим, а это Миша входит в дом.

Герои Мишиных монологов – это простые сельские люди. Умел он подмечать смешное. Все концерты Миши мы смотрели, радовались за него.

Помню, поехала я в Москву. В то время мой сын там учился. Прилетела на самолете, нашла квартиру (Миша с Галей в то время снимали квартиру). Привезла с собой продукты, сходила в магазин, купила хлеб и кое-что к столу. Вскоре пришли Галя с Мишей. «Ой, Галя, ты меня поддержи, галлюцинации, наверно, у меня».

– «Нет, – отвечаю, – не галлюцинации, а это я собственною персоной перед вами».

Вскоре мы уже сидели за столом. Миша с Галей очень гостеприимные. Между собой жили они очень дружно. Раз пять я ездила в Москву, и они все приглашали к ним заходить. Любил наш Михаил Сергеевич Алтай, свое родное село.

Гранкин Сергей Борисович, близкий друг Михаила Сергеевича, село Верх-Обское:

С детских лет мы с Мишей росли вместе в одном селе. Я его немного старше. Занимались спортом. Играли в волейбол, футбол. Купались в реке, Миша хорошо плавал. Ходили в походы. Никогда никого не бросил в беде.

Сердцем чувствовал, кому плохо, помогал. Мог отдать

последнее. Сколько помню, всегда в его руках была гитара. Всегда пел песни. Играл на барабане в ВИА. Был в хоре запевалой, а у мальчишек заводилой, кумиром. Умел словом приструнить, убедить. С раннего детства стал пародировать. Часто с большим желанием мы помогали родителям, работали в совхозе. Семья у Евдокимовых была большая, дружная.

Служил в Нижнем Тагиле. Там встретил очень красивую девушку Галю. Галя была его единственной любовью. Дочь свою единственную, Аню воспитали хорошим человеком.

Выросли. И наша детская дружба переросла в мужскую крепкую дружбу.

Помню, на первый турнир Миша выставил бочку с квасом. Участвовали в соревнованиях все его друзья, все желающие. После каждого турнира должны были сбегать стометровку.

После второго тура мы взялись за ремонт, реконструкцию стадиона. Миша вместе с нами на стадионе построил небольшую часовню. Для зрителей построили трибуны. Для выступления артистов построили эстраду. Провели электричество.

Смакотин Николай Ильич, преподаватель истории, с 1952 г. – директор Верх-Обской средней школы:

В 1964 году Миша пришел в первый класс. Первая его учительница – Татьяна Дмитриевна Прыткова (сейчас ее уже нет в живых).

Это был красивый, златокудрый мальчик. Любознательный, трудолюбивый, старательный. Играл в футбол, волейбол, хорошо рисовал. Сначала стадиона в деревне не было, играли около школы. Миша всегда был заводилой у ребят. В школьном хоре был запевалой. У него в то время был звонкий, чудесный голос. Впервые заметила у него певческие данные учительница пения, приехавшая к нам в село после окончания педагогического института, Боровая Любовь Васильевна. Она увидела в Мише самородка. Миша ее очень уважал, любил. Да ее и невозможно не любить – это очень добрый, тактичный человек. Вспоминаю такой случай. Как-то я уехал в Смоленск на семинар. Приезжаю, а в школе нет занятий. В чем дело?

Завуч говорит: «Так это вы же позвонили лично мне и занятия отменили. Я не мог ошибиться, голос был ваш».

Потом выяснили, что это Миша моим голосом говорил. Миша любил ходить в походы. Никого, никогда в беде не бросал, не предал.

Миша закончил 9 классов, пошел работать. Помогать отцу.

Тогда было всеобщее среднее образование. Я, как директор школы, несколько раз ходил к родителям Миши, убеждал продолжить учебу, но Миша настоял на своем – буду работать, помогать родителям. Десятый класс закончил в вечерней школе. Потом закончил институт. Сразу после армии Миша женился на красивой девушке Гале. Миша всегда называл ее «солнышком ясным». Свою единственную дочь Аню воспитали добрым, достойным человеком.

Это талантливый, ищущий человек. И с годами Миша к своим учителям уважения не потерял. Всегда кланялся в пояс. И в последнее утро его видел. Миша, как всегда, меня поприветствовал.

Ведь раньше не знали, не предполагали, что Миша будет таким знаменитым. Ни разу не пропустил он сбор выпускников. Приезжал на 20-летие, 30-летие выпуска, и в феврале 2005 года приезжал. Сфотографировались на память.

Когда стал губернатором, не пропустили ни одной передачи о нашем Мише. Переживали за него. Признаюсь, что я был против, чтобы он был губернатором. Отговаривал Мишу. Как будто чувствовал.

Лущеко Нинель Николаевна, учитель с педагогическим стажем 41 год, преподаватель истории:

В Верх-Обском живу с 1963 года, считаю себя старожилом села, родителей Миши Евдокимова Сергея Васильевича и Анну Петровну хорошо помню. Семья была многодетная, семеро детей. И всех я учила. Все трудолюбивые, способные. Семья материально жила трудно. Но дети всегда были ухожены, чистенькие. Я бы сказала, что Миша от природы был артист. Пародировал, пел. Его выступления на школьных вечерах украшали любой концерт. Помню, как он изображал Маврикевну с Никитичной. Народу всегда собиралось много. Миша сам организовывал выступления на летних дойках. С детства был одержим идеей всем помочь. Селян после тяжелого труда развлечь.

Родители своих детей воспитали в уважении к старшим, к учителям. Ценю его простоту в обращении к простым людям. При встрече всегда поклонится нам низко в пояс, обнимал. Когда Миша стал знаменитым, я назвала его Михаил Сергеевич и на «вы». Миша ответил: «Да какой я вам «вы», я ваш ученик и вам за все благодарен».

Помню, последний вечер встречи в феврале 2005 года, было 30 лет их выпуску. Был Миша уже губернатором, ничем от

остальных одноклассников не выделялся, сидел скромно. На вечере присутствовали его классные руководители Боровая Любовь Васильевна и Попова Галина Гавриловна. Попросили Михаила Сергеевича спеть. Как он душевно пел…

На последнем своем празднике для земляков на стадионе запомнился Миша веселым, жизнерадостным. Он пел и плясал.

Гибель Михаила Сергеевича – это что-то ужасное… Живу недалеко от кладбища. Вижу, люди едут, идут. Едут на автобусах, на машинах. Кланяются Михаилу Сергеевичу, молятся в часовне, ставят свечи. Могила всегда ухоженная, много живых цветов.

Глебов Вадим Викторовичу пос. Раздольное, Смоленский район Алтайского края

Михаила Сергеевича Евдокимова я знал как артиста-пародиста с 1984 года. Полюбились и его душевные песни об Алтае, о жизни. Человек прекрасной души, нашей, простой, деревенской, без всяких хитростей и изворотов. Прямой по жизни и по сцене. Очень жаль, что рано оборвалась жизнь такого прекрасного человека. Жаль!!!

Наш поселок Раздольное проголосовал с результатом 87 % голосов в пользу М.С. Евдокимова. Это самый лучший результат выборов в Алтайском крае.

Судьба…
Интервью разных лет

Первый парень на деревне

Михаил Евдокимов – человек предельно открытый, без всякого звездного налета, и поэтому с первых же минут знакомства с ним легко и просто и сразу хочется называть его Мишей. Необычайно самобытный, своеобразный, и говорит он характерно, образно, с только ему свойственной интонацией.

– *Миша, ведь вы, как Шукшин, Золотухин, тоже с Алтая?*

– В Алтайский край, в совхоз Верхне-Обский, мы переехали всей семьей из Новокузнецка, когда я был совсем маленьким (еще до года). Там, где сливается Бия с Катунью, и стоит моя деревня. Родители – крестьяне. Отец работал сварщиком, его портрет всегда висел на Доске почета – такой он был передовик. С тех пор я считаю своей родиной эту деревню, которую очень люблю, часто посещаю, где провожу все праздники и вообще делаю, что могу, для живущих в ней людей. Несколько лет назад это был Госплемхоз, разводили крупный рогатый скот, свиней. А теперь… Очень тяжелое положение. Конечно, я не так уж много и могу, но, если бы я был банкиром, с удовольствием сделал бы так, чтобы моим односельчанам жилось полегче, многое изменил бы там в лучшую сторону Но, к сожалению, я не Рокфеллер…

– *Большая у вас была семья*?

– Семь человек, я средний. Все разъехались по Сибири. Папа умер в 1991 году, мама жива, вот к ней и летаю.

– *Чем вы занимались в детстве в деревне?*

– Да, как любой деревенский паренек, всем: от лесоповала до рисования. Все у меня, в общем, получалось хорошо, но беда в том, что мне всегда бывает трудно взяться за что-либо, а уж когда начну, то не остановлюсь, пока не закончу, причем сделаю хорошо. Я медлительный по натуре человек. Вот когда недавно был в своих краях, ко мне зашел бывший учитель по труду. Сказал, что хорошо помнит, как приглашал меня в свой кабинет. Ему нравилось, как я работал, и он понимал, что делать табуретки в классе мне неинтересно. Я мог одним топором, не используя никаких рашпилей, сделать топорище, очень аккуратно – так, что после оставалось только чуть наждачкой пройтись. Мне приятно, что он это помнит.

– *А увлечение спортом*?

– А как же – начиная от игры в чижика, плавания, коньков, хоккея с самодельными клюшками и кончая футболом. Кстати, клюшки делал сам и – можете спросить у любого – очень классные, прямо как канадские. А чтобы кататься на коньках, пришивал, подставлял задники к старым ботинкам, как-то на

ходу «рационализировал» и коньки.

Всем этим я занимался с удовольствием. Ребята, бывало, смотрят на то, что я придумал, и тоже перенимают.

Никаких разрядов по спорту у меня нет, но когда люди, причастные к спорту, видят меня на коньках или с мячом, то говорят: «Вот видно, что этот человек – спортсмен». А ведь мы там ни в каких обществах не состояли, просто жили, как Маугли.

Рекорд Михаила по прыжкам в высоту в деревне никто так и не смог побить, а его любовь к спорту не осталась неоцененной в родных местах: в деревне и сейчас проходит розыгрыш Кубка по футболу имени Михаила Евдокимова.

– *Когда у вас проявилась склонность к творчеству*?

– У нас был клуб, и там мы ставили даже отрывки из романа «Они сражались за Родину» Шолохова. Это все мы делали с нашим киномехаником, очень неравнодушным к театру человеком – дядей Гошей Замятиным. С ним вдвоем и ставили всякие спектакли. Все это показывалось, как тогда говорили, в рамках отчета о работе клуба. В этой художественной самодеятельности я был и солирующим барабанщиком, и запевал в хоре, и в вокальной группе участвовал, и в квинтетах, и в квартетах, и даже фокусы показывал. Занимался и винтрологией (тогда я, конечно, не знал, что это так называется).

– *А что это такое?*

– Я разговаривал с куклой за себя и за нее, но мой рот при ее ответах не раскрывался. «Говоришь» с ней, а народ не может понять, как это происходит. Некоторые думали даже, что у меня где-то спрятан магнитофон. Ну какой уж тогда магнитофон! В то время он мог быть размером со стол.

Закончил 9 классов, уехал в Барнаул и поступил там в культпросветучилище. Проучился до нового года, а кушать-то хочется… Где деньги взять? Пришлось идти работать на Моторный завод. Потом вернулся в деревню, так как пора было призываться. Вот тут я срочно закончил десятый класс и пошел в армию. С армией у меня получилась целая история. Я призван был служить шифровальщиком при штабе в Московском Кремлевском полку – двоих нас туда направили. Я – за старшего. В дороге ребята стали хулиганить, а я-то ведь еще и боксом занимался, ну, и разобрался с ними – слегка приструнил, и они, потеряв сознание, легли. А меня за этот «призыв к дисциплине» вернули домой и даже хотели посадить. Но в районе все меня уважали и не позволили довести дело до суда – просто отправили в стройбат. А я-то размечтался, как буду служить в Москве: там меня посмотрят, кто-то заметит, поможет, ведь все-таки я мечтал о сцене… Два положенных года я прослужил в Нижнем Тагиле.

Тоже с искусством не расставался. Меня назначили начальником клуба, и я руководил ансамблем. Наш ансамбль успешно выступал по другим военным округам, на смотрах.

– *Что же вы решили делать после армии*?

– Демобилизовался я осенью 1978-го, стал работать художественным руководителем Дома культуры в деревне. А в июне поехал в Москву на 5-ю улицу Ямского поля поступать в Эстрадно-цирковое училище. Но в это время набирали какую-то группу с Кубы – и мне пришлось, уехать домой: все места были заняты. Расстроился я и в этот же год поступил в Новосибирский институт торговли.

– …*Там и начали пародировать*?

– Пародировать я начал еще раньше, учась в пятом классе, стал подражать Аркадию Райкину. Интермедию «Авас» исполнял один за двоих. В школе, а потом в армии пародировал знакомых, друзей, начальников.

– *Помогал ли вам кто-нибудь в жизни?*

– Прекрасные люди моего детства – трудяги, балагуры, фантазеры, среди которых я вырос, – и стали главными учителями моего актерского мастерства.

– *Как вы попали в артисты, стали звездой*?

– В 1983 году вместе с писателем Николаем Шипиловым мы приехали в Москву У меня тогда уже было написано несколько рассказов, а у него целая книга подготовлена, вот и поехали в Москву – печататься.

Многое из моей деревенской жизни сильно запечатлелось в памяти, и мне захотелось перенести эти картины на бумагу. Воспроизвести их по прошествии даже большого времени для меня не представляло труда. Шипилов и посоветовал мне создать зарисовки в образах и читать их со сцены.

…Ну, приехали, привезли рассказы. Тут как раз в Доме литераторов должен был отмечаться чей-то юбилей, и Николай попросил организаторов меня показать… У меня тогда уже были пародии на популярных актеров, и когда я читал их на работе, то весь отдел покатывался со смеха. Вот с пародиями меня и пригласили выступить. А мне и выйти-то не в чем. Дали чей-то пиджак, ботинки отмыли, и я пошел на сцену. Волновался безумно (я и сейчас волнуюсь, но не так), меня прямо колотило всего. Но все прошло нормально. После этого меня пригласил для выступления на свой страх и риск (ему запрещали) хороший, душевный человек Игорь Александрович Косарев – заведующий детским отделением областной филармонии. Наступал новый, 1984 год. Я подготовил поздравления вроде как от имени известных актеров. В концерте участвовали такие звезды, как

Кузьмин, Барыкин – а тут я, в общем-то без имени и опять в чужом костюме… Но зал принимал прекрасно! Косарев и говорит местным чиновникам от искусства: «Вот видите, а вы не хотели его пускать на сцену!»

– Почему вы сейчас не занимаетесь пародией?

– Нет сейчас таких ярких, со специфическими голосами, актеров, какими были Леонов, Миронов, Папанов… Я хочу сделать номер, посвященный памяти ушедших из жизни артистов.

– Можно ли где-то прочитать ваши рассказы, зарисовки?

– Пока у меня все в разобранном виде, но один известный писатель и критик обещал мне помочь подготовить и издать книгу. Я умышленно не публикую отдельные рассказы – так мне посоветовали профессионалы.

– Есть ли у вас любимые писатели?

– Пушкин… Высоцкий. А самый-самый – Шукшин. Я дружил с его другом и соратником Георгием Бурковым.

– Вы, мне кажется, находите контакт с самыми разными людьми?

– Мне достаточно поговорить с человеком, и я его или принимаю, или не принимаю. Никогда не буду общаться с неприятными для меня людьми только потому, что это общение мне может в чем-то помочь. Ненавижу хамство в любых проявлениях.

– Кто ваши друзья?

– Обычные трудяги, но с большим, добрым сердцем. Для меня дружба – дело святое, я отношусь к ней трепетно и бережно. Человек не имеет права на какие-то мелкие, дешевые поступки, если он считает себя другом.

– Ну, о дружбе поговорили. Теперь давайте о любви. Когда вы женились?

– Когда учился в институте. А познакомились мы в Нижнем Тагиле, во время моей службы в армии. Потом переписывались три года, ездили друг к другу в гости, и вот с 1981 года – вместе. Дочке сейчас 14 лет. Живем очень дружно, даже не ругались ни разу. Моя Галина – не жена, а настоящая крепость. Она скромнейший человек. Сколько было в нашей жизни бытовых передряг, неустроенности, приходилось ей и уезжать с дочкой к маме, так как жить было негде, и никогда она не пожаловалась на свою судьбу.

– Кем она работает?

– Я ей сказал: «Хватит работать, занимайся домом». У нас ведь еще и собака есть.

– Вам-то сколько лет?

– Да в этом году будет сорок. Как-то незаметно подошло, все

молодой-молодой, и вдруг – сорок.

– Дочка чем увлекается? Есть у нее склонности к искусству?

– Друзья говорят, что у нее есть данные и к пению, и к декламации, но при мне она как-то стесняется, зажимается, и я ни разу не видел ее ни поющей, ни читающей стихи.

– Ваше отношение к церкви?

– Отношусь с глубоким уважении и к вере, и к церкви, и к верующим. Дома висит икона. Я не набожный, посты не соблюдаю, храм посещаю редко. Хотя мне люди от церкви как-то сказали: «После 40 лет вы бросите всю мирскую суету и придете к нам». Причем в качестве служителя церкви. Не знаю, сбудется ли это, но пока произошло со мной вот какое чудо. Ехали мы на машине. И вдруг она – под откос, просто перевернулась. Я вылез, смотрю: вроде живой и все живы – и говорю: «Выходи строиться! Вы чего там разлеглись?» Священник потом сказал, что уцелели потому, что в машине был я – вроде сыграл роль ангела-хранителя. Попросил пригнать ему машину и окропил ее святой водой.

– Известно, что вы работаете и в кино…

– Недавно снят фильм «Не валяй дурака» – о жизни, о любви, о международных отношениях. Режиссер и автор сценария – Валерий Чиков (он ставил и предыдущий фильм «Про бизнесмена Фому», где я играю главную роль). Снимались в нем Ольга Остроумова, Лев Дуров, Валерий Золотухин…

– Чем вы любите заниматься в свободное время?

– Достраиваю на даче баню. В офисе все переделал своими руками. Люблю готовить пельмени и никого к этому процессу не допускаю.

– У вас, наверное, часто берут интервью. Помните ли, какое было первым?

– Очень даже хорошо. Дело было в юности, в деревне. Я несколько дней не появлялся дома и когда пришел, то отец взял оглоблю, огрел меня, а потом стал допрашивать: «Где шлялся так долго? Почему дома не ночуешь? Мать с ума сходит, что тебя долго нет!..» (Шутка.)

Вот такой он, Михаил Евдокимов, заслуженный артист России, народный любимец. Человек стойкий, выносливый, добрый, любящий родные места, друзей, спорт («Спорт люблю, как дурака махорку») и своих ненаглядных «девчонок» – так называет он жену и дочь.

P.S. После того как материал был подготовлен, я побывала на концерте Михаила и поняла, за что его так любит публика: его рассказы не придуманы, полны тепла и любви к своим односельчанам, скрытыми за мягким, истинно народным юмором.

А главное – полное впечатление, что находишься не на концерте, а просто где-то на берегу Катуни и слушаешь, как тебе рассказывают об общих знакомых… И только зрительный зал, который буквально стонет от смеха, напоминает, что дело происходит в театре. Лицо же артиста остается серьезным и невозмутимым, лишь добрая улыбка озаряет его, когда звучат аплодисменты.

1997 г.

Я против голых животов

Он – единственный артист «Аншлага», который, просто молча переминаясь с ноги на ногу, способен заставить публику хохотать. А его известная фраза: «Эх, не знаю, чего рассказывать-то…» и вовсе лишает зрителей остатков душевного равновесия. Однако Михаил ЕВДОКИМОВ от головокружительной славы отмахивается, чувствуя себя если и первым, то только в родной алтайской деревне.

– Михаил, как вы стали «банщиком»? С чего начиналась передача «С легким паром!»?

– Эх, не знаю, чего рассказывать-то? Шибко долго меня уговаривали «банщиком» стать. Не хотел я, честное слово. Обстановка-то, конечно, знакомая. В деревне своей частенько париться ходил. Все тонкости знаю. И морда красная была. Монолог мой про морду-то – сюжет из реальной жизни.

– А почему не хотели телеведущим стать? Как Петросян с Винокуром…

– Времени не было, да и сейчас нет. Съемки, выступления, гастроли. Кроме того, я не шоумен, и слово это не люблю. Какой я шоу…

– Смотрю я вашу программу и думаю: почему баня не настоящая, а всего лишь дешевые декорации? Хорошо. Допустим, в Сандунах снимать дорого. Но, Михаил, простыни-то поверх одежды – это же неприлично…

– Я был против голых животов. Нескромно как-то, неэстетично, что ли. Хотя мне самому не стыдно оголить свое пузо. А так, банные шапки есть – и это главное.

– В какой компании вы чувствуете себя лучше – среди «аншлаговцев» или друзей детства из родной деревни?

– Регина Дубовицкая и Фима Шифрин – замечательные люди, порядочные и тактичные. Только с ними мне приятно общаться как на сцене, так и за кулисами. Можете написать это жирным шрифтом! А вообще-то я деревенщик до глубины души. Все самые верные и близкие приятели, конечно, в моей деревне. Каждый год обязательно бываю там. Отдыхаю душой и телом. С друзьями на плотах по реке сплавляемся или за грибами на целый день уходим.

В небольшом селе Верх-Обское на Алтае, где берет начало река Обь, его отец трудился в совхозе, мать работала на шахте. Там с ней произошел несчастный случай. Во время обвала отдавило ноги. Жили, как говорится, за чертой бедности. И если

даже на день рождения родители не могли купить сыну дешевых леденцов, это его не удивляло. Привык. Но прогибаться под жестокий мир Михаил не собирался. Видимо, в глубине души, понимал, что рано или поздно все изменится.

– Помните тот счастливый час, когда вам улыбнулась удача?

– Нескоро это произошло. После армии, где я, кстати, был начальником клуба, вернулся в деревню. Спустя год отправился в Москву поступать в эстрадно-цирковое училище. Но меня не приняли. Поехал в Новосибирск. Учился в тамошнем институте торговли. Работал администратором в столовой, а по вечерам пел на танцплощадках. В свободное время писал сатирические рассказы. Наверное, с этого все и началось. Знакомый писатель Николай Шипилов предложил эти зарисовки прочитать в Москве со сцены. Тем более повод подвернулся. В Центральном Доме литераторов был вечер. Мне разрешили выступить с пародией на Юрия Никулина. Так и закрутилось…

– Вам звездная болезнь со всеми вытекающими осложнениями незнакома. Привиты с детства.

– Конечно, воспитали меня, прежде всего, человеком. Ни на какой пафос и хамство права не имею. Наоборот, если кому помощь нужна, все брошу и выручу. Словом, каким был, таким я и остался – добродушным простым деревенщиком. Не знаю, хорошо это или плохо.

– Однако, Михаил, я слышала о вас далеко не лестные отзывы. Якобы вне сцены вы не «белый и пушистый». И накричать можете, и кулаком стукнуть…

– Смотря в какой ситуации. Недавно в Доме кино подошла ко мне дама. Представилась подружкой дочери Брежнева. Но я-то здесь при чем? Обедаю, никому не мешаю. А она несет какую-то ерунду без умолку. Сначала я старался вежливо дать ей понять, что разговаривать не настроен. Головой кивал, да и только. Потом уже меня на сарказм пробило. Но как я должен был себя вести? А все остальное – выдумки завистников.

Со своей супругой Галиной Михаил познакомился, когда служил в армии. Она в то время только окончила девятый класс.

– Это была любовь с первого взгляда?

– Да! Как только ее увидел, сразу почувствовал свою половинку. Словами трудно объяснить, но я вдруг понял, что она-то и будет моей женой. Когда я об этом ее отцу сказал, тот ответил: «Не дождешься!» Но вышло по-моему. Вот уже двадцать три года вместе.

– Трудно быть супругой Михаила Евдокимова?

– Вовсе нет. Хотя, наверное, все дело в Гале. Она у меня – класс! Супержена! Не каждая может так понимать своего друга по

жизни, как моя Галина. Я за ней – как за каменной стеной. Любовь-то у нас – настоящая, большая. И слезы были, и серенады под окнами… Пять лет роман крутили. Потом поженились. Трагично все вышло-то… Отец Гали долго болел и умер от рака крови. Всем нам тяжело было. На следующий день после похорон мы и подали заявление в загс. Живем душа в душу, даже ссоры ни одной не помню.

– Чем занимается ваша дочь Анна?

– Ей 18 лет. Учится в Социально-гуманитарной академии на факультете регионоведения. Хотя я спрашивал, не хочет ли она в актрисы пойти. Небольшой опыт у Ани уже есть. Снималась вместе со мной в фильме «Не послать ли нам гонца?». Роль эпизодическая была, но это могло послужить началом…

– Михаил, вы смешите миллионы людей. А сами когда-нибудь попадали в комичные ситуации?

– Друзья часто разыгрывают. Как-то на 1 апреля мой директор решил пошутить. Позвонил: «Скоро буду у тебя. Вместе и поедем. Собирайся». Я оторопел. Интересуюсь, куда, мол, едем и зачем? А он мне: «Ты что, забыл про концерт в Ижевске? Поезд через два часа!» Надо было видеть мою физиономию. Я же все за чистую монету принял. Ругаясь, чуть ли не матерясь, стал чемоданы упаковывать. И не догадался бы, если бы шутник не перезвонил и не сознался. Раньше еще с «аншлаговцами» во время гастролей любили, что называется, «приколоться». После концерта в карты играли. Кто проигрывал, тот набирал любой телефонный номер и спрашивал: «Мишу можно?» И так несколько раз. А потом я звонил и говорил: «Здравствуйте, это Миша. Меня никто не спрашивал?» Шутка старая, но очень веселая.

– Михаил, спасибо за интервью. На посошок – любимый анекдот.

– Даже два. В Америке в автобусе случилась драка между неграми и белыми. Негры возмутились, что они все время едут в задней части салона. Водитель остановил автобус, высадил всех и давай кричать: «Совсем с ума сошли! Какая разница – белые, черные? Нет больше ни тех, ни других. Все равны. Все – зеленые! А теперь дружно взялись за руки и спокойно пошли в автобус. Светло-зеленые – вперед, темно-зеленые – назад».

Или вот еще: ковбой в степи встретил корову. Та спрашивает: «Как дела? Куда скачешь?» У того глаза на лоб вылезли. «Ты что, говорить умеешь?» – спрашивает. «Конечно, я же университет окончила!» – ответила корова. Ковбой, себя не помня, мчится в кабак, выпивает три рюмки виски, но успокоиться не может. Бармен спрашивает: «Что случилось? Корову встретил? Да врет нагло. Ничего она не заканчивала…»

2001 г.

Честно говоря, я немножко лодырь!

Среди коллег по цеху ходят легенды о его непредсказуемости и прямоте: если ему что-то не понравится – запросто развернется и уйдет, например, со съемок. Причем виноватым себя будут чувствовать окружающие. Ибо обидеться на него невозможно. Любимое место отдыха – отнюдь не Канары, а родная алтайская деревушка. Наиболее используемое в непринужденном разговоре слово – «ребята».

При ближайшем рассмотрении на эстрадную звезду похож мало, на кинозвезду – тоже, несмотря на то, что фильмы «Не валяй дурака» и «Не послать ли нам гонца», в которых Михаил Евдокимов сыграл главные роли, стойко занимают в различных рейтингах первые места. Дорогим пиджакам предпочитает спортивный костюм, лягушачьим лапкам – пельмени. Искренне считает, что жизнь прекрасна, хотя большей частью – удивительна. Коротко характеризует себя так: «Деревенщина до глубины души».

– Чем бы вы занимались, если бы у вас выдалась свободная неделя?

– О чем вы говорите, какая неделя! Только мечтать можно… В лес бы, в маленькую избенку спрятаться. Нашел бы свои ранние рассказики и сделал бы из них цельное произведение, потому что уже несколько издательств мне предлагают выпустить книгу.

– Говорят, в юности вы даже сатирические поэмы писали?

– Писал. И хулиганские, с использованием местного наречия. У мамы до сих пор где-то черновики валяются. А у многих друзей даже хранятся работы художника Евдокимова. Недавно приезжала одноклассница, привезла рисунок, который я подарил ей на уроке физики в 6-м классе. Картина выполнена ручкой. По памяти нарисовал портрет Лермонтова.

– Любимый писатель?

– Да. Уникальный талант. В таком возрасте столько сделать! Я его творчеством очень увлекался, благо возможность была – квартиру снимал у хозяйки-литературоведа, покоя ей не давал, выспрашивал.

– А как сложилась судьба художника Евдокимова?

– После армии окончил торговый институт, приехал в Москву. Меня приютили в своей мастерской на чердаке двое ребят-художников. Я вместе с ними лепил что-то из глины, портреты писал. Кстати, говорят, неплохо получалось. Потом мастерскую разогнали, и я не нашел ни одной своей работы.

Сейчас вот хочу под руководством художника Скребкова, моего земляка, возобновить и развить это дело, поработать маслом. Очень надеюсь, что будет время, если кино все силы не отнимет.

– Ваши холсты кто-нибудь увидит?

– Кому интересно, тот увидит. Друзья, например. Но в Москве у меня друзей всего человека три – зато верных и преданных.

– Что вам нужно, чтобы почувствовать себя комфортно?

– Ничего. Чтобы друзья были рядом. Это и есть счастье. Самое страшное, когда я вынужден общаться с человеком, которому не доверяю. Мне физически плохо становится. Я стараюсь сразу избавиться от таких людей. И сам спокойно отношусь к тому, что мне кто-то не уделяет внимания. Просто тихо, по-английски ухожу. А когда человек не понимает, что мне с ним скучно, долдонит, рассказывает о чем-то… В поезде, например, когда едет компания актеров, обязательно кто-нибудь подсядет. Я, конечно, не в грубой форме, но прямо все объясняю. А вежливо кивать, как это принято, по-моему, глупо.

– Во что вы верите вопреки всему?

– Верю в то, что и на нашей улице – в России – будет большой праздник. Хотя особых оснований для такой веры нет.

– Вы помните момент, когда у вас закончились глобальные материальные проблемы?

– Да, с началом перестройки, уйдя из Москонцерта, я почувствовал себя человеком. И сразу выросли крылья. Появилась возможность продавать то, что я создал. На конкретных людей не надо обижаться. Была система, необходимость, но я-то, извините за громкое слово, художник, мне какое дело. Сейчас многие мечтают вернуть то время. Особенно пожилые люди, надеются увидеть свет. Но если произойдет то, чего они хотят, они вообще ничего не увидят, эти бедные ветераны. На них тоже обижаться не надо, им тяжело. В деревне жить почти невозможно. У моей мамы есть хотя бы я, она не зависит от сложившихся экономических обстоятельств.

– На что вам в жизни не хватает времени?

– На семью. Некогда погулять с дочерью, только с собакой, в лучшем случае. Выйдем втроем, пообщаемся. Честно говоря, я немножко лодырь. Наверное, стоило бы попробовать свои силы в театре. Но друзья, драматические актеры, пока мне это категорически запрещают. Наши артисты, которых знает весь мир, – НИЩИЕ. Я недавно пристроил одного парня-актера, он, как и я, с Алтая, в съемочную группу, подработать. Он так благодарил! Потому что все взаимосвязано: работы нет, денег нет – в семье неурядицы…

– Ради чего вы могли бы пожертвовать сценой?

– Ради здоровья матери, дочери, жены, друзей. Только с гарантией, что тогда у них все будет в порядке, – пожалуйста, уйду со сцены. И не потому, что еще многое могу делать в этой жизни – у меня нормальные руки, голова. А просто такой я человек.

2001 г.

Когда я начинаю тусоваться, всем тошно становится…

– Вы помните первый печатный отклик на ваше творчество?

– Самый первый? Это было очень давно, я был маленьким, учился в первом классе и на конкурсе пел «Враги сожгли родную хату». В районной газете меня хвалили.

– То есть вы с детства мечтали стать артистом?

– Никогда! Мечтал быть зубным врачом и лечить старикам зубы… Но в школе меня иначе как артистом не звали. Таков уж я был острослов-балагур. Это, видимо, от отца, он жутко был смешливый, известный на всю округу шутник.

– Кстати, ваши герои похожи на чудиков из рассказов Василия Шукшина.

– С Василием Макаровичем мы земляки: от его родной деревни до моего села сорок километров. Но нас сближают не только география, но и родство душ. Я с детства очарован творчеством Шукшина, просто боготворю его.

– Как столица приняла вас?

– Москва ничего про меня не поняла сначала, вроде бы не заметила – прошляпила, в общем. А потом поздно было: никуда от меня уже не денешься!

– Сегодня на концерте вы много пели. Это что – отдых между номерами или вы действительно считаете себя певцом?

– Так я на самом деле музыкант! А в артисты разговорного жанра попал случайно. С молодости играл с группой на танцплощадках, пел в ВИА… Я был поющим барабанщиком! Инструменты сам делал – обтягивал каркасы барабанов пластиком. Я тогда играл рок и до сих пор его люблю, особенно английский хард-рок. У меня в машине всегда с собой диски Блэкмора, Тома Джонса, Тины Тернер, подборка джаз-рока.

– Кто вам пишет тексты?

– Сначала писал сам. Знаменитую «Баню», например, а потом мне стало некогда, появились авторы. Большинство миниатюр сейчас пишет мой лучший друг Евгений Шестаков. Он сам из Томска, поэтому мы хорошо чувствуем друг друга. Еще Леонид Трушкин. Но я все тексты переделываю, добавляю свое. Иногда так перелопачиваю, что авторы их не узнают.

– У вас сложился такой имидж, словно вы живете у себя на Алтае, а в Москву ездите выступать. Вы действительно сельскую жизнь предпочитаете городской?

– Однозначно! Живу я, конечно, в Москве, но постоянно езжу

к себе в село. У меня там есть родственники, которым я помогаю материально. Хотелось бы мне жить в деревне, но приходится зарабатывать деньги для семьи. Можно считать, что я сельский житель в городе на заработках.

– *Среди артистов вашего цеха у вас есть близкие друзья?*

– (Серьезно подумав.) Ну, так, чтобы закадычных, по большому счету, нет.

– *Путешествия по Волге с «Аншлагом» для вас приятный отдых с коллегами-приятелями или обычные гастроли, работа?*

– Да баловство одно! Я бы лучше в это время у себя в деревне грядки полол! Я не тусовочный человек, и мне в толпе тяжело. Но уж если я начну тусоваться, всем тошно становится, потому что если я заведусь, никого другого видно не будет! Правда, я уже устал от этих массовых поездок. Ребята-«аншлаговцы» стараются там вовсю, кривляются в хорошем смысле слова, а я пытаюсь спрятаться. Мне хочется сделать что-то полезное, а потом пойти на рыбалку.

2003 г.

Мои концерты – разговор о жизни

– Михаил Сергеевич, когда вы почувствовали себя актером?

– Когда стал исполнять рассказы со сцены… Начинал с пародий. Сейчас делаю их только для друзей, в компании. Следующий этап – устный рассказ. Не заученный наизусть, а рассказанный каждый раз по-новому. Я очень люблю импровизировать. Вспоминаю что-то из жизни и вставляю в номер прямо на сцене. Никто не знает, что я через минуту отмочу. Это меня и радует в профессии – естественность. Рассказывать одно и то же мне было бы неинтересно. Следующая ступень творчества – философские монологи. Все смешно, но в конце, как правило, подведение некоторого жизненного итога. Многие зрители даже плачут, а я, глядя на них, и сам завожусь, глубоко вхожу в роль, переживаю.

Лет пять назад считал себя юмористом, сейчас уже нет. Те вещи, которые я делаю, мне намного дороже, чем пустой базар про колбасу, глупые «ха-ха, хи-хи» – подобные монологи меня просто не интересуют. Мои концерты – это разговор о жизни.

– Что вы считаете своей самой большой жизненной удачей?

– То, что я все бросил и уехал в Москву. С девятью рублями в кармане и с гитарой. Представляете, рванул в столицу с Алтая. Ни одного человека в Москве не знал! Дочке был всего годик…

Я тогда учился в Новосибирском институте торговли, заочно. Был капитаном команды КВН. Проводил уже творческие встречи, все серьезно, по билетам, были аншлаги. Попробовал поступить на работу в местную филармонию. Как я теперь счастлив, что меня не взяли! А тогда ведь расстроился. И вдруг получил приглашение в Московскую областную филармонию. Я в то время работал замдиректора столовой. Пришли ко мне друзья и говорят: «Ерундой здесь занимаешься, уезжай!» А как ехать, к кому?! Но они меня уговорили. Обнялись мы, заплакали, и на следующий день я уже был в поезде…

– Вы и дальше в кино будете сниматься?

– Мне это интересно. Приглашений много, но снимают всякую ерунду про бандитов, киллеров, вообще непонятно что. И на это деньги есть… А на добрый, народный фильм – нет. Меня пригласили в одну картину, сценарий мне понравился, но финансирование ее остановлено. За картину «Не валяй дурака…» я получил приз «За талант, народный юмор и верность традициям отечественного кинематографа» на фестивале «Созвездие». Хорошо приняли фильм и за рубежом. Во Франции его отметили многие кинокритики. Он занимал первые места по продажам в

России. Я не понимаю, почему в нашей стране проблема снять хороший фильм о самой России…

– Вы давно запели?

– Я пел всегда, но для себя, для друзей. Теперь – две вещи расскажу, две песни спою. Зрители приходят и кричат: «Песни давай!» Ну я и пою с удовольствием. Сольники мои нигде не записывались. Но как-то вез меня шофер и включил кассету с записью моих песен. Значит, народу нравится.

– Трудно в наше время веселить зрителей?

– Люди на концерт приходят отдыхать, а не выслушивать мои жалобы. Время сейчас трудное для всех. Я своими выступлениями стараюсь поднять настроение, чтоб зрители хоть на время концерта забыли о своих проблемах.

– На пенсии чем будете заниматься?

– Рисовать. В юности очень хорошо рисовал. А еще писать о деревенских чудиках. Скоро выйдет книга моих рассказов (книга так и не вышла. – *Сост.*).

– Вы оптимист?

– Да. Есть такой анекдот. Пессимист говорит: «Знаешь, через неделю всему крах!» А оптимист в ответ: «Почему через неделю? Завтра!»

Рыцарь смеха

По фильмам и выступлениям у меня сложился определенный образ Евдокимова. Этакий лихой деревенский мужик. Рубаха-парень. Однако при встрече он оказался человеком спокойным, молчаливым, можно сказать, даже суровым. От растерянности я даже замолчала, убрав подольше свой диктофон.

Мы долго молчали вместе, и может быть, кто знает, именно с этого молчания начался наш долгий задушевный разговор.

– Михаил Сергеевич, так где вы все-таки живете?

– Везде понемногу, но в основном в Алтайском крае, в своей деревне Вверх-Обской. Вы, наверняка, ее видели по телевизору, когда «Аншлаг» летом приезжает, часто показывают.

– И много народу собирается? Где вы их там всех расселяете?

– Конечно, много – тысячи людей. Живут в палатках. Фестивали большие устраиваем, соревнования проходят, знаменитые ветераны-футболисты приезжают. Ребятни много, недавно вот детскую спортивную школу открыли, собираем талантливых ребят, чтобы не болтались без дела. И растим, так сказать, олимпийский резерв, площадки спортивные строим, часовню в деревне недавно построили, было бы больше денег, конечно, церковь бы возвели.

Я всех приглашаю, приезжайте. Мне приятно, что мои земляки могут пообщаться с известными артистами, я и сам часто выступаю. Иногда устаю от этой суеты, но ни о чем не жалею.

– В ваш край даже Владимир Владимирович Путин приезжал погостить, кстати, можно спросить, как у президента с чувством юмора?

– Отлично. Наш мужик.

– А как вы познакомились?

– Давно, когда я в Чечню ездил с концертами.

– А вы, Михаил Сергеевич, не видите ли себя в роли политика, у вас много друзей политиков, Аман Тулеев, например?

– Да, побольше бы таких губернаторов, как Аман Тулеев. Настоящий хозяин. Уважаю таких людей. Многим можно у него поучиться, как хозяйничать на земле русской.

Честно сказать, я никогда не думал о политике всерьез, хотя и дружу с политиками.

Наш разговор прервал телефонный звонок супруги Галины, и сразу же изменился и тон, и выражение лица Михаила Сергеевича. Так разговаривают влюбленные, по-доброму позавидовала я. Удивительно, как людям удается, пройдя через

многие трудности и невзгоды жить, как говорят, душа в душу, и как я поняла не расставаться надолго. У них растет красавица дочь – Аня, студентка Университета молодежи.

– Михаил Сергеевич, вы счастливы?

– Да, в моей жизни есть место для любимого человека, и я счастлив вдвойне.

– Счастье в личной жизни передалось вам по наследству от ваших родителей?

– У моей матери была нелегкая мужская профессия – шахтер, а у отца – сварщик, но, несмотря на трудности, жили они дружно и весело, я и своей дочери бы пожелал таких отношений.

– Часто ли теперь, занимаясь серьезным делом, удается выступать, а как вы совмещаете эти две противоположные, на мой взгляд, веща – творчество и бизнес?

– Так ведь наоборот, эти две вещи очень похожи, творчество и бизнес, и там и там нечего делать, если нет творческого дарования, я считаю, что все у людей получается, если есть сила духа и жажда жизни.

– И все же, Михаил Сергеевич, вы скромничаете, а я вот слышала, что хозяин вы хороший и уже несколько заводов выпускают русскую водку «Почтенная» по уникальному рецепту с вашим брендом и вашей торговой маркой «Почтенная». «Почтенная» в ваших краях пользуется огромной популярностью. В чем секрет успеха, поделитесь?

– Да, я сотрудничаю с спирто-водочными заводами, скоро планируется выпуск продукции другого нового бренда «Михайло». Работаем. Привлекаем инвесторов в свой край. Почему бы миллионеров в наш край не привлечь.

– Михаил Сергеевич, я слышала про вашу любимую марку машины «мерседес». Почему такие предпочтения?

– На мой взгляд, эта модель – королева всех автомобилей в этом классе. Вот вижу, у вас вертолеты в журнале рекламируются, может быть, вертолет куплю, буду по тайге летать. *(Смеется.)*

– А чем занимаетесь в свободное время, если оно у вас, конечно имеется?

– Люблю рисовать и дома строить, несколько уже построил по своим проектам. С детства занимаюсь боксом.

– Михаил, расскажите о своих учителях.

– К сожалению, многих моих уже с нами нет. Прежде всего это, конечно, Юрий Никулин. Вряд ли его кто превзойдет! По чувству юмора, по знанию характеров людей, их слабостей, по доброте и великодушию. Николай Николаевич Озеров, Лев Яшин, Василий Шукшин, Жора Бурков, думаю, что во многом я получил школу жизни от творчества и жизненной позиции Владимира

Высоцкого.

Вот совсем недавно был в гостях у Евгения Весника, считаю, что пару недель общения с этим человеком и есть академия мастерства актера и творения жизни человеческой. Преклоняюсь перед этим актером и удивительным человеком. В его возрасте сохранить такой интерес к жизни!

Уже прощаясь со мной, Михаил как-то нежно развернул передо мной листок бумаги, и я увидела проект его нового дома из отшлифованных бревен. «Нравится?» – спросил. «Конечно», – ответила я, увидев такую красоту. И поняла, как важно для него сделать свои постройки удобными и красивыми не только для себя, но и, прежде всего, для других.

Я подумала, что Никулин неслучайно почитаем у Михаила. Ирония, благородство и рыцарство, которые были присущи этому человеку, очень понятны и близки моему герою. Ему тоже удается создать вокруг себя микроклимат добра, теплоты и надежности. На его лице всегда улыбка, та искренняя улыбка, которая заставляет улыбаться в ответ и почувствовать себя в этой жизни чуточку счастливее и увереннее. Согласитесь, это немало.

2003 г.

Эх, Россия, окажись на мечту похожая

С Михаилом Евдокимовым мы договорились встретиться у него на даче. Буквально на днях в отеле «Golden Palace» состоялась презентация двух дисков, где известный юморист выступает как певец. Сам исполнитель так выразился по телефону: «После напряженнейших месяцев работы наконец-то выкрою себе выходной». Берусь утверждать: «Нет такого человека в нашей стране, который бы не слышал монолога мужика «с мордой красной такой» после бани. Теперь каждые выходные в телепередаче «С легким паром» мы наблюдаем за шутками ведущего – Михаила Евдокимова – в компании именитых людей. Сегодня мы знаем Михаила как артиста, актера, исполнителя песен. Первый вопрос, который я задал популярному артисту, касался счастья.

– Счастлив ли я? Да! Конечно, далеко все не так гладко, и душа за народ болит, но я счастливый человек.

– *Что необходимо, чтобы ваш талант был востребован временем и обществом?*

– Не обязательно быть востребованным. Это придет само собой, если к своему делу ты будешь относиться как, допустим, к Родине. То есть этим нужно болеть, это нужно любить, к этому нужно стремиться. Я считаю, что здоровое отношение – без боли – к этим вещам не помогает.

– *Вы очень дорожите своей малой Родиной?*

– Не то слово. Люблю свою деревню, как дурак какой-то. Нормальный человек так любить не сможет.

– *Михаилу даже то, как вы рассказываете, вызывает смех. Получается, что на ходу придумываете, репетируете и проверяете свои будущие репризы?*

– А как же, это с детства. Иногда как бывало? Нужно было видеть. Фантазия настолько фонтанировала, что умудрялся целую деревню убедить в том, чего на самом деле не было, грубо говоря, поезда перестали ходить. Или припоминаю случай: Любка утонула. Стою, рассказываю своим, мол, смотрю, Любка под воду ушла, а я загляделся на волосы, а они, так красиво по реке развеваются, смотрю, любуюсь и тут думаю, елки-палки, ее же нужно вытаскивать! Взял за волосы, схватил и вытащил. И она до сих пор мне благодарна. Все скажут: конечно, да, так и было. А на самом-то деле? Вода в Катуни какая? Река горная – в этой воде сантиметра не видно, до того мутно.

– *Каким вы себя запомнили в юности?*

– Одержимый был просто человек, и пусть каждый как хочет

понимает.

– Дрались?

– Дрался. Все бывало.

– Насколько я знаю, вы занимались долгое время боксом. Бывало, что и вас били?

– Не без этого. Я думаю, что так в жизни у каждого деревенского мальчишки.

– Расскажите хоть один случай.

– Подростком я был худенький и однажды парень, сильнее раза в четыре меня, поймал за куртку и таскает. Тогда только первые болоньевые куртки вышли, супершик! дорогие были. Что делаю? Выскакиваю из куртки и точно – в челюсть. Он и падает вперед. Но я тогда прав был. В Бийск ездил – характер проверять. Мое любимое место было: площадь около ДК «Химиков». Там ресторан, «Детский мир» – место людное. Специально ждал, когда кто-нибудь кого-нибудь начинал обижать. Вступался. Приходилось и убегать…

– Вы учились в Новосибирском торговом институте и, проучившись три курса, бросили. Эта профессия была одной из самых престижных. Как вы решились на такой шаг?

– Каждый должен заниматься своим делом. Мне оставалось сдать две сессии. И когда я бросил, многие тогда называли и ненормальным, и говорили, что умный не бросит институт. Но ведь помимо учебы много было времени посвящено и другим жизненным интересам. И в КВН играл, и даже капитанил. Был спорт и многое другое.

– А кем вам приходилось работать до того, как стать артистом?

– До того, как все бросить и уехать в Москву, я работал в столовой заместителем директора. Был администратором кафе «Спутник», оно в Новосибирске являлось по тем временам самым центральным, знаменитое кафе. Там есть оперный театр, поворачиваешь голову направо, и вот тебе «Спутник». Туда приходили все: судьи, адвокаты, артисты… Кто перекусить, кто просто выпить. По тем временам было очень сложно где-то зайти и выпить, а у нас можно было. Серьезные персоны заходили и выпивали. Я со всеми был лично знаком.

– А как вы относитесь к вредным привычкам?

– Не курю. Но есть нормальное желание здорового человека выпить. Не напиваться, а выпить.

– Все знают, что значит быть администратором подобного кафе или ресторана. Финансовых проблем нет. И как получилось, что вы все бросили и оказались в Москве?

– Я всегда был тем, кем был, и таким остался. А главным

двигателем моего приезда – и я благодарен этому человеку – являлся Николай Шипилов. Тогда это был популярный писатель, в журнале «Юность» печатался, где-то еще. Популярный для тех, кто разбирается в этом. Это он меня раскочегарил и заставил выехать.

– Последние несколько лет в Вверх-Обском Михаил Евдокимов устраивает праздник деревни?

– Где-то в начале августа, через неделю после Шукшинских чтений, туристы и жители Алтая, действительно, приходят на праздник моей деревни. Моими гостями являются и выступают известные артисты, а также знаменитые ветераны-футболисты.

– Михаил, вы родились в Новокузнецке, а душа принадлежит все-таки Алтаю?

– За последние два года я ездил в Новокузнецк несколько раз, инкогнито, на машине. Зачем? Посмотреть, как люди живут, ведь я там родился, хотя Родина моя – это Алтай. А Новокузнецк – место рождения. Повторяю, я люблю свою деревню.

– Трудно каждый год держать марку и устраивать для сельчан такой дорогой праздник. Кто вам помогает?

– Да почти никто. Одно время надоело все, возникало такое ощущение, что только мне это одному нужно. Что заработаю весной, все туда везу. А люди ходят по стадиону, отдыхают и думают, что все это так просто. На самом деле нет. Все гораздо прозаичней, чем кажется. Но я ни о чем не жалею.

– Почему вы устраиваете турнир на празднике между сборной села и ветеранами футбола? Вы ведь занимались в юношестве боксом, почему футбол?

– И футболом тоже занимался, даже больше, чем боксом. Но вы верно подметили, что есть в Бийске боксеры, которые тоже интересуются. И, наверное, с их помощью организуем какой-нибудь и боксерский турнир. Пусть мальчики посоревнуются. Школа у нас хорошая. Еще бы юношам их тренера разъясняли различные здоровые жизненные позиции. А то позанимаются, научатся чему-то и уходят на улицу…

– Вы постоянный гость и Шукшинских чтений, писателя, актера, режиссера. Родина Василия Шукшина в нескольких километрах от вашей. И к нему на гору Пикет ежегодно приезжают тысячи почитателей. Как творчество земляка повлияло на ваш жизненный путь?

– Шукшин, я недавно с удивлением узнал, тоже любил бокс. Мне кажется, что все равно я стал бы, кем стал, независимо ни от кого. Потому что судьба. Она у всех одна. По-моему, ее не в силах никто ни переделать, ни тем более уж задним числом что-то изменить. А если бы не было Шукшина и Высоцкого, я вообще не

знаю, кем бы был. Сколько себя помню, столько пою песни Высоцкого. Сколько себя помню, столько знаю наизусть практически все рассказы Шукшина. Если честно, они давали энергетику и ориентир, что надо куда-то идти, куда-то двигаться.

– Одноклассники. Какие с ними сложились отношения и как они относятся к вашей популярности?

– Вот об этом можно смело написать. Для хороших умных одноклассников. Даже можно сказать, что гордятся. А для многих остальных… Есть большое непонимание. Сколько лет прошло, ведь я и собирал их, говорил и намеками и уже в открытую: ребята, что вы делаете, жизнь-то одна? Нам осталось всего ничего, а вы все какими-то розовыми оттенками живете, лазоревыми цветами, что ли? Мы должны многое успеть, что-то сделать вместе. Нет, все равно все то же самое. Из всех одноклассников один самый, который мне всех ближе, это Моховиков Женька. Хороший немногословный человек. Он прекрасно все понимает.

– Буквально на днях прошла презентация ваших музыкальных альбомов…

– Да, вышли два диска. Один из них называется «Земляки», а другой – «Отвяжись, худая жизнь». Я там пою песни, а к одной из них – музыку сочинил. Музыку – это слишком громко сказано, вернее будет, мелодию.

– О чем и на какую аудиторию рассчитаны альбомы?

– «Отвяжись, худая жизнь» считаю песней нашего президента. «Эх, Россия, окажись, на мечту похожая. Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая». Эти два альбома, думаю, очень нужны прежде всего народу. Невозможно всем материально помочь, хотя бы поддержать песнями.

– Кинозрители и почитатели вашего таланта с нетерпением ждут и выхода в свет новых актерских работ?

– К сожалению, ничем обрадовать не могу. Есть сценарий и не один, а денег нет.

– Что для вас самое главное в кино – юмор?

– Боль – самое главное в фильмах. Юмор хорош, когда есть добрая трагедия, когда человек хочет плакать, вот просто заплакать и все. Недавно удалось посмотреть фильм, где Збруев играет. Эта девочка, которая по сюжету, из Питера уехала, а через 20 лет вернулась. Вернулась деловая. И она его любила все эти 20 лет, мечтала о встрече с ним и так далее… Казалось бы, кино не о крестьянстве, не о борьбе за землю и не за национальные, тем более, не дай бог, вопросы, нет. А все равно, через эту призму видно душу, такую светлую, красивую душу. Потому, что героиня, такая, какая она была показана, способна на многое, то есть она в

этой жизни и творец и хранитель, она праздник, в конце концов, для любого, кому это не безразлично. (Фильм называется «Ты у меня одна»).

– *Какие творческие планы?*

– Здесь все очень просто. Работать. Искать деньги, чтобы эти творческие планы реализовать. Хочу сделать такой фильм, чтобы один русский человек, увидев другого, бросался его обнимать, будто брата увидел. Это как боль. Это как мечта. Для России…

Опубликовано в 2006 г.

Я всю жизнь был независимым

Это интервью Михаил Евдокимов дал вскоре после того, как он впервые заявил НТВ о своем желании баллотироваться в губернаторы края.

– Чем вы руководствовались, когда принимали решение об участии в губернаторских выборах?

– Решение еще не принято. Был просто разговор в определенных кругах, вот и все.

– В кругах наших, алтайских?

– Нет.

– А у нас в крае шли какие-то переговоры на эту тему?

– Пока нет. Я же всю жизнь был независимым. И тут особо никого не беспокоит, хотя в принципе-то здесь получается самопожертвование.

– Почему самопожертвование?

– Какая великая радость в том, что плохо относятся? Просто есть люди, которые плохо к этому относятся, потому что им судьба края до фонаря. А мне – нет. Там такие умные, что вы! Мудрецы такого ранга! Слушаешь их, уши вянут.

– Но ваши личные намерения достаточно серьезны?

– Достаточно серьезны. Если народ сам хочет что-то изменить. Но если народ сам не хочет, то как я могу идти и говорить, что я хороший? Сколько можно убеждать в том, что я не предатель? Это же смешно.

– У вас будет сильный конкурент – действующий губернатор.

– Все будет зависеть от народа.

– Но народ, наверно, нужно в чем-то убедить.

– Никого ни в чем я не собираюсь больше убеждать в этой жизни. Поеду в тайгу жить.

2004 г.

Вот такие они, алтайские…

Свое первое интервью губернатор Михаил Евдокимов дал «Алтайской правде» в родном селе.

– Во втором туре против вас был сильный прессинг?

– Жуткий. Я хочу поблагодарить всех, кто выстоял, кто не струсил. Всех, кто принимал участие в борьбе, и тех, кто просто принял нашу сторону. Людям приходилось очень нелегко. Всем рассказали, кого что ждет в случае нашего поражения. Хотя были моменты, когда и предавали нас. Сейчас эти люди звонят, а у меня никакого желания с ними говорить нету. Перегорело все.

– Команда Сурикова пригласила на второй тур известную московскую PR-группу «Николло М». Вы делали какие-то особые усилия?

– Нет. Только приехал Саша Панкратов-Черный, Саша Михайлов. Вот и все мое «Миколо Мэ». Зато ребята-то чистые, настоящие… Приехал Николай Харитонов – дай Бог ему здоровья, вообще молодец!

– Когда летом катались с президентом Путиным вот как раз здесь, по Оби, вы обсуждали возможность вашего выдвижения на пост алтайского губернатора?

– Нет. Об этом не было никакой речи. Он просто спросил, собираюсь ли я куда-либо баллотироваться. Я ответил, что никто меня никуда не зовет, не приглашает. А я с детства не привык ходить туда, куда меня не зовут. А потом меня все же позвали, и я пошел. Вот и все…

Я три месяца думал. Перед тем как написать заявление о намерении баллотироваться, передумано было все и обо всем. Я это заявление написал в самый последний день.

– Скажите честно, вы ведь ожидали фальсификации при подсчете голосов?

– Надежда на то, что посчитают нормально, была. Люди во втором туре взялись за это серьезно – за подсчет, за контроль. Но за Сурикова все равно очень много было голосов. Я думаю, что это инерция человеческого мышления.

– Во сколько вы спать легли в день голосования?

– Около четырех утра. Я уже твердо знал, что победил – с начала двенадцатого ночи. Играл на бильярде, мне сказали, что я победил. И я просто забил следующий шар. Какого-то особого ликования не было.

– От кого получили первые поздравления?

– От моего друга, который находится сейчас в Барнауле.

– А товарищи по сцене?

– Все звонили – и Регина, и Клара, и Володя Винокур…

– Как теперь вы будете строить отношения с людьми, которые были вашими знакомыми – с той же Бабкиной, агитировавшей против вас?

– Я ее совершенно не понимаю. Человек двумя неделями раньше сказал: «Если Миша возьмется, он горы свернет!» – а потом со сцены говорит людям, что голосовать на самом деле надо за Сурикова… Ну что – Бабкина за «бабки»! Какая-то не казацкая сметка.

– Во время предвыборной кампании вам пришлось общаться с Суриковым?

– Нет. Один только раз на радио мы посмотрели друг на друга.

– А после голосования, когда стало ясно, что вы победили, он вас поздравил?

– Нет. Это исключено. Все, кто его знает, говорили мне, что это нереально.

– Вы теперь губернатор – какие ощущения?

– Приболел я – вот это плохо. А так – нормально. Все будет нормально! Хуже не будет, не переживайте.

– Многие чиновники сейчас со страхом ожидают будущего. Чего им ждать от вас – будут большие перестановки?

– Будет лучше – это точно. Даже по той причине, что хуже уже некуда. А относительно кадровых перестановок – никому ничего не нужно бояться. Те, кто умеет работать, будут работать на своих местах. Остальные могут идти домой.

– Вы будете еще выступать на сцене в своем сценическом образе?

– Сейчас не до того. Посевная…

Я дурак, потому что не ворую

– Михаил Сергеевич, когда вас выбрали в губернаторы, поднялся такой шум! Артист, юморист, телеведущий в губернаторах – невиданное событие…

– Да, как будто человек другой профессии нормальный, а если человек актер – значит, недоделанный какой-то. Я считаю, что у художника, актера, режиссера, спортсмена – как раз самая человеческая позиция…

– Людям непривычно: узнаваемое лицо – большая редкость среди чиновников.

– Чем больше времени проходит со дня выборов, тем плотнее и плотнее график встреч с хорошими людьми, настоящими патриотами, которые устали делать все не так, как им хотелось бы. И они идут ко мне, консолидируются вокруг меня. Я их брат, и теперь нам будет веселей и легче.

– Вам, привыкшему к столичной жизни, не тоскливо ли там, в провинции?

– Я там как раз и живу только. Дом построил. Его постоянно с разных ракурсов рассматривают, обсуждают, придумывают чего-то, фотографируют…

– Кто придумывает-то?

– Да недоросли какие-то. Нельзя им, будучи журналистами, быть такими людьми! Нельзя! Даже если бы я подыхал с голоду, то никогда бы на Евдокимова гадость не написал, потому что я знаю: он нормальный парень, он не делал никому плохого в этой жизни.

– А что, дом какой-то великий?..

– Ну, дом как дом, обычный кирпичный, двухэтажный, каких, наверное, за миллион в стране. Ворам, значит, можно, а нормальным людям – нельзя. Вообще я устал от этого бреда! Я спиртного ни грамма не выпивал. Уже не помню, когда я последний раз в рот брал, – а пишут про меня, что гонял на «Мерседесе» по Барнаулу и кошек давил…

– Лето. Вот ваши бывшие коллеги нынче все гастролируют. На пароходах ездят, пиво с раками, толпы поклонников… А вы тут, простуженный, под кондиционером… Нет у вас ностальгии по актерской жизни?

– Да, ребята звонят. Мы дружим, ребята меня очень уважают, все нормально, по-человечески… Я скучаю, хочется пообщаться, но сейчас голова забита другим. То, чем я занимаюсь сейчас, для меня намного важнее, и это не пустые слова. Я очень хочу, чтобы в Алтайском крае было хорошо. Я хочу, чтобы 78-е место, которое

занимает край в рейтинге регионов по стране, осталось как в кошмарном сне – далеко-далеко. Моя команда привлекает инвестиции в развитие и сельского хозяйства, и промышленности, среднего и малого бизнеса и так далее. Фермеров поддерживаем и будем поддерживать – и, естественно, простого человека в обиду тоже не дадим.

– Значит, совмещать никак невозможно?

– Во всяком случае, пока – никак. Но, может быть, потом. Вообще можно все. Талант – его не пропьешь. Я думаю, большинство ребят сами приедут в гости. Вот заезжали Олейников со Стояновым ко мне в деревню на Алтае. Сейчас Олег Митяев прилетел, а мне срочно в Москву понадобилось…

– По телевизору вы жадно ловите новости из Москвы, когда там находитесь?

– Ну, в общем, надо сказать, что ловлю, да, – но это редко получается. Мы заканчиваем работу очень поздно, а потом уже не до телевизора. И вообще недавно я поймал себя на мысли, что уже давно не смотрел кино!

– Значит, культурная жизнь пошла под откос?

– Почему же: сейчас у нас были Шукшинские чтения – одно из главных событий на территории Алтайского края. Собиралось много добрых людей – поклонников таланта, гения Василия Шукшина. Я был на кладбище, там с Иваном Бортником встретился…

– Чтобы не потерять форму, вы регулярно репетируете?

– Что вы! Что я могу репетировать?! А вообще много хороших материалов осталось, душевных, но ничего: всему свое время. Я хотел книгу выпустить со своими рассказами, но чувствую, что до конца года, конечно, ничего не успею. Дай Бог, хорошо пройдет уборочная – и, думаю, зимой будет полегче.

– Зимой основная задача губернатора – выбить побольше денег в Москве…

– Ну, одна из основных, конечно.

– В России уважают тех, кого боятся, – а вас народ боится?

– Не думаю. Не для того меня выбирали, чтобы бояться. Может, мелкие воришки и боятся, потому что знают мои жизненные принципы: что я сам не воровал и другим не позволю.

– А крупные воришки – боятся?

– А у нас такая бедность, что крупных быть не может. Ни нефти, ни газа нет. У нас основное добро дефицитное – это пшеница твердых сортов. Это достояние края.

– В вашем возрасте, Михаил Сергеевич, многие мужчины ударяют по бабам, другие куда-то уезжают. Третьи деньги копят. А вот вы решили, что всю жизнь занимались ерундой, а теперь

надо оставить след на этой земле?..

– Никогда бы не сказал такого, что я всю жизнь занимался ерундой. Я занимался очень хорошим и благородным, честным делом. Тем, что я делал в кино и на сцене, я заработал себе уважение. И сейчас хочу сделать людям добро, чтобы никто не пришел на мою могилу и не плюнул. Я ведь останусь там, на Алтае…

– Вот вы уже сказали, что, кроме земли, на Алтае почти ничего нет. Трудно в таких условиях заявить о себе? Не боитесь провала? А то получится, как у артистов говорится: «Ушел со сцены под стук собственных копыт».

– Думаю, что этого не произойдет. Вокруг меня собирается здоровая компания светлых личностей, и в правительстве понимают, что мне тяжело. Зерно – это не то, что в первую очередь привлекает инвесторов.

– Вы приезжаете в Москву в коридоры власти, и тут уж надо прогнуться: они же гордых и независимых не любят.

– А я как бы не гордый. Ради народа я не гордый. Конечно, потом буду переживать про себя…

– Нельзя быть при власти и не нажить себе врагов – они уже есть?

– Враги уже есть. Это несознательные люди, которые не знают, что на земле существует добро. Их убеждения резко расходятся с моими. Деньги их губят – эта людская алчность просто поражает.

– Вам взятки предлагали? В России при власти не берут только дураки?

– Значит, я дурак. Так и оставьте в тексте. Были случаи, когда предлагали всякие сделки дешевые. Столько лет живут, а еще не поняли, кто я. Думают, что я всю жизнь кривлялся, чтобы потом сесть и пилить какие-то грязные деньги. А я не шутил всю жизнь.

– Кстати, о шутках. Вот вы прошли такую школу телеюмористов – скажите, почему многим людям не смешны все эти шуточки? Кто-то и вовсе плюется…

– Ну а что тут такого? Многие не воспринимают Пушкина, Высоцкого… Да и мне многие юмористы не очень нравятся. Не люблю искусственных шуток, когда талант не от Бога. Мне тяжело на это смотреть. Чтобы научить человека быть профессиональным актером, нужно максимум три недели. За три недели, если у человека есть от рождения дар, я сам выучу его так, что он будет лучшим чтецом и работать на эстраде. Я вам с полной ответственностью это говорю. Я не знаю, зачем актеров учат по 5–6 лет?!

– А затеи типа «Фабрики звезд» тоже, по-вашему, обречены на

провал?

– Хорошие актеры в театре, кино и на эстраде большей частью у нас – из провинции. Провинция – главный поставщик талантов.

– Алтайское телевидение при вас как-то развивается? Вам же должно нравиться телевидение…

– Да, у меня были мысли, что, когда выиграю, начнем делать передачи, поднимать… А телевидение как кому-то принадлежало, так оно и живет своей жизнью, и им плевать и на администрацию, и на меня. Они отрабатывают то, что им положено. Раньше, когда я был актером, с телевидения ко мне даже в деревню приезжали брать интервью, а сейчас такое ощущение, будто я что-то украл. Полное равнодушие. Совершенно нелогичное поведение.

– Все губернаторы очень любят рассказывать про свои трудовые свершения, но их никто не слушает, а вас с вашими талантами будут слушать?

– Я с детства не люблю всякие ораторские выступления. Я лучше подойду к человеку и спрошу: «Ну как, стало лучше?» Душевный разговор для меня – важнее.

2004 г.

Верю в лучшее

Встреча в Кремле

– Михаил Сергеевич, недавно в Кремле состоялась ваша встреча с Президентом РФ Владимиром Путиным. Какие вопросы на ней обсуждались?

– Мы должны были встретиться 27 ноября. Но напряженный график работы Владимира Владимировича, связанный с его поездками за рубеж, отодвинул это мероприятие на 7 декабря…

– Говорят, что ваша встреча длилась два часа?

– Нет, мы говорили часа полтора. Вы знаете, что и до выборов мы были знакомы с Владимиром Владимировичем. Но после этого не встречались (не считая заседаний Госсовета и других официальных мероприятий). А в этот раз поговорили весьма тепло и дружелюбно. Я рассказал о положении дел в регионе. Но хочу отметить, что президент в курсе наших краевых дел.

Могу сказать, что все, о чем некоторые говорили, не соответствует действительности. То меня министром культуры оформляли, то еще выдумывая какие-то непонятные должности. Заявляю им, что у меня есть профессия. Но моя работа сегодня – здесь. Поначалу пришлось вникать во все вопросы жизнедеятельности края. Уже есть реальные успехи в работе администрации. Об этом говорит тот факт, что по показателям социально-экономического развития край поднялся с 78-го места по стране на 62-е. Ранее начатые губернаторские программы успешно завершены. Наладились добрые и доверительные отношения со всеми сибирскими регионами.

– В сообщениях информ-агентств говорилось о том, что вы говорили в Кремле и о необходимости развития туризма на Алтае?

– Да, это одно из глобальных направлений, которое будет развиваться в Алтайском крае. Вы знаете, что Владимир Владимирович весьма неравнодушно относится к вопросам туризма и спорта. Конечно, это очень дорогостоящие проекты, требующие серьезных инвестиций. Но, думаю, что президент поможет нам в этом вопросе. Не хочу опережать события, но не исключаю и того, что Владимир Владимирович в течение зимы посетит наш регион…

К сожалению, индустрия туризма в регионе пока не развита. Ведь целые страны живут от доходов этого сектора экономики. Причем во всех горных районах Алтая есть свои изюминки, свои

особенности, которые необходимо использовать. А в целом это должно создать целую систему для привлечения туристов. Это, естественно, улучшит благосостояние людей, проживающих там. Но местные жители должны быть не рабами, а достойными работниками мощной сферы обслуживания.

– Какие пожелания высказал вам президент?

– Главное пожелание – держаться. А в случае необходимости была обещана президентская поддержка. Владимир Путин сказал созвучные моему характеру слова о том, что необходимо заниматься делом, а не подковерными интригами. Знаете, я не привык ко всему такому интрижному, хотя определенную часть жизни довелось не то чтобы свыкаться – скорее, соприкасаться с этим. Не приемлю таких, как бы с вывертом, форм общения. Всю жизнь стараюсь прямо высказывать свою точку зрения и быть независимым. Ревность и зависть – то, что и человеческими качествами назвать-то по большому счету нельзя – очень сильно мешают нам в жизни. Вместе с тем поддержка президента очень много значит.

О своей команде

– Удалось ли вам создать в администрации края команду единомышленников?

– В принципе – да. Если бы этого не случилось, обязательно бы появился какой-нибудь большой прокол. Но работа, как и жизнь, вносит в планы свои коррективы. Наверное, для кого-то раньше было непонятным, когда работник администрации позволял себе на время исчезнуть, решая личные вопросы. Пришлось ужесточать дисциплину.

Итоги и перспективы

– Какие основные проблемы пришлось решать администрации края за прошедшие девять месяцев и над чем еще предстоит работать?

– Самое главное было быстро и квалифицированно вникнуть во все вопросы жизнедеятельности региона и принять правильные административные решения. Необходимо было остановить падение уровня жизни людей. Проведение посевной и уборочной кампаний, подготовка к зиме и другие наиважнейшие вопросы были призваны стабилизировать ситуацию. Скажу, что все это решалось весьма непросто. К примеру, весной буквально в один

день исчезла большая часть семенного фонда. Администрация была вынуждена оперативно исправлять ситуацию, и зерно в установленные агротехнические сроки появилось у селян.

Вместе с тем никак не могу понять и принять желание некоторых, чтобы у нас что-то сорвалось или не получилось. В тот день, когда в сентябре на Алтае выпал снег, мне один человек позвонил и с нескрываемым ехидством спросил: «Ну, как?»

Господь с нами, и он обязательно поможет, ответил я тогда. Непогода продлится дня два, не больше. А там будет так тепло, что мы не только уберем хлеб, но и позагорать успеем.

Так оно все и произошло. Конечно, в крае есть острая нехватка современной сельскохозяйственной техники. Это ведет к большим потерям урожая – до двадцати процентов. Я думаю, это был бы солидный довесок к доходам крестьянина.

Вместе с тем край закупил столько комбайнов, сколько было запланировано в 2003 году еще прежней администрацией. Но и здесь находятся критики. На одном из мероприятий бывший работник прежней команды выходит на трибуну и говорит: «триста комбайнов – что это, мол, за цифра для края?» Понятно, что нужно больше, но ведь ты же сам когда-то планировал эту цифру. Нынешняя администрация этих показателей достигла – что ж ты критикуешь? Власть должна работать совместно с обществом и творить правду, творить праздник на земле. Вот тогда будет большой реальный успех.

– Администрация края заявила о повышении заработной платы в бюджетной сфере до конца следующего года до шести тысяч рублей…

– Знаете, недавно я был свидетелем того, как один человек сомневался в том, что это благое начинание удастся воплотить в жизнь. «Не верю, – говорит, – я во все это». А что значит верю или не верю? Поймите, что перед тем как заявить во всеуслышание, мы тщательно просчитываем ситуацию. Причем всегда остается некий запас – возможность для маневра. Дай Бог, что нам удастся повысить зарплату еще больше. Но то, о чем было сказано, – выполним. Я никогда не обещаю – просто прихожу и делаю. Так всегда было.

– На ближайшей сессии крайсовета депутатам предстоит принять во втором чтении бюджет Алтайского края на будущий год. Как вы его оцениваете?

– С президентом России мы обсуждали и этот вопрос. Я нормально отношусь к тому бюджету, который мы запланировали. Мы с честью вышли из многих проблемных ситуаций. Думаю, справимся с трудностями и в дальнейшем. Ребятишек мы поддержали, стариков тоже. Ветераны войны и

труда видят, что мы их не забываем. Детские пособия будут выплачиваться из краевого бюджета без задержек. Пострадавшие от политических репрессий и труженики тыла ежемесячно будут получать по 100 рублей, ветераны труда – по 120. Конечно, деньги небольшие, но реальные. Кроме прочего, эти категории по-прежнему будут пользоваться льготами при оплате стоимости лекарств, жилой площади, коммунальных услуг. Считаю, что социальные обязательства бюджет выполнит.

Будет праздник для детей

– Михаил Сергеевич, в крае было много разговоров по поводу проведения новогодней елки для детей…

– Мое большое желание – раскрыть настежь двери краевого Дворца спорта, и праздную там, детвора, все эти десять – двенадцать дней. Тем более что есть многолетняя добрая традиция проведения такого праздника. Но есть реальная угроза террористических актов в России. И не учитывать эту ситуацию просто нельзя.

По моим наблюдениям, в других краях и областях России к обеспечению мер безопасности массовых мероприятий подходят гораздо жестче, чем у нас в крае. Эти места огорожены бетонными надолбами, вокруг много работников силовых структур со спецтехникой. А наш зал во Дворце спорта, к сожалению, не отвечает современным требованиям безопасности. Зачем создавать угрозу жизни и здоровья нашим детям? Поэтому мы решили проводить новогодние праздники в краевом театре драмы. Кроме этого будет и адресная доставка подарков малообеспеченным детишкам.

– То есть во Дворце спорта краевой елки уже не будет никогда?

– Все зависит от обстановки. Но я очень надеюсь, что в Барнауле появится новый большой ледовый дворец. Знаете, мне очень нравится заниматься строительством. Ведь стройка – это жизнь. Да и Россия, по большому счету, на этом держится. А тут такое большое и необходимое Алтаю сооружение!

Немного о личном

– Как вы относитесь к прежнему главе администрации края Александру Суликову?

– При выборах я нигде ни единого слова против него не

сказал. Он старше, меня, и я к нему всегда относился очень уважительно. Недавняя беда, что случилась у него в семье, меня очень сильно потрясла. И я пришел от чистого сердца выразить ему свои соболезнования. Что ж теперь поделаешь, если так все складывается – жить нужно дальше…

– Сегодня немало шуток, к примеру, на телевидении по поводу губернатора Алтайского края. Как вы к ним относитесь?

– Да, а я не слышал. Ну правда, не слышал. А какие?

– Например, «если не вернусь в «Аншлаг» – считайте меня губернатором»…

– Ха-ха! Ну это, наверное, было на первой стадии. Как я отношусь к шуткам? В своих произведениях я всегда старался никого не обидеть. Даже в пародиях. Знаете, все в жизни нужно делать с душой и по-доброму.

Без чувства юмора любой человек, наверное, неполноценен. Впрочем, как и без доброты, ума, чуткости и других, необходимых для нормальной жизни качеств. Хорошая, удачная шутка – это всегда приятно. А неудачная… ну не получилось, что ж теперь… А попытки удачно шутить делать нужно.

Знаете, в начале восьмидесятых годов я был капитаном вузовской команды КВН, поэтому могу оценивать эту игру как бы изнутри. Конечно, и здесь бывают переборы. Я, к примеру, не люблю эти приставания к личности ведущего. Каждый должен заниматься своим делом.

– Ваше любимое блюдо?

– Пельмени и драники. Не хвастаясь скажу, что лучше меня пельмени никто не делает. Это признают все мои гости, говоря: «Хороших много, а лучшие – одни».

– А секрет их приготовления не раскроете?

– Рано пока…

Губернаторский прогноз

– Понимаю, что прогнозы – дело крайне неблагодарное. Но все же, по вашим внутренним ощущениям, каким будет следующий, 2005 год?

– Мне кажется, и я очень на это надеюсь, что предстоящий год для края выдастся благодатным. Природа благоволит Алтаю. Единственное, наша страна такая, что ожидать можно всего. Здесь никто не застрахован, и на это мой прогноз не распространяется… Но все равно все будет хорошо – в этом даже и не сомневаюсь!

2004 г.

Буду работать до крови из носа
Беседа с академиком РАН Владимиром Накоряковым (Новосибирск)

– Михаил Сергеевич, я отношусь к вам с громадным уважением за ваши фильмы. Они достаточно глубоки, по-народному мудры, и во многом национальны, в них большое внутреннее содержание.

В прессе после ваших выборов и до сих пор нередки пренебрежительные отзывы, негативная реакция по отношению к тому, что во главе Алтайского края стал артист. А в Интернете есть и совсем хулиганские отзывы. Как вы реагируете на такую реакцию СМИ?

– Я думаю, что хорошо знаю свои возможности. И прежде всего, достаточно профессионально знаю сельское хозяйство – а это основная отрасль Алтайского края.

Я патриот Алтайского края. Очень люблю здешний народ. Я своему краю отдаю свое сердце. Ведь тем руководителям регионов, которые похихикивают надо мной, именно не хватает подлинной любви к родному краю. А любовь может сделать многое!

Тем, кто судит обо мне с позиции того, что я делал в «Аншлаге», нужно посмотреть мои фильмы, но и в «Аншлаге» я никогда не выхожу на сцену, не проведя до этого месяцы отработки того или иного материала. Я умею работать, работать до седьмого пота.

Можно дать и шуточный ответ. Отвечу словами артиста Н. П. Охлопкова, который одно время был министром культуры. Когда ему лично И. Сталин предложил стать главой культурного ведомства страны, он сказал: – «Я справлюсь, я королей играл».

Я присматривался к деятельности губернаторов, порой анализировал ее и отчетливо видел ошибки предыдущего губернатора Алтайского края.

Мне сейчас нужны лишь стабильность и время для того, чтобы показать себя как губернатора. Одного года недостаточно. Я считаю, что в прошедшем году мы провели посев, посадку и уборку зерновых, овощей достаточно энергично, несмотря на капризы погоды.

Буду работать до крови из носа, чтобы резко поднять уровень жизни своих земляков и выйти на достойное место в стране по уровню жизни.

Конечно, того времени, которое я проработал губернатором, абсолютно недостаточно, чтобы сделать выводы о моей работе.

– В вашем бюджетном послании правильно отмечено, что одним из основных рычагов развития региона может стать поддержка и реальное повышение заработной платы в производственных и непроизводственных сферах.

– Один из важнейших показателей здоровья национальной экономики – это доля зарплаты в валовом внутреннем продукте, в национальном продукте. Доля зарплаты в валовом продукте в России меньше 7-10 %, а в валовом продукте США она составляет 40–50 %. Этим объясняется стабильность экономики развитых стран.

Мне кажется, что доля зарплаты в продукции края должна быть основным показателем развития региона. Это обеспечивает спрос. Это реально обеспечивает объем качественной продукции.

Мне представляется правильным, чтобы часть золото-валютного фонда отдавать в регионы для реальной помощи местной промышленности.

Думаю, что стабилизационный фонд в стране нужен, без него просто не обойтись, но нужно поддерживать и регионы. Надо создать федеральный орган, который должен разумно и грамотно использовать деньги государства.

Отдавать просто так деньги стабилизационного фонда, полученные от продажи нефти и газа, в частные компании, по-моему, сложно и не нужно. Передача этих ресурсов новому «госпромплану» была бы разумной.

В стране подорван товарный спрос, и принимаемые сейчас меры по подъему зарплаты «бюджетникам», меры по повышению зарплаты во всех частных предприятиях – абсолютно правильные меры.

– А как вы относитесь к новой практике назначения губернаторов?

– Я отношусь к этому спокойно. Думаю, что фактически ничего не изменилось.

– Как вы считаете, что сейчас мешает России быстро двигаться вперед?

– Думаю, что в первую очередь, рыхлость и многоветвистость власти. Власть в Российской Федерации должна быть одна. Это должна быть власть президента. Когда президент дает распоряжения, указания, а они выполняются достаточно медленно и с противодействием – это неправильно.

Все мы имеем долг перед страной. Долг не только по закону, но и долг внутренний, долг по морали. Все новые русские капиталисты должны работать на Россию, так как капиталы сделали они в РФ, и, конечно, сделали их довольно случайным образом. Вывоз капитала за границу нужно прекратить самым

резким образом.

Я считаю, что большой бедой для России является «черный нал» – черные деньги. Борьба с «черным налом» ведется очень умеренно, очень робко. А ведь достаточно поднять планку для уставного капитала малых фирм в 10–20 раз и объем «черного нала» резко уменьшится. Нужно усилить требования к открытию таких малых фирм, требования к их местоположению, регистрации и численности. Не нужно регистрировать фирмы на одного человека. Необходимо усилить требования к банкам по прохождению счетов и выдачи наличных денег таким фирмам. Такими простыми мерами мы резко снизим «черный нал» и увеличим налоговые поступления. Уходя от «черных» денег, мы уменьшим объем криминала. Этим самим мы без особых специальных мероприятий сильнейшим образом оздоровим атмосферу в стране.

Я уже говорил, что необходимо создание некоторого планового органа, занимающегося реальной промышленной экономикой. Но не надо организовывать его в виде гигантского Госплана. Нужна структура по организации государственных компаний, которые реализовывали бы наиболее важные проекты: по строительству больших ГЭС, по проводке нефте– и газопроводов, созданию заводов по сжижению газа, помощи сельскому хозяйству. Нужны программы по развитию регионов.

В стране не хватает профессионалов-управленцев, я столкнулся с этим, подбирая себе кадры. Руководство страны должно привлекать в свой аппарат людей, проработавших в реальной промышленности, понюхавших жизнь, а не только макроэкономистов.

– Михаил Сергеевич, хочу спросить о беде, которая надвигается, со всех сторон на РФ – о наркотиках. Как с этой проблемой на Алтае?

– Думаю, состояние с наркотиками на Алтае такое же, как во всей стране. Недавно мы имели неприятную ситуацию в Рубцовске, где от передозировки погибла группа молодых людей. Вся беда в том, что мы имеем сейчас очень слабые границы. Укрепление границы Алтая с Казахстаном, Новосибирской области с Казахстаном, всей Западной Сибири с Казахстаном, мне кажется, это задача номер один.

Сейчас любой человек может пересечь границу и пронести с собой все, что угодно. Я бы выступил даже с инициативой создания казачьих станиц по границе, как это было в свое время. Не стыдно повторять опыт наших дедов и отцов.

– Что вы думаете о дальнейшей реструктуризации энергетики, предполагаемой и проводимой Чубайсом, насколько это разумно?

– Я сторонник усиления роли государства и полагаю, что пока РАО «ЕС России» дает возможность проводить однородную, менее затратную политику во всех областях. Понимаю, что требования к реструктуризации энергетики идут от Европейского сообщества. Но думаю, что России не следует с этим торопиться. Не торопится же с этим Франция и живет вполне нормально.

– Много разговоров идет о Л. Баклицком, против которого якобы непрерывно возбуждаются или прекращаются судебные дела.

– Л. Баклицкого я знаю как очень хорошего заместителя губернатора Краснодарского края, он там, безусловно, справлялся со своими обязанностями.

Одновременно я знаю много абсолютно честных людей, против которых возбуждались, а потом отменялись дела. Часто эти дела связаны не с действительно противоправной деятельностью этих людей, а сфабрикованы по политическим причинам.

Пока у меня к Л. Баклицкому нет никаких претензий как к работнику, а есть ли какие-либо претензии к нему со стороны судебных органов, я не знаю.

Сейчас это эффективный помощник, заряженный мощным энергетическим потенциалом на практическую работу в крае. Он сильно помогает мне в работе с реальным производством. Пользуется несомненным авторитетом среди промышленников и предпринимателей, его обещаниям верят. Для меня это чрезвычайно важно, так как считаю своей основной целью установление доверительных контактов с предпринимателями края.

Любой губернатор в РФ занимается реальным производством, хотел бы он этого или не хотел. В больших городах практически нет государственных предприятий. Работа с частными предприятиями – абсолютно новое дело.

В крупных городах с предприятиями взаимодействует мэрия, и поле деятельности губернатора здесь сужено. Таким образом, система взаимодействия с предпринимателями только вырабатывается, и этим занимается Л. Баклицкий. Сельское хозяйство опирается на большие хозяйства, которые по установившейся традиции взаимодействуют с главами регионов, губернаторами и т. д.

В этом смысле у меня есть преимущество перед другими губернаторами, как правило, городскими людьми. Им нужно учиться новому делу.

– Как вы относитесь к науке и инновациям?

– Ну, тут вы меня заставляете говорить довольно банальные вещи. Сейчас даже артисту ясно, что все то, что мы имеем, мы

получили от вас, ученых: и современные компьютеры, и интернет, и обычные – электроэнергия, парфюмерия, одежда – все это невозможно без науки.

Вы, Владимир Елиферьевич, убедительно рассказывали о современной водородной энергетике, о достигнутых успехах и проблемах.

Мы предусмотрели в своем бюджете достаточно серьезные средства на инновационную деятельность.

Подготовке кадров науки и самой науке следует придавать особую роль и поднимать их в стране на высокий уровень. И это чрезвычайно важно.

– Скажите, пожалуйста, Михаил Сергеевич, работая главой администрации, успели ли вы пополнить свой жизненный опыт?

– Я, конечно, понял, что мне многому нужно учиться. И я учусь. Учусь быть губернатором – учусь руководить краем. Главное, создать команду единомышленников.

Я уже говорил, что людям надо верить, но относиться к ним не по тому, что они о себе говорят, а внимательно их изучать. И изучать всех, с кем работаешь, привлекать молодежь к руководству. У меня есть на примете главы администраций районов, которых буду привлекать к руководству краем.

– Если вдруг ваша карьера губернатора оборвется, куда вы направите свою энергию? Занимаетесь ли сейчас своим любимым белом, своим искусством как «хобби»? Мне бы очень хотелось посмотреть новые фильмы, концерты с вашим участием.

– У меня сейчас абсолютно нет времени заниматься тем, чем я занимался до выборов губернатора. На этом месте нужно отдавать себя работе целиком или уходить добровольно.

Но в голове, хочешь или не хочешь, во сне рождаются новые идеи, новые фильмы. Я думаю, что когда-нибудь сниму фильм под названием «Губернатор». И это будет хороший фильм. Взгляд на то, как живет, существует целая малая «страна», малая часть государства.

Конечно, став губернатором, я столкнулся со многими неожиданными вещами и стал смотреть на многих людей по-другому. И я понял, что политика – это особое дело, но я бы не назвал его грязным, как порой его определяют. Это такая же профессия, такая же работа, как и многие другие, правда она требует особой доброжелательности к людям и желания помочь.

2005 г.

Наверное, мне нужно было быть пожестче *«Эхо Москвы» о «личной революции Михаила Евдокимова»*

В. Варфоломеев. В столице 15 часов 8 минут, у микрофона Владимир Варфоломеев. Наш сегодняшний гость – руководитель одного из российских регионов, вокруг личности и действий которого в последние недели и, может быть, месяцы сломано немало копий и сейчас, наверное, вся страна активно обсуждает, что же происходит в Алтайском крае. У нас в студии – губернатор Алтайского края Михаил Евдокимов. Михаил Сергеевич, здравствуйте!

М. Евдокимов. Здравствуйте!

В. В. Вот если почитать одни вопросы, а их тут по-моему, 12 страниц мелким шрифтом – они пришли на Интернет-сайт радио «Эхо Москвы» перед началом нашего разговора, – то здесь самые разные мнения о том, что Вы делаете и как Вам нужно поступить в дальнейшем. Ну, вот самые разные, противоположные.

Федор из Латвии: «Советую вам возвратиться на сцену. Там у вас лучше все получалось». Или Иван из Барнаула: «Михаил Сергеевич, мы полностью с вами, и надеемся, что у нас все будет хорошо». Как вы сами для себя объясняете кампанию нападок и критики в Ваш адрес в последнее время?

М. Е. Во-первых, я не знаю, что хорошего сделал Федор в Латвии, поэтому на его месте таких заявлений бы не делал никогда. То, что сделал Миша в Алтайском крае, это знает народ, который сейчас на улицах уже третий день, практически во всех городах и больших поселках выходит народ на улицу. Я его не агитировал, просто народ знает, что я сделал. Я, кроме добра, ничего не сделал. Понимаете? И вся ситуация в том, что наши оппоненты, бывшие и настоящие, которые консолидировали свои силы против здравого смысла в Алтайском крае, они просто надеялись, что мы завалим посевную, завалим урожай, завалим отопительный сезон и т. д. и делали, кстати, много подлогов, которые, в общем-то, препятствовали нормальному процессу. Тем не менее мы находили выходы и силы в себе, решали и закрывали все эти проблемы, которые создавались…Я вот даже не стесняюсь улыбаться, потому что, ну, это просто настолько слабо с их стороны…

В. В. То есть вся критика в ваш адрес исключительно – часть политической борьбы за кресло?

М. Е. Не просто часть, это именно в этом все и заключается. И

ведь пользуются тем, что я человек не склочный, понимаете? Я по сути своей добрый, спокойный и никого не стал преследовать из тех, кто воровал, практически не преследовал. Поэтому структуры, которые должны были заниматься расследованием некоторых вещей, ушли постепенно в тот лагерь. Они там все собрались, и давай искать во мне врага. Но это очень смешно, потому что два месяца перед выборами работали все структуры силовые, искали во мне какой-то изъян. Ничего не нашли. Ну – вообще ничего. Ладно. Теперь в течение года искали. А как они могут еще в течение года чего-то найти, если у меня до этого ничего не было. Значит, я сразу предупредил, что воровать сам не собираюсь и никому не позволю, по этой причине и некоторых уволил, потому что, ну, уже началось… Люди слабенькими оказались. Это бывает, это жизнь. То есть увидели не свое – кажется, пора уже взять. Вот. Но я к этому отношусь по-настоящему спокойно. Я действительно уверен в том, что я туда с собой ничего не заберу. Я не одинок в этом смысле, слава Богу, поэтому мне не так грустно, как они надеются. Я никому из них не желал зла. Тому же Назарчуку Александру Григорьевичу, пожилому человеку, кресла-то под ним уже не было практически.

В. В. Это председатель…

М. Е. Председатель КСНД (Краевого совета народных депутатов. – *Сост.*). Я же его оставил в этом кресле. И вместо, извините, стакана коньяку я заполучил вот такой вот оборот…

В. В. Теперь он вслед за вами летит в Москву для того, чтобы в администрации президента обсуждать кандидатуры на ваше место.

М. Е. Чтобы опорочить мое, извиняюсь, действительно честное имя. Мне совершенно не стыдно это произносить, я об этом все время молчу. Поэтому если кому-то интересно, я могу повторить, что имя мое непорочно. Людям, которые нуждались, и кому была хоть малейшая возможность помочь, я всем помог. За год ситуация очень серьезно изменилась и в политическом, и в человеческом плане. И я уже в открытую спокойно призываю людей уважать самих себя, а значит, становиться чище морально, становиться богаче материально. Вот и все. Надо уважать себя.

В. В. Но посмотрите, против вас выступило более половины районных советов Алтайского края. Нельзя же сказать, что все они коррумпированы или кем-то сагитированы против вас. Значит, есть какое-то реальное недовольство?

М. Е. То, что сагитированы – это однозначно, о чем Вы говорите? И коррумпированы – однозначно. Большинство из тех, кто проголосовал против… я не могу сказать, что все, а большинство – среди них есть хамы, которым я просто вчера

помог, допустим, строить дом. Вот пришел ко мне, я ему выписываю ссуду на строительство дома, который в принципе у него есть, но просто он хочет еще в этом поселке. Ну, ладно. Послезавтра уже он против меня выкатывает что-то совершенно немыслимое…

В. В. Может, он просил на два дома, а вы только на один согласились?

М. Е. Ну, может быть. Не знаю. Но то, что руководитель должен жить в нормальных условиях, я больше чем уверен. Так должно быть. А там один умудрился упрекать, что я езжу на «мерседесе». Значит, «мерседес» служебный, которому, по-моему, 15 лет. Ну, может, 10. Ну, старый «мерседес», старого образца. И я на свои деньги бензин сейчас оформляю. А тут бред какой-то…

В. В. То есть вы считаете, что на сегодняшний день лично для вас нет никаких мотивов, чтобы, например, сложить с себя полномочия, ответив тем самым положительно на протесты, которые имеют место, и сказать: «Все. Не буду я губернатором и ухожу».

М. Е. Абсолютно никаких. Я рассказывал, объяснял в разных инстанциях, что край мы приняли, когда он был на 78-м месте в стране. За 8 лет, пока им руководил товарищ Суриков, или господин, край опустился на 78-е место с 54-го, когда его принял Суриков. Сейчас край занял, ну, пусть даже не 62-е, ну, а 65-е место, потому что стали уже говорить, что не 62-е. Хотя есть же министерство экономики, есть специалисты, которые за этим следят…

В. В. То есть даже статистика фиксирует.

М. Е. Есть статистика, конечно. Ну, пусть даже 65-е место. Но это же до нового года. Это даже не до апреля, а до нового года. Извините, пожалуйста, ну, я что, тогда? Я не понимаю, что тогда я должен сделать, чтобы меня не преследовали? Ну, вот эти люди, погрязшие в бизнесе, у них там все повязано, подкручено, я никого не трогал, и они обрадовались. Наверное, мне нужно было бы быть пожестче.

В. В. Надо было трогать, надо.

М. Е. Да. Но я видите, такой какой-то добрый, хотя я призывал к совести всех сразу. Давайте открывать заработные платы, давайте не заниматься черным налом. Давайте открыто жить, платить налоги. Я поддерживал всех: и частные предприятия…

В. В. Не вышло, не получилось. Добрый губернатор…

М. Е. Ну почему это не получилось?

В. В. Нет, я имею в виду – не получилось убедить их жить по-новому.

М. Е. Нет, развитие же все равно произошло.

В. В. Сейчас, когда столько всего произошло, не жалеете о том, что закончились те времена, когда в ваш адрес раздавались только аплодисменты? Я имею ввиду сценические выступления.

М. Е. Да нет, ну, а что жалеть? Там сделано немало, честно говоря, и уровень достигнут достаточный, чтобы не считать себя каким-то середнячком. Я нормальный крепкий актер как в кино, так и на эстраде. Я очень хороший режиссер, потому что у меня никогда не было режиссеров, я сам все делал. И я очень хороший писатель, потому что половину классики, которую я исполнял, написал я сам. И так далее. Поэтому здесь жалеть-то о чем? У меня есть возможность, и будет еще возможность написать, посидеть, и в любой момент, если пригласят сняться в кино, я знаю, что я отыграю классно, достойно. Стыдно не будет.

В. В. А вы какие-нибудь из своих монологов помните?

М. Е. Ну а как же. Если у меня было пять спектаклей. Я все их наизусть помнил, наверное, помню и сейчас.

В. В. А за губернаторское время приходилось, может быть, там, в кругу своих друзей, знакомых что-нибудь читать из прежнего?

М. Е. Да как-то до этого не доходило. Не было такого времени, такой обстановки, в которой можно было что-то вспоминать. Не до этого сейчас.

В. В. Вот вы, говоря об артистических временах, сказали, что никогда у вас не было режиссера. Ну, вот политик, не то, что без режиссера, ну, хотя бы без помрежа, без команды своей, ну, не бывает. Крайне трудно работать, в наших условиях почти невозможно. И год назад все задавали вопрос: кто стоит за Евдокимовым? Сейчас, по-моему, четкого ответа на этот вопрос до сих пор нет. Кто-то говорит, что это «алюминиевые короли». Другие, что РАО ЕЭС России стоит за вами. Можете, наконец-то, прояснить ситуацию?

М. Е. Никого за мной нет. В том-то и трагедия! В том-то и проблема, заключается, что за мной никто не стоит. Там какие-то разговоры о 10 миллионах долларов. Вот сейчас, не далее чем позавчера, мне сказали, что один человек, – я не буду называть его фамилию, – известный депутат заявил, что Евдокимов занес в Кремль 10 миллионов долларов, но ему отказали. Да ну, такой бредятины я не знаю. Я 10 миллионов во сне-то не видел никогда.

В. В. Ну, вот сейчас, кстати, без какого-либо чемодана Михаил Сергеевич пришел к нам на «Эхо», и не видно, чтобы нал таскали.

М. Е. Да, с чистыми абсолютно руками. В том-то и беда, что победил-то я честно совершенно, победил-то я без денег! В том-то

и трагедия! А я, а чего мне жалеть? Наоборот, я, между прочим, считаю, что достаточно серьезное волнение создал, в хорошем смысле слова. Добрые люди, которые были раньше просто в безмолвии, сейчас о чем-то советуются, пишут. У меня очень здорово работает стол писем, в котором несколько человек принимают жалобы, принимают пожелания, советы и т. д. И все это я успеваю перемолачивать, перерабатывать, встречаться лично с крестьянами, с людьми, которые приезжают из далеких районов. Я всех принимаю, как говорится, живьем, всем помогаю практически, еще ни один не ушел так, чтобы оказался без внимания… Пусть не в полной мере, но в какой-то обязательно помогу, потому что не все в моих руках и нет у меня таких денег. И сейчас, кстати, пока не забыл, скажу, что на пресс-конференции в «АиФ» я заявил совершенно честно, что буду писать письмо о доверии президенту. Но это будет, когда я отработаю хотя бы два года. Потому что смешно и мечтать, нереально даже для любого специалиста – промышленника или сельскохозяйственника, прийти и за год что-то так уж сильно изменить. Тем не менее были перестановки в кадрах, что их тоже почему-то сильно заволновало, и они стали называть это «кадровой чехардой». Какая-то глупость. То есть мы работаем, а они все это время, когда мы работаем, тратят на интриги, на всякие «переплетения» – там кто-то кому-то сказал, снаушничал, кто-то кому-то заявил. Занимаются тем, чем я в жизни не занимался никогда.

В. В. Вот если говорить о команде. Вопрос от Алексея Иванова из Москвы на нашем Интернет-сайте: «Собираетесь ли вы, может быть, призвать на помощь в работе политическую партию? И если да, то какую?» Вообще вот интересно понять вашу политическую ориентацию. Кто вам ближе: может быть, коммунисты, «Единая Россия», правые и т. д.?

М. Е. Спасибо. Это почему-то всех беспокоит и опять же оппонентов тоже, потому что они начинают через разные партии рассказывать всякую гадость, которую меня… ну, по-другому не назовешь, гадость и все. Пользуясь тем, что я совершенно беспартийный человек. Но я вообще не был ни в партии – ни 15, ни 20 лет назад. Ну, так получилось, ну, не повезло мне, не был я в партии! Я просто был нормальным парнем, который ничего дурного не делал на земле. Вот и все.

В. В. Нет, ну, можно же использовать партию как помощника в работе.

М. Е. Вообще-то, я шел работать, а не играть в эти…

В. В. То есть вам не нужна никакая партия?

М. Е. Пока нет.

В. В. Ну а по вашим политическим, экономическим

воззрениям какая партия вам ближе?

М. Е. У нас был вопрос с одним из, так скажем, кураторов «Единой России» – руководителем, куратором, как угодно. Был разговор. И я честно сказал, я совершенно ведь честно сказал как нормальный парень, российский парень. Я сказал, что поработаю год. И если я сработаю хорошо, то вступлю в вашу партию. Но только потом надо помогать вместе краю. Но если я буду работать плохо, естественно, я никуда вступать не буду – я просто уйду. Но я-то знал прекрасно, что сработаю хорошо! Потому что я, ну, не умел ничего в этой жизни делать плохо. Я хорошо сработал.

В. В. Но смотрите, у вашего рязанского коллеги – Шпака возникли проблемы. Неделю назад вступил в партию «Единая Россия», похоже, что проблемы закончились. Может быть, надо тоже, ну, чем-то поступиться и пойти в «Единую Россию»?

М. Е. Ну, я позвоню Шпаку, спрошу, где бумагу взять на заявление. Спрошу.

В. В. Это серьезно?

М. Е. Позвоню сегодня Шпаку обязательно. Что же он не делится-то?

В. В. Известно ли вам, какова позиция администрации президента, ну, или президентского полпреда Квашнина в связи с обстановкой вокруг губернаторского поста в Алтайском крае? Тем более что вы попросили главу государства как бы выражения вам доверия. У вас есть какая-то информация, что в Кремле думают по этому поводу?

М. Е. Я не знаю, что там думают. Как я могу знать, если я вам скажу, что…

В. В. Но вы с Квашниным ведь встречались?

М. Е. Так, можно я договорю? Значит, я не могу знать, какое мнение там у людей, потому что меня близкие, помощники предавали, понимаете? А то, что кто-то что-то сказал, это меня совершенно сейчас в настоящий момент не беспокоит. Важно, что произойдет. Вот это да. Вот Владимир Владимирович как скажет: «Так, Михаил Сергеевич, до свидания, там, мы разберемся сами». Ну, что это, куда я? Конечно, никуда. Я…

В. В. Как? А вы пойдете к своим сторонникам, которые собираются разбивать палатки у здания администрации в Барнауле.

М. Е. Да уже разбили, уже там люди голодовки устраивают.

В. В. Вы к этим людям должны пойти. Они за вас голосовали. Вы им говорили, что сделаете для них.

М. Е. Ну, в этой ситуации я считаю, если бы от меня это зависело, конечно, я бы все это дело разогнал и оставил меня в

покое.

В. В. Разогнали бы что? Уточните.

М. Е. Ну, вот это все слухи, все эти недобрые какие-то телодвижения и т. д. Ну, нельзя так работать, нельзя строить страну во время… Ты ее строишь, а тебе вредят. Ну, вот стоит каменщик, кладет кирпич, а ему по рукам палкой бьют! Ну, так мы не построим ничего, правильно? Я – каменщик, в данном случае. Я строил… А жилья сколько расплодили, в котором нельзя жить! Ветхое, так называемое, жилье. Там не ветхое, там вообще его нет. И с этим делом я сейчас борюсь. И у меня получается!

В. В. В самом начале нашего разговора вы сказали о том, что смогли сделать за этот год много добра.

М. Е. Конечно.

В. В. А не могли вы конкретизировать это?

М. Е. Да много, Господи!

В. В. Ну что вы имеете в виду? Ну, то, что не сорвали посевную, не сорвали отопительный сезон, ну, это как бы прямая непосредственная обязанность любого руководителя.

М. Е. Конечно.

В. В. А что можете себе в актив-то записать, Михаил Сергеевич?

М. Е. Ну, например, из внебюджетных средств в крае было поставлено 218 единиц транспорта, то есть «скорой помощи», это губернаторская программа «Здоровье Алтая». «Скорые помощи», школьные автобусы для подвоза ребятишек из деревень, реанимобили для больниц. Такой программы в действии, я вам скажу, не было за всю историю Алтайского края, не было, потому что обошлось где-то в районе 1,5 миллионов долларов. Это из внебюджетных средств. Этого не делал никто. С этим никто не считается. И никто об этом нигде не говорит. А почему бы не сказать-то? Так и так, мол, Михаил Сергеевич сделал. Нет, ничего подобного. Они начинают сваливать на меня то, что сделали до меня сами. И вы прекрасно должны понимать, что то, что доведено за 8 лет до такого нищенского состояния, за один год никакой гений не перевернет с точностью наоборот. Но то, что мы сделали, что уже сделано, я вам скажу, предостаточно, чтобы человек почувствовал, что о нем кто-то думает, о нем действительно беспокоятся и заботятся. Повышаем зарплаты, и будем повышать. Создаем рабочие места, и будем создавать. И с Белоруссией скорее наводим так называемую отверточную сборку. Это уже рабочие места, это уже обеспеченные семьи. Что еще тут, я не знаю, сочинять? Дороги строим лучше, чем раньше строили, и качественнее, и больше. За те же самые деньги. Мы

просто не воруем, и все.

В. В. Последний вопрос, его задают многие наши слушатели. Если президент примет негативное для вас решение, вы подчинитесь или, как тут написал наш слушатель Леонид, «возглавите личную революцию»?

М. Е. Если народ пойдет, я, конечно, пойду с народом. Обязательно. А что же?

В. В. Даже против президента?

М. Е. Если бы я был враг своей страны и тем более своего Алтая… Извиняюсь за слова «тем более», но как говорится, всегда свое болото, оно как-то ближе. Я тогда не понимаю, если я враг стране, что мы будем делать дальше? Как мы будем жить вообще? Как крестьянин сможет себя считать человеком, если о нем никто не думает? Ну, как вот вы мне можете объяснить?

В. В. Может быть, вы сможете найти ответ на этот вопрос. Спасибо большое. У нас сегодня в гостях был губернатор Алтайского края, Михаил Евдокимов. И Михаил Сергеевич, и мы, я думаю, сейчас находимся в ожидании того решения, которое должен принять президент России. Спасибо вам! И удачи, всего вам доброго!

М. Е. Спасибо, всего хорошего.

Эх, не знаю даже, чего рассказывать-то…
Страницы творчества

Из раннего

Мама Валя

Домик стоял через дорогу от нашего. Он был каким-то пришибленным, сгорбившимся, крыша накренилась в сторону двора и постепенно сползала. Летом, когда окружающие его деревья тополя-самородки распускали свою зеленую свежесть, домик едва виднелся. И завались он на землю в эту пору – никто сразу и не хватился бы.

Неприметно жила его хозяйка тетя Валя. Дочь уехала к себе в город и до сих пор не объявлялась. Бабы поговоривали, что она там вышла замуж и не приезжает сюда с мужем потому, что стыдно ей показывать свою сумасшедшую мать. Однако от денег, которые ежемесячно посылала ей тетя Валя, они не отказывались. Моя мать, у которой нас было семеро, не верила этим бабьим домыслам. Однажды она ездила в город на базар, по пути зашла к тети Валиной дочери… «Ну, чего она там?», – спросил мой отец, который тоже не мог смириться с несчастьем соседки. «Ничего… заполошной Валю обозвала… Стыдно мне, говорит, показывать ее…» И они долго вдвоем сокрушались и защищали тетю Валю. Перебивая и поправляя друг друга, они переворошили всю ее жизнь. Каторжную, как выразился мой отец, жизнь. Из их воспоминаний я узнал, что…

…Она, тетя Валя, первая в нашей деревне закончила десятилетку в районной школе, – ходила туда пешком за восемнадцать километров. После школы хотела поступать в какой-то институт, но тут заболела ее никогда не болеющая мать, и она осталась в деревне работать. Работала на мельнице – на самой трудной и пыльной работе в деревне, старалась помочь матери, которая никогда в жизни сама не работала: сначала муж работал на нее, а после войны, которая отняла его, зимой приторговывала салом, а летом опять же дочь все каникулы горбатила на зерновом току. А болела старая так, – как почувствует, что скоро самой придется надрываться – сразу в постель. Врача не требовала, только обставится всеми пузырьками и лежит, в потолок смотрит. Тетя Валя, конечно, не думала о матери плохо и всячески старалась ей помогать, не замечая того, что это давно уже не помощь, а… черт знает что. Даже назвать трудно. Потом приехал в деревню молодой агроном – красивый и грамотный. Он приметил Валентину на мельнице – ее нельзя было не приметить, она действительно была красивая.

Ей тоже понравился. Через полгода сосватали их. А через год родилась у них дочь. Жили хорошо: оба работали, кормились сами, кормили и мать. Жить бы да жить, так нет! Этой карге все мало было: то у нее дочь мало зарабатывает, то он ничего, кроме зарплаты, в дом не несет… Так и пошло. А тут пригласили его в город на работу, как перспективного специалиста, и пошла семья на разлад: эта старая ведьма срочно слегла, стала обвинять свою дочь в том, что она бросает мать, запричитала… и та осталась в деревне. Кинуть бы все да и уехать за мужем-то, нет, пожалела.

На протяжении двух лет муж всячески пытался забрать их с дочерью к себе в город, но все безрезультатно, – старуха сделала свое дело, – остались: жена без мужа, дочь без отца. Но и тут, даже алименты и посылки, исправно идущие из города, попадали в руки тети Вали очень и очень редко.

На первых порах еще сватались к ней, но она никого не приняла. Красота в ней оставалась, но душа замкнулась. А теперь, когда родная единственная дочь не кажет носа ей – матери, и вовсе отошла от людей. Отгородилась невидимым забором.

Было у нее единственное утешение в жизни – большой серый кот. Звала она его полным именем: Василий. Часто по двору, устланному мягкой зеленью травы-муравы, вышагивал Василий рядом со своей хозяйкой, урча, лаская боками ее ноги. На шее у него всегда был повязан атласный желтый бант. За ограду выходили редко, когда не было на улице мальчишек – те дразнили ее и гоняли кота. Взрослые не обращали на это внимания, только спрашивали: «Что, Валентина, погулять?» И все. Когда он выходила одна и присаживалась к бабам на лавочку, ее спрашивали участливо: «А что одна-то? Василий где?» Тетя Валя серьезно отвечала: «Да в магазин побежал, хлеба дома ни крошечки…» Все замечали, что она заговариваться стала, однако никто не улыбался, только понимающе кивали головами, соглашались. Так и шла жизнь с Василием: то он за хлебом «сбегает», то дров «нарубит», а то и за сеном с мужиками вдруг «поедет». Вот так Василий «помогал» тете Вале по дому. С этим все смирились. Никто ничему не удивлялся. Не удивлялись даже, когда тот на остров за облепихой «сплавал» и целое ведро набрал, – все смотрели на ведро, до краев наполненное ягодой, и приговаривали: «…Ай да Василий! Ну молодчина! Мне бы такого сына!..» На что тетя Валя ответила: «Умотался он! Спит сейчас, бедняжка. А ведь говорила: не надо, не надо! Мне-то чего делать?! А нет, говорит, ты отдыхать должна. Уж вон сколько поработала!..» Никто бы, наверно, не удивился, если бы он и на луну улетел, но… удивились все другому.

Как-то субботним вечером, после баньки, сидела тетя Валя со

своим «помощником» на диване – смотрели телевизор. Показывали «Кота в сапогах». В этот вечер она, не дождавшись вежливого голоса диктора, напоминающего о том, что пора выключить телевизор, пошла на кухню, достала из сундуку старые разноцветные лоскуточки, оставшиеся еще от дочери, когда та еще играла в куклы. Осторожно, чтобы не разбудить сонного «уработавшегося» за день помощника, она смерила пальцами его лапку, нанесла карандашом отметки на красном фланелевом лоскуточке и принялась шить Василию обувь.

Утром в воскресенье Василий разгуливал по своему двору в красных фланелевых тапочках с отворотами и беленькими шариками из ваты, привязанными к тапочкам ниткой. Тетя Валя сидела на завалинке – любовалась на Василия. Хозяин гулял – Хозяйка любовалась!

– Ого! Какие тапочки ты своему Василию сшила! Ну и ну…

– Небось заработал. Вона как подмогает-то! Такому не грешно и сшить, – заговорили бабы на лавочке, когда они с Василием вышли на улицу, – мальчишек не было.

– Да то дочь прислала ему! Вот… – Она достала листок бумаги из кармана своей блузки, протянула единственному мужику, сидевшему среди баб, дяде Лене Анисимову. Тот был балагурным мужиком и всю жизнь щелкал семечки. Сейчас он оставил свое занятие, взял листок, исписанный синим химическим карандашом, принялся читать. Читал вслух – всем:

– «Здравствуйте, мои родные: мама и Василий! Как вы там? Я очень по вас соскучилась. Все хотим приехать к вам, да никак не получается. То работы много, то болею. Болею часто. То ничего-ничего, а то вдруг так голову схватит, что невмоготу! Наверное, потому, что сильно скучаю по вас. Все думаю, как вы там с Василием?».

– А чего думать-то? Ехала бы да посмотрела, как тут мать-то!

Дядя Леня знал, что письмо писала сама мать, но специально возмутился.

– Так болеет же она! – сказала Валентина. – Опять же через нас. Ты дальше читай.

– «…Вася, мне мама писала, что ты ей помогаешь. Молодец! За это я высылаю тебе тапочки. Носи. Да слушайся маму!

Я, как выздоровлю, сразу приеду погостить.

Да свидания. Целую вас! Ваша Тамара».

Дядя Леня закончил читать.

– Ну а тебе-то что прислала? – спросил он.

– Да… хотела этот… – Она волновалась, глаза ее беспомощно забегали.

Нужно было ей помочь.

– Лезешь вечно с дурацкими вопросами! – зашипела на Леню жена его. – Шаль, наверное, – поспешила она на помощь тете Вале. – Что ж еще?!

– Да, да! Шаль! Именно, – обрадовалась та. – Да зачем она мне летом-то. Вот к зиме приедет сама и шаль привезет…

– Да и то правильно, – одобрили соседи.

Они разошлись.

А к вечеру поближе Василий вышел на улицу самостоятельно. Он степенно разгуливал по улице в своих тапочках и с бантом на груди. Когда Василий поравнялся с анисимовским забором, из ворот выскочил Шарик и покатился в его сторону, грозно взвизгивая и поднимая хвостом пыль. Василий сразу заметил его, но уверенно и спокойно, немного даже постояв, потрусил к ближайшему столбу и в тот момент, когда Шарик был уже у цели, мягким прыжком взлетел на столб… Тапочки заскользили по столбу, и кот медленно поехал вниз. У самой пасти Шарика, который стоял на задних лапах, вытянувшись вдоль столба, Василий прыгнул в сторону. Но Шарик в два прыжка настиг его…

Уличные мальчишки с трудом отбили пострадавшего, но было поздно. Те же ребятишки похоронили его у дороги под тополем.

Видел это и дядя Леня Анисимов. Всех ребят он строго предупредил, чтобы ничего не говорили тете Вале. Не дай бог! Она и так мало хорошего в жизни видела…

Наутро тетя Валя стала спрашивать соседей, не видал ли кто ее Василия? Пошел, мол, за хлебом и как в воду канул. К обеду, когда сосед, поплевывая семенной шелухой вышел за ограду и присел на лавочку рядышком с тетей Валей, она спросила:

– Леня, ты, случайно, не видал моего Василия?

Тот ждал этого вопроса, однако ответил не сразу.

– Где-же, где же я его… А! Вечером вчера с портфелем шел туда – в центр. Я говорю, куда, мол? А он говорит: поеду в Глинск, там, говорит, заработки больше… Шубу т-тебе, – дядя Леня смотрел в землю, – говорит, купить охота… Да он должен тебе там письмо оставить, – решил добавить он. – Однак-ко пора мне, Валя. Работы м-много. – Он не мог выдержать ее беспомощного взгляда.

Вечером, когда соседки, управившись по двору, традиционно обсуждали дневные происшествия на анисимовской лавочке, тетя Валя вышла из своей ограды и направилась к ним. Она несла в руке лист бумаги. Протянула его бабушке Груне, одинокой доброй знахарке, которая отпевала ее мать перед похоронами.

– Ты чего, Валь? Читать, что ли?

– Прочти, теть Грунь. А то совсем ничего не вижу… а письмо

мне Василий написал. Из Глинску.

– Из какого Глинску-то? Что эт за город такой? – не поняла та.

– Заработки там… Да вы прочитайте мне… Да пойду я.

– Читай, Груня. Василий у нее куда-то запропастился, – зашептали бабы. – Читай, ей легше станет.

Старушка достала очки, положила лист на колени и принялась читать. Читала громко, понимала, для чего надо.

– «Здравствуй, мама Валя! Пишет тебе твой сын Василий, – начала бабушка Груня, и голос ее задрожал. Она достала из кармана передника носовой платок, помолчала мгновение и продолжала: – Пишу я тебе из Глинска. Работу дали мне здесь хорошую, шофером пока: рабочих на работу вожу на автобусе. Заработки очень хорошие. Думаю, шубу тебе купить к именинам. Взял жену себе. У нее дочка есть, в городе на мастера учится. Хоть и не пишет она нам, все равно жена любит ее. И меня любит. В общем, баба хорошая. Тебе от нее большой привет и поклон! Как куплю шубу, сразу приедем. Целую, твой Василий!».

У бабушки Груни выступили слезы, и она, не глядя на тетю Валю, сунула ей письмо, приложила к глазам платок. Молчала. Бабы засуетились. Дядя Леня, который был здесь же, за забором, и слушал, как читала знахарка письмо, стиснув зубы, громко выругался про себя, дернул носом и направился в глубь двора.

– Вот видите! Василий-то помнит про меня. А у самого ведь семья теперь… Вот ведь. – У тети Вали задергался подбородок. Она всхлипнула, что-то еще говорила, но было уже непонятно и не слышно, – бабы гудели: доставали свои носовые платки. Бабушка Груня, не поднимая головы, кротким поклоном попрощалась со всеми и направилась к своей усадьбе. Жена дяди Лени Анисимова взяла под руки плачущую Валентину и повела через дорогу домой.

На задах у самой реки раздался выстрел. Не было слышно ни крика, ни какого другого звука. У самой кромки обрывистого берега ткнулся мордой анисимовский Шарик. Рядом стоял его хозяин, держал в руках одностволку.

– Прости хозяина сваво, – не сдержался я. Другой смерти, видно, бог не дал. Прости…

Поделом ему хозяин влепил, решили мы тогда с пацанами. А сейчас я думаю: «В кого стрелял дядя Анисимов? Ведь не в Шарика же?»…

Промашка

Жилы-были старик со старухой…

Одним из зимних вечеров дед Панас и его супруга бабка Домна сидели дома, пили чай и смотрели телевизор. Настроение у обоих было никудышное. И если в этот момент спросить у них, что нужно для того, чтобы оно улучшилось, – ответ был бы один: что-нибудь покрепче этого чая. Или, как говорил Панас, «антискукотинчику».

Нужен был повод, конкретный и веский. Первой идея пришла старику:

– Сбегала б ты, бабка, в сельпо, да взяла бы чего от скуки-то. С грустными глазами в гроб и то не годится…

– Да и то верно, – охотно согласилась та. – Да вот только деньжонок у меня – на коробку спичек занимать надо… – она лукаво посмотрела на супруга.

За сорок с лишним лет совместной жизни с Домной Панас достаточно хорошо изучил ее маневры в области экономии. Но никогда не обижался. Прощал.

– На, возьми вот, – он протянул ей пятирублевую бумажку. Та не без удовольствия приняла деньги и быстро засобиралась в магазин. – Ступай. Я пока пельмени зачну.

– Вот это идея! Ну, голова, дед! Посидим так хошь ладом. – Впустив в избу клубы холодного воздуха, она исчезла.

Оставшись один, старик принялся готовить мясо и тесто.

Так было заведено: Домна решала все дела, которых касалось движение на дальние расстояния, Панас выполнял все остальные операции ведения их нехитрого хозяйства. Но опять же по возможности, по той простой причине, что у него отсутствовала правая нога.

По возвращении из магазина старушка задержалась в сенях, достала из сумки одну бутылку, сунула ее за бочку с солониной, что стояла в углу, и вошла в избу. Дед уже приступил к главной операции – лепке пельменей. Войдя, Домна поспешно выставила на стол поллитра «сретства от скуки», сбросила фуфайку и принялась помогать супругу.

На протяжении всего времени, что они лепили пельмени, хитрая старушка неоднократно, по разным причинам, несколько раз выходила из избы и с каждым приходом обратно глаза ее становились ярче и выразительней. Дед, заметив это, почувствовал неладное. Под предлогом нужды, опираясь на свои костыли, он вышел в сени, хлопнул там уличной дверью, и, как ему показалось, беззвучно вошел в кладовую. В доме было слышно, как он чиркал там спичками, что-то перекладывал, ворошил, кряхтел и матерился. В конце концов что-то нескромно загремело…

– Сыщик! – не выдержав, ухмыльнулась «экономка». – Ищет

там, где запрятал бы сам… А прятать-то самому нечего, – едва сдерживаясь от смеха, заключила она.

Когда «сыщик» вернулся, супруга безукоризненно сидела на прежнем месте и продолжала стряпать.

– Ну, как? Легче стало? – участливо спросила она.

– Не тваво ума дело… Бросай пельмени-то! Кипит уже давно.

Через несколько минут на столе стояла большая чашка, полная исходящих ароматным духом пельменей, и две граненые стопки, до краев наполненные «антискукотином». Выпили безо всяких тостов. Ели тоже молча. Попытки Домны разговорить старика ни к чему не привели. Угрюмый Панас наполнял опустевшую посуду, и они тут же, не чокаясь, опорожняли каждый свою. Пили… Закусывали… Снова пили…

Хорошее настроение к старику не приходило. «Антискукотин» был бессилен.

Чашка вскоре опустела. В бутылке оставалось на донышке. Дед засыпал новую партию пельменей в кипящую воду и, разлив последние капли по стопкам, сел в ожидании горячего. Взглянув на свою старуху, Панас вдруг решил, что ей уже достаточно и одним движением перелил из ее стопки в свою.

– Ты чего эт?

– Боюсь, дурно станет. Вона глаза-то, прям те бык разъяренный!

Старуха медленно поднялась и неуверенной походкой направилась к выходу, прихватив фуфайку и платок.

– Куда еще? – строго спросил дед. – Ночь уж…

– Пойду к сос-седям, уксс-су возьму, – совсем невнятно заговорила та.

– Иди-иди, – пробурчал Панас. – Щас тебе и уксусу, и перчику… все дадут.

Тем временем Домна допила в сенях остатки своей персональной и, приговаривая: «Сначала твою, а потом сяк свою», – покачиваясь, отправилась к соседям, что через дорогу.

Зима в этот год была очень снежной. Заборы были занесены снегом так, что местами их вообще не было видно. Большинство жителей деревни протаптывали дорожку по сугробу и ходили прямо через забор. Торчавшие из-под снега штакетины, которые до момента Домна преодолевала легко, сейчас оказались для нее серьезным препятствием. Она зачем-то нагнулась, взялась за них руками и осторожно стала переставлять, сначала одну, потом другую ноги. Но тут невидимая сила покачнула, старуха несколько раз прокрутилась вокруг себя и повалилась в снег. Поднимаясь и отряхиваясь, она увидела перед собой парадное крыльцо дома. Голова сильно кружилась. Ее тошнило и бросало

из стороны в сторону. Собравшись с последними силами, преодолевая ступень за ступенью, она пошла в дом. Отворив двери, которые вели на кухню, она с трудом, но увидела, что на столе стоит чашка с пельменями. От теплого воздуха стало еще хуже…

– Ой, – залепетала «нежданная гостья». – Вы тоже пельмени стрряпате! А я к вам за уксс-сом пришла…

…за столом сидел дед Панас. Рот его был открыт… Рядом стояли его костыли… у печи лежала кочерга…

Капроновый

Андрей Капроновый. Так называла его не только деревня, а с некоторых пор вся округа. Даже жена его, которой не по нутру было это прозвище, – и та срывалась. Увидит бывало в окно, как муженек походкой старого пингвина вдоль забора продвигается к дому, скажет при детях: «вот и Капроновый наш идет». Вздохнет про себя: «Эх, кабы не лихо – все бы было тихо…»

Прозвище это Андрей дал себе сам.

Лежал тогда в больнице с очередным и последним сотрясением мозга.

– Как-же это вы, дядя Андрей, не убились только? – спросила его нянечка. Вот тут-то он и дал жизнь своему прозвищу:

– А я капроновый! – гордо заявил он тогда.

Так и присохло.

И чего только с ним не случалось?!.

Однажды на своем «Ковровце» – единственном по тем временам мотоцикле в деревне – он со всего маху слетел под берег. Обрыв был около десяти метров! А приземлился он у самой воды! Как остался жив?! Даже в больнице тогда не лежал. Отхромал с недельку и опять за руль… А через месяц: на большой скорости, выскочив из переулка на свою улицу, вдоль которой за день вырыли глубокую канаву – тянули водопровод, и огородили ее жердями – (ладно бы днем), и… перебил Андрей на своем «козле» все жерди-столбики и… «ушел» по траектории в канаву. Испугались, помню, все, кто видел, – кинулись к канаве, подбегают, смотрят вниз – цирк вне манежа!! – среди деталей и запчастей сидит Андрей и, пересыпая из ладони в ладонь песок напевает: «Песок, как вода он течет и льется. Попробуй, попей, – горлышко забьется! Тру ля-ля, да тру ля-ля, килограмм по три рубля…»

В больнице, однако, пришлось полежать.

Пока он выздоравливал, жена продала все, что осталось от мотоцикла, в соседнюю деревню. Думала, избавилась… Ан – нет.

Андрей, как выписался – поехал в ту деревню и выкупил обратно.

– Сломаешь голову-то! Ирод. Посмотри, у тебя же двое на руках! Их-то пожалей!!! – заплакала супруга, завидя злополучную рогатую машину.

– Лишь бы они свои не сломали, – ответил он хмуро. Добавил гордо: – А быстрая езда никогда не мешала хорошо жить!

Насчет скорости он говорил так всем, кто пытался с ним беседовать на эту тему.

Многое еще встречалось на стремительном пути Андрея: были и заборы, и кусты, и деревья, и домашняя птица… Все как-то сходило с него. Может быть, сходило бы и дальше, если бы вот так – по мелочам, но… Случилось другое. Страшное и непоправимое.

Как-то под вечер поехал он на ферму к другу. Версты три всего и будет-то до нее. Посидели. Выпили немножко. Поговорили. За разговором и не заметили, как стемнелось. Не пускать бы его тогда по потемкам. Да где там…

Дорога была и ровной, и знал ее Андрей хорошо. Но темень, видимо, была уже непроглядной. А вместо фары – фанерный кружок в черный цвет. И надо же! Через дорогу именно в этот момент перегоняли табун лошадей… Лошадь, в грудь которой сбоку воткнулся «Ковровец», издохла здесь же – на дороге. Андрей, перелетев через нее, упал прямо на голову, – повредил себе позвоночник и получил тяжелое сотрясение.

Из больницы он вышел только следующим летом.

Исхудавший и перекошенный, он был медлительным. Бледно-желтое лицо его пересекал кривой шрам от подбородка до виска. Большой палец на правой руке сросся буквой «Г», только смотрел он у него в другую сторону. Потом, когда он стал уже выходить на люди, мужики специально спрашивали его: «Как, Андрюха, жизнь?» – «Норма!» – отвечал тот, выставляя этот палец, – знал, что будет весело.

Вроде все обошлось. А вот сотрясение оказалось слишком серьезным. Жену свою и детей он часто называл не их именами. Или смотрит-смотрит на кого-нибудь из соседей, – хочет назвать его по имени и не может. Скажет только, бывало: «А, а знаю, а назвать а-немогу», – он здорово при этом заикался.

В магазине, говорит однажды продавцу:

– А, Зина, а дай мне а-пачку сахару и это, а…а…ххы-х-х-х… – он то на вздохе, то на выдохе пытался стряхнуть эту проклятую букву, но та словно вцепилась в кончик языка – никак не слетала.

– Что, Андрюш, может, халвы? – поспешила на помощь девушка-продавец, которую звали вовсе не Зина.

– А черт с ей! А, давай а-халвы, – с моим языком хлеба не

ись.

И самое унизительное для него было то, что его не принимали на работу. Шорником. Врачи запретили. Когда к Андрею приходило нормальное сознание – это случалось иногда – он отправлялся в контору и просил у директора работу.

– Да не могу я, Андрюша! Не мо-гу, понимаешь?!

– Пошто? – обижался тот. – Ты же видишь, я абсолютно нормальный?! – при этом специально называя его по имени-отчеству четко и правильно.

– Не хочу я отвечать за тебя, понимаешь ты?! – срывался директор.

– За себя отвечать еще научись, а потом уж… Э-эх – он хлопал дверями.

Из конторы Андрей шел пустынной улочкой убитый и угрюмый. «Ответчики… – рассуждал он про себя. – Заотвечались! Глядите на них вся деревня… Вон, воробья сколько, воронья. А собак? Да чего там… Скотина домашняя и та за себя ответит. Из малых своих постоит. Ну-ка бычка-годовалку подразни… Много ли надразнишь? А-аа… Поддаст под окорок и будешь кувыркаться! Вот тебе и ответ весь. А то ишь чего! Нужны больно мне ваши ответы. Да я своими руками еще такое смогу!., вот только палец, правда… Но все равно!»…

Он понимал, что конторские правы. Но не мог сносить это унижение – инвалидность на сорок восьмом году жизни. «Вон Пашка Казанцев инвалид потому, что ноги нет. А ведь скорняжит, однако! А я? Тьфу!!!»

Он шел на конюшню. Так как-то с кем-то выпивал. Да еще разные праздники, юбилеи… а родни полдеревни… И опять провалы памяти начались.

Однако ближе к осени директор сам вызвал Андрея.

– Здоров, Андрей! – И протянул руку ему навстречу.

– Чего звал? – не ответив на приветствие, сухо бросил вошедший.

– М-м да… – смутился на мгновение тот. – Я, это, работенку тебе кое-какую присмотрел.

– А мне кое-какую не надо. Ты мне а-дай а-асыромятину и шило!

– Нет, – отрезал тот. – Этого не могу. А вот место сторожа при гараже могу тебе предоставить. Работа: впускай – выпускай, и шестьдесят рублей к пенсии.

– Мне хоть сорок без пенсии! Дай а-сыромятину и а-шило! – Андрей не моргал.

– Да, не могу, я сказал! – директор нервничал. – Решай: будешь сторожить или мне другого искать?

Делать нечего – согласился.

На другой день Андрей приступил к новой работе. Осваивал специальность «впускай – выпускай». Работа ему не нравилась, с шоферами он был неприветлив. На приветствия кивал только. И молчал. Так шли дни-ночи Андрея-сторожа.

Наступил октябрь. Зачастили прохладные дожди. Стояла большая грязь. Окошечко в сторожке чаще запотевало. В будке стало зябко, сумрачно, неуютно. От всего этого у Андрея становилось еще тяжелее и опустошеннее на душе.

Однажды сырым, хмурым утром по гаражу пронеслось:

– Капроновый-то того… Вздернулся…

Мужики сняли тело с петли, бережно положили в кузов грузовика, отвезли родным.

В сторожке на столе нашли свежеисписанный листок. На нем неровным корявым почерком было написано:

Заивление

Директору совхоза т. Камынину В.Н.

От сторожа поневоли т. Веревкина А.И.

Прошу уволить меня вчерашним числом 15-м октября-месяца по собственному желанию потому-што не хочу штобы за меня отвечали.

16 окт. 1972 г. Веревкин-шорник.

Много лет прошло с тех пор. На кладбище есть небольшой деревянный столбик-памятник с маленькой красной звездочкой и надписью. Чуть ниже надписи – небольшая приписка: «Он любил быструю езду». Эти словечки нацарапаны чьими-то глупыми руками. А руки человека, в память о котором поставлен этот столбик, были поистине золотыми. Уж кого, как не его, вся округа до сих пор помнит, как искусного мастера шорного дела.

Воскресным днем

Какой житель деревни не знает, чем пахнет воздух по первым заморозкам? Особенно по воскресным дням? Знает любой. А для тех, кому не довелось этого почувствовать, я объясняю.

Воздух в эти дни стоит пропитанный запахом паленой щетины и пронзительными визгами. Это повелось испокон веку, и никто из деревенских, пожалуй, еще не миновал участи: по году,

а то и по два ростить, кормить, ухаживать за своей утварью, а потом, хочешь не хочешь, – надо забивать…

Вот в такой-то морозный день сосед Иван пригласил соседа Леньку подмогнуть заколоть полуторагодовалого борова. Тот охотно согласился: после такой работы причитается «законная» под свеженинку (это тоже испокон). Договорились. Ленька оделся во все старенькое, взял паяльную лампу, но величиной в локоть и прихватил бутылочку самодельной, – градусов под семьдесят – у соседа жинка скуповата на это дело. Пошли к Ивану, тот еще не полностью был готов к предстоящей работе. Прежде чем войти в дом, Ленька тщательно заткнул свою за пояс.

– Каво делаешь-то? – заметил хозяин.

– Это на потом, день только начался.

В доме Иван, одеваясь в надлежащую одежду, как бы между делом, спросил Зойку – жену свою:

– Мать, ты не вырешишь нам с Фроловичем по маленькой? А то день-то больно морозный, – не застудиться бы…

– Вам все одно: морозный он или жаркий, лишь бы причина была.

Однако достала из-за предпечья бутылку с мутноватой жидкостью, выставила на стол два стакана и соленые огурцы. Хоть эта оказалась послабже Ленькиной – пошла хорошо. Пить половину из наполненного до краев они не умели. Крякнули. Закусили. Пошли во дворик.

У сарая оба остановились. Фролович достал из-за пояса брюк свою бутылку, а предусмотрительный хозяин кусок хлеба и немного сала. Пристроили все это на столбике, за который прицепились ворота своими шарнирами, и начали «последнюю подготовку».

Через некоторое время опорожненная посудина, куртыхаясь в воздухе, полетела за сарай. Мужики были готовы…

– Во-от! Так оно будет ловчей. – Лицо Ивана покосилось. Его всего передернуло.

– Да уж… – ответил Ленька. (Он мастерил веревочную петлю) – А дюжой боровок-то?

– Дюжой?! Какой там… Пудов на двадцать, больше не потянет.

Но тот не обращал внимания на приведенную цифру – он редко когда что-либо считал. Сам из фронтовых, худощавый, со вставными челюстями мужичок, он напоминал ветку сухой картофельной ботвы. Иван же, в отличие от своего соседа, о войне знал немногим больше семиклассника (сам тогда еще под стол пешком ходил), и своими зубами, на спор, он поднимал свою старшую дочь – здоровую девку за ремень, и мог поставить стул

вверх ножками, уцепившись зубами за спинку.

– Ну, что? Однако айда?! – не то спросил, не то скомандовал хозяин.

– Айда…

Друзья, покачиваясь, направились к двери сарая.

– Я пойду туда – шугану его, – с этими словами Иван, оставив двери открытыми, вошел внутрь. Фролович с трудом разложил петлю у самого порожка, уперся ногами в мерзлый коровий отход, покрепче намотал на руку конец петли, прислонился к стене, – ждал. Ждал, когда тот шуганет. И тот шуганул.

– Ну-ка, давай-давай!.. Ну! Иди. Иди, иди, Боренька… – и еще что-то в этом роде доносилось из сарая.

Осторожно, задевая боками косяки, громко хрюкая и фыркая, боров вывалил свое огромное розовое тело на мороз. Завидев это «чудовище», Ленька съежился, глаза его заморгали чаще, казалось, вот-вот повиснут на переносице… Ему стало ясно: никакой это не Борька, – это Борис! «Дело – дрянь», – подумал он. А тем временем невероятных масштабов животное переставляло свои короткие, но толстые ноги по петле. Фролович отогнал дурные мысли, когда в петле оставалась одна лишь левая нога. Он собрал и без того покидающие его силы, выкрикнув что-то громкое и дикое, резко дернул веревку на себя! Все было мгновенно… Борис, испугавшись, рванул и… началось!

…Ленька, как подкошенный, слетел с ног, а боров, с визгом подпрыгивая, мчал его по мерзлым говяхам, разметанным по всей территории прогона. Пастушьим кнутом Фролович скользил по окаменелым кочкам, ударяясь о них головой, которую с первых же секунд оставила шапка… Он стонал, охал, матерился… Борис, пронзительно визжа, бежал от этих криков и нецензурщины…

Иван спешил на помощь: он бежал следом, перепрыгивая через волочившегося друга со стороны на сторону, пытаясь ухватиться за веревку, но на такой скорости и при таком состоянии сделать это было почти невозможно. Он тоже матерился.

От жестокого и частого содрогания головы у Леньки вывалились обе челюсти.

– Селюсти маи-и!.. Сселюсти-и..!

– Держись, Алексей!!! Щас я его оховячу-у!..

И он держался. Иван пыхтел и тяжело дышал. На ходу он выхватил из-за голенища нож. Чувствовалось, что он готовился к решающему прыжку… Но! Самогон дал о себе знать: Иван споткнулся. Потеряв равновесие, как подранок, он описал несколько кругов в воздухе руками. В одном из взмахов у него выскользнул нож, и, блеснув в лучах ноябрьского солнца своим

лезвием, вот-кнул-ся… прямо… под хвост невинного животного!.. Борис, потеряв даже способность визжать, издавая непонятные звуки, рванул к двери сарая, перепрыгнул через приступку… Только тут, ударившись головой о приступку, Ленька затормозил, – веревка оставила его руку!

Держась за голову, с помощью своего спасителя, он отыскал свои челюсти, вытер их о фуфайку и сунул в рот.

Упоминая каких-то святых, он, проклиная это воскресенье, пошел прочь со двора… А зря ругал: день был на редкость чудесный! Светило доброе солнце!! Лучи его озаряли и двор, и сарай. В сарае, исходя кровью, дико визжал Борис, у сарая, глядя вослед другу и опустив руки, стоял его хозяин и не менее дико матерился…

Мечта

Деревня наша вроде обыкновенная. Как и многие другие на Алтае. Казалось бы, ничего особенного. Но это только, казалось бы. На самом же деле все гораздо иначе, все по-особенному.

Люди… Люди, которые представляют собой не просто численность населения, а являются той самой основной, главной характерной достопримечательностью. А жили эти простые и в то же время необыкновенные люди в своих разнокалиберных домишках, которые вытягивались в длинные, узкие ленты-улицы. Ленты эти тянулись вдоль широкой могучей реки Обь, которая именно здесь и брала свое начало. Правда, начало ее скорее можно назвать слиянием: бурная, строптивая горная Катунь и кроткая, степенная озерная Бия соединили свои воды в единую величавую Обь, на левом берегу которой и расположилась эта наша деревня. И, если правая, Набережная, своими огородами чуть ли не касалась воды, – то левая, третья и последняя, как по порядку так и по счету, заблудилась в лесу и получила соответствующее название – Лесная.

Вот эта Лесная-то и являлась той самой основной достопримечательностью. На улице этой, в сорок с небольшим дворов, и жили, в основном, те самые простые, необыкновенные…

В памяти моей до сих пор сохранились портреты некоторых из них. Вот один из них:

Иван Данилович Кураев.

Среднего роста кряжистый мужик, с доброй-предоброй улыбкой на щекастом, с маленькими карими глазками, лице. Темные прямые волосы небольшим чубчиком смотрят в правую сторону… Одним словом – это сама доброта земная! Доброта и любовь!.. Любовь ко всему живому, к жизни самой, какие

«номера» она бы не выбрасывала. Любовь…

И была у него давняя, уже не сбывшаяся, мечта быть… машинистом на локомотиве, или, как он сам выражался, паровозником. Мечтал с самого детства. Мечтал и теперь… Но теперь ему было не пять, а ровно в десять раз больше. Правда, были слухи, будто он, Иван, чуть было не стал паровозником. Но опять же, было это очень давно – еще во время войны. Будто Иван (в то время еще Ванька) жил тогда в городе Б., что за рекой, недалеко от железной дороги в каком-то бараке и сосед по бараку, машинист, иногда брал его с собой в качестве помощника. С ближайшей станции надо было подтягивать составы с горючим. Туда и обратно набиралось-то всего не более пятнадцати километров, но для Ваньки это были походы!.. И как будто довелось-то ему проделать не больше десятка таких походов. Всего-то. И, может быть, совершал бы он свои походы и до сих пор, да мать Ванькина решила оставить этот город и переехать за реку. Ну, а поскольку железной дороги здесь не было, стал Ванька… трактористом. Пусть не очень, но все же похож на паровоз.

Тракторист из него получился отменный! Да вот беда: никак не мог он не вспоминать о своих походах по «железке»… И при первом же случае, которые не так уж и часто представлялись, рассказывал разные случаи из «паровозной» жизни. Рассказывал с большим забвением. Иногда, когда его хорошо слушали, он, закрыв от удовольствия глаза, на одном дыхании мог рассказать целую историю. Обычно это были выдуманные им самим истории. Выдумывал на ходу! Да так, что слушавшие его, в прямом смысле слова, раскрывали рты и глаза их округлялись… И только мы с Витькой – его сыном и моим другом, уже давно ничему не удивлялись. Но однажды…

В доме Кураевых было слишком шумно и очень душно. Где-то в дальнем углу местный гармонист Вовка Головин подбирал на своей коронной трехрядке «Тонкую рябину». Кто-то выкрикивал тосты:

– За невесту!!!

– За наш-ш-Надю-ушу!!!

– За счастье молодых! За их здоровье!

– Детей, Володя! Детей, побольше!!! – крикнул кто-то в адрес жениха и захохотал как-то странно, как крупный град по деревянной крыше… Народу было много. Все сидели там, в большой комнате за длинным свадебным столом. А здесь, на кухне, сидели и стояли мужиков с десяток – все слушали Ивана Даниловича. Тот, уже изрядно захмелевший, как и было запрограммировано, рассказывал очередную историю. Все, вроде,

как обычно, но… перегнул Иван.

– Шел я тогда на Ташкент, – начал Иван, – надо было платформы с оружием там… с припасами разными доставить. Ну, только мы отошли от города, как вдруг!.. перед самым паровозом по линии идет какой-то парень! Кх-хы, вот, парень… (В процессе разговора он всегда кхыкает и воткает. После каждого «кхы» следует «вот», и так на протяжении любого его монолога. Не по болезни, просто прием у него такой.) А я же не могу одним махом состав остановить! Ну, давай сигналить ему, кх-хы, вот, сигналить!.. Не оборачивается, – идет, во-от, идет. А помощник мой, Ванька Шапкин, говорит: – «Дай я его с дороги столкну, выскочу, вот, столкну. Ну, я говорю, давай! Только быстрей, – говорю, – а то обоих ухайдокаю! Кх-хы, вот, ухайдокаю… Тот, значит, спрыгнул, забежал вперед, догнал парня-то этого, да, кэ-эк ошабурил!!! Кх-хы, вот, ошабурил… (резко нахмурив брови, тем самым придавая сюжету его неповторимость, посмотрел на мужиков. Все идет хорошо – все разинули рты. То, что надо).

– Батя, – вдруг прервал отца Витька, который был здесь же, – батя! А в каком году это было? – с усмешкой спросил он, стараясь придать иронию его рассказу.

– Я-а точно уж не помню, – как-то нараспев заговорил тот. Ну, где-то, годов… тридцать назад. И будто от чего-то опомнившись: – А твое-то какое дело? Кх-хы…

– А такое и дело, батя! Я комсомолец. И прощать за проступки я не имею права никого! Понятно?! – Витька покосился на зевак и, подмигнув незаметно для отца, добавил твердо. – Даже если им окажется мой отец! Вот какое мое дело, батя.

Все прекрасно знали, что батя сочиняет, но никто и никогда не перебивал его. Всем было интересно. Устал деревенский мужик от забот своих, которые не покидают его даже в выходные дни. Скотина, – она выходных не признает. А за ней ухаживать надо. Поэтому ему, мужику… много ли ему надо?… Стакан пропустить, да поговорить. Тем более всем нравилось, как он – Иван – искусно сочиняет. Всем нравилось.

– Ты еще помет от желтой курицы! – вдруг застрожился Иван. – Вот… помет… И мал еще судить отца!

– Ну помет не помет, а судить, батя, имею право, – спокойно среагировал Витька (он знал, как бы отец ни строжился, – никогда не поднимет руки. Такого не было еще ни разу в жизни). – Как комсомолец и гражданин, – он опять подмигнул толпе, которая стала заметно расти, и продолжал: – А ты знаешь о том, что Шапкин твой уже отбывает свое?!

– Чего? – не понял тот.

– Да все того же – срок отбывает! – Он снова подмигивает.

Мол, еще не все, слушайте дальше.

– За что? – спросил наивный Иван. Он действительно, в силу своей замкнутости и безвыездного образа жизни в деревне, доверял сыну, который как никак, заканчивал первый курс института, – учился в городе на учителя. – Откуда ты это взял-то?

– Оттуда! Откуда!.. – Довольный тем, что батя «клюнул», продолжал: – А ты знаешь о том, что до сих пор второго ищут? А?..

– Кого? – совсем ничего не понимая, спросил тот.

– Тебя, наверное. Кого же еще?! Не кулаком он его, – Шапкин-то, а ключом, батя. Вот так… – Витька сиял.

– Да ты чего языком-то трясешь? Чего?..

– Да все того же… – с наигранной серьезностью произнес тот.

Батя окончательно растерялся. Позиции сдавались сами по себе.

– А я-то при чем тут? Ванька ударил, – ему и ответ держать.

– Да… но послал-то его ты. Ты толкнул его на преступление!

А парня… парня нет… – Интонируя скорбящие нотки в голосе и переходя на шепот, продолжал: – Кому ты – мой отец – можешь теперь свою непричастность к этой гибели доказать? Чем ты докажешь? Че-ем? – Витька играл роль следователя. Играл отменно. Прям само правосудие. Казалось, вот-вот скажет: «Этот обвиняемый – мой отец. Я отказываюсь вести дело и прошу передать его в руки другого следователя».

– Да ну тебя, – уже совсем неуверенно отозвался отец.

– Нет, ты всем скажи! Всем!

Обстановка приобретала сугубо юмористическое настроение. Стали слышны тихие похихивания. И только двое: отец и сын, оставались быть серьезными.

– Да отвяжись ты! Ничего я не буду говорить. Нечего мне говорить… – раздраженным тоном воскликнул Иван. – Во-от.

– Тут групповая, батя. А скрывать тебя я не буду! Завтра же пойду в сельсовет и доложу участковому все как есть.

– Да если бы он изнасиловал кого? То что? Мне может за него в тюрьме сидеть?? Кх-хы…. вот, в тюрьме…

Хихиканье мгновенно перешло на откровенный смех. Батя посмотрел на зрителей: – Чего ашшэрились-то? Э-э, э-э-э… Тьфу! – он плюнул на пол. Да так звучно, что стало всем ясно – Иван вложил всю душу. Завелся…

– Хватит тебе, Витька! – сказал кто-то из гостей с упреком.

– Нет, – твердо возразил тот, – пусть ответит! – Витька так вжился в роль, что на разразившийся вокруг него хохот не обратил ни малейшего внимания. – Перед законом. Перед народом…

– Ну, Витька! Хватит тебе – все мозги уже вывихнул! Ни перед кем я не буду отвечать, вот, отвечать… Ишь, ты, законы?! Знаем законы не хуже вашего…, кх-хы…. вот, не хуже… И стращать меня не надо! Вот… Уже стращщенные. Кх-хы… вот, стращщенные…

– Да хватит вам, уже не смешно.

– Кончай гастроли, Витька!

– Мужуки! Посмеялись маленько и будет. Завязывайте это дело… – не то просили, не то советовали мужики.

Смех совсем прекратился. Сцена потеряла интерес. В этот момент на кухню вышла Витькина мать, жена Ивана: заполошная, крикливая и не по годам подвижная баба.

– Ты, скорлопердла, до каких пор будешь людям бошки морочить?! Всю свадьбу вокруг себя собрал, паровозник чертов! Ты пошто такой есть-то?!.. Душа твоя мазутная!.. Все люди – как люди…, а ты-то пошто такой? – и пошло, и пошло… Остановить ее в таких случаях было невозможно. Иван знал об этом. Еще он знал, что говорить в этот момент ничего не надо, – может быть еще хуже и можно испортить праздник. А портить нельзя… Уж слишком большой он, праздник-то.

– Уйди лучше с глаз моих, скорлопердла! – не унималась баба.

– Ну ладно, раз долдонилась… кх-хы… вот, раздолдонилась… На «КА-700» теперь не остановишь… Да ну вас.

Он вышел во двор. Был апрель, небо было звездным и каким-то близким-близким. Вовсю пахло весной! И воздух… Какой стоял воздух!!! Иван вздохнул. Глубоко вздохнул… Носом. Чуть попридержав, вытянув губы – выдохнул. «Э-эх, сладкий какой!..» – подумал Иван. И ему вдруг показалось, что воздух этот – его, Иванов! И что не принесенный он – воздух, какими-то ветрами, а выращенный им, его руками здесь, – на огороде. И вот теперь будет дышать им сколько влезет; и весну эту, что еще осталось, и все лето… До самой осени! И уж в этом-то никто его не осудит. Никто не запретит… не имеют права. А может, у кого-нибудь из соседей кончится и кто-нибудь из них придет к нему, скажет: – Так и так, мол, Иван Данилович, дышать совсем нечем, – помоги! Бога ради, займи!.. – И он, простой деревенский тракторист, просто так, безвозмездно даст воздуха какому-нибудь учителю… или… бухгалтеру… Да-а кому угодно!!! Валентину Вязьмикину, например. А то заладили – «дурак», да «дурак»… А человек он хороший – я работал с ним, знаю. Дал бы… Не задумываясь!., была бы только нужда.

Он достал «прибоину», закурил. Даже жалко стало воздух… Он разогнал дым рукой.

– Ничего… он-то поймет меня, своего хозяина, а вот они… –

Он кивнул головой в сторону своего дома (оттуда уже доносилась трехрядка, сочувствуя страданиям тонкой рябины, кто-то глухо выстукивал каблуками плясовую, на кухне мужские голоса неровным строем выводили «…Из-за острова челны Стеньки Разина…» – свадьба рвалась на улицу, на простор). – Они никогда понять не смогут… кх-хы… вот, не смогут. Э-эх! Махну-ка я в следующий отпуск в Ташкент! Отведу посевную… и махну! Пусть без меня тут попробуют… А я посмотрю – как оно?! Дышаться-то будет!.. Своим-то воздухом?.. Дали бы отпуск… Только дали бы!

Он любил свою семью. Сильно любил. И крикливую жену свою Зойку, и трех дочерей, и единственного сына своего Витьку… Всех любил. Витьку, правда, чуть больше, он мужик – продолжение фамилии, значит…

А на пассажирском поезде он действительно никуда и никогда еще не ездил. Хозяйство, будь оно неладным… Он бросил окурок, тщательно втоптал его в изгложданный за день солнечными лучами снег сапогом… Направился в дом:

– Кх-хы, отпуск… вот, отпуск…

Он мечтал… И он поедет.

ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОЕДЕТ!!!

Письмо

Письмо это получил молодой, но бородатый искусствовед Сашка Наумов в октябре – ровно через месяц после «разведпоиска», как он сам называл свои творческие поездки по деревням разных областей с целью выявления народных умельцев, сумевших как-то сохранить творческие наследия своих предков. Писала поделочница глиняной мелкой игрушки-свистульки бабка Феня из Белгородской области.

Письмо это резко отличалось от тех, предыдущих, которые приходилось Сашке получать довольно часто. В тех чаще речь шла – о «помоги», о «выручи», о «посмотри»… – одним словом, от ходатайства до резины к «Запорожцу». Такие «весточки» Сашка и читал-то через строчку. Он ждал чего-то живого, настоящего, теплого. А от общения с бабкой Феней у него душа струной вытянулась. Отобрав для выставки несколько десятков ее игрушек, он строго наказал ей тогда написать ему в Москву, во что сам, по чести, не верил. «Стара-то я уж и грамоты не разумею», – ответила она. «А вы диктуйте внуку – он у вас ученый – в пятый уже идет», – ответил тогда Сашка. И все же не верил.

Сам-то по приезде в Москву написал ей, а на ответ и мысль не наводила. А тут – на тебе – письмо от самой бабки Фени. Аккуратненько вскрыл потертый толстенький конвертик

(специальным ножичком), развернул три тетрадных листа, с двух сторон ровно исписанных детской рукой. Пробежал глазами по первой верхней строчке, затем по второй, потом дальше и дальше, да так и забыл про свое «святое» дело – трубку, которую, когда читал что-либо, не вынимал из зубов.

Оно не повествовало, это письмо, не кричало, а скорее пело, пело не поставленным голосом, не профессионально, но чисто сердцем.

И представилась Сашке та далекая деревня Кожля, о двух комнатушках домишко, который, как глухарь на току, растопырил крышу до самой земли и кажется вот-вот начнет кружиться и кланяться…

В том уголке, где больше света, сидит у стола бабка Феня и, подперев голову кулачками и глядя в никуда, диктует внуку своему, диктует, диктует, диктует:

– Добрый день и веселия час, Александр по отцу не ведаю покуда. А охота вас навеличать Святодельевичем, по то как дело ваше святое для меня и как я если ишо такие то не приведи господь, если и они так живут. У нас уже давно нет, как я. А я как в плену: ни по-городскому, ни по-деревенски. Стою как над обрывом. И денежный кризис в меня тоже весь исчез. Я послала вам игрушки свои доведенные до чести и жду, когда почтой вы пришлете мне какие деньги.

Ну, а внук-то мой уж шипко рад, что вы ему привет прислали. Шла я еще с бураков с глиной, а он меня все выглядывал, чтоб сообщить о вашем письме. – Ой бабушка, мне как привет тут друг мой прислал вот иди глянь. О, господи и что жа там за друг, да дядя Саша москвич. Ну слава Богу, надоел мне уже. Ну бабушка возьми и прочитай мне мой привет от друга моего. Ну я ему так говорю привет. Нет, не так. Ты вот возьми письмо в руки да ты не туда глядишь, а в потолок. Вот сюда гляди. Тогда мне будет хорошо. Читай уже что ли, а я буду слушать. Да я только большое печатанье могу тихонько-тихонько по буквочке, а это никак не раскладу по мыслям. Сам читай. Прочитал все и привет свой даже два раза. Ну ложись быстрей. Завтра мы писать будем. И сегодня это завтра и пишет он а чернила радостью отсвечивают так заметно аш. А ложился-то, когда велела, да взял гармошечку поломанную, вздумал свой любимый расказ о Павке. Кажись книжка, сказание о танкисте выучил на изусть, как воевал, как мост взял смелостью своею, и вот наигрывает как никак, а сам подпевает этот печальный расказ. Вы спрашиваете в меня дела. Вот такие в меня дела, что это вся карточная игра. А я карты в руках не держала. Вот теби и да что это будут дела. А еще дела да беда, что я одна. Не в кого нынче чего и спросить. Вот сидю все

верчусь на стуле в холодной хате потому что тут свет есть, а там нет. Включателей нема. В лектрика може и есть да к нему нельзя подлезть. Неначем. И вот гляну на потолок, а матица мне говорит спроси ты лучше у окна. Окно отвечает в меня не спрашуют, а смотрят. Вон дверь. Я к двери, а та мне говорит есть на то школа, но от тебя закрыта – ты стара. Даже так сердита. Сядь вон как сидишь да сиди думай как твои дела. А дела все шагают, все ломают да в кучу глину складают. А картошки нечишены в миске стоят и плачут что я про них забыла и даже не помыла. И дела мои игрушки еще старое название им свистуны чи мои чи твои. Я их тыщами делала на печку сыпала и отправляла по городам. То в Курск, то в Рыльск, а то и на Белгород. А помнишь сказал как поехали со мной в Москву – а я испугалась и к окну. А с чем же я поеду. Вы почитай, дай вам господь приуважили гостинцем о колбаски и канцерве всякой. А я картошкой не совсем дурна к вам да и совись не пустит. Я сейчас от того кусочка отщиплю и под язык и все так долго про вас добром помню. А с вашими игрушками что задали морока приключилась. Вот слеплю поставлю, а она мне говоря нет не так поставь и начинай снова. Ох так и долго я их робила пока они в меня не заговорили. Хочь и не все а кое-что сказали хотя они и не живые а в печке свое смотрят и говорят со мной даже кричат нам тут хорошо жарко нам еще надо чтоб ты нас пожгла, а ты смотри пали нас получше. Вот Саша какие они в тебя сердитые. Им то надо знать што и печка плоха и дров то нет. все дрова так за глиной и проходила. Тут чуть снег привалил. И как стрекоза точь в точь осталась потому что без дров. А председатель молодой не наш в доме новом и сказал по то что мало в деревне робила и ищи дрова точь в точь как иди да попляши. Вот и пляшу как говорится шутя со шкафа на пол и обратно. А как потянуло холодом чуть так в той комнатушке на кухне угол так и задышал глиной прямо залеплю его, а он все одно на меня пых да пых холодом своим. Наверно закрою ее навовсе. А то уже тут ночью смерть меня разбудила.

Ты спишь, а я к тебе пришла.

А мне то уж так надоела. Что тебе нужно от меня?

Рука то в тебя замерла? Это я тебя так мну.

Иди ты ко всем чертям от меня, а спасть хочу ужас. Я встала с полатей а она сзади, вот эта противная дама, смерть моя. Стала я вчерашнюю даму доделывать куклу ночью – как не давал мне кто руку как помяли. А она сзади дышит так со свистом как мои игрушки что не удалися. Зато утром сразу получилась красивая кукла.

А еще тогда как вы в меня были пока игрушки мои в руках прям подплясывали и ловко выходили а как отъехали – так они

сразу угасать стали. А вы пишите всегда радуйте их свистульки мои и они лучше свистеть будут они же что дети малые. Я на вас Саша не обижаюсь только все одно скажу что понапрасну вы без согласия моего ходили тут в совет чтобы насчет мне какой помощи. Вас они видно боялись, а как отъехали они меня и выстыдили на деревне, да так что соседи прознали. Смеются с меня что защитника в Москве нашла. Я же в деревне мало робила, только в кочегарке – там невидно было. Ну я не обижаюсь на вас. Вы по мысли моей хороший человек. Время свое на меня колоду безумную не жалеете. Это радостно мне и очень подуше. А то что это вышло с советом так это получается тоже от чего-то другого, а плохого всегда бывает много. А они не хотят мне плохо. Они с государством работают. А я само. Вот и выходит, что надо так. Да Саша я вот вернусь к офицеру. Я его с мужа что и был у меня один тогда давно давно лепила. Как тогда да хорошо меня тряхнул пьяный, что я оказалась сначала в больнице а потом в милицию попала. А там люди умны и велели убраться ему в 24 часа туда откуда ему писала дама тайные письма. А умирал говорят там так пришел не трезвый лег в коридоре что спит. Она перешагнула пусть так спит и он все спит и спит и спит… И превратила я его с мертвого в живого. Положила сохнуть вместе со зверями. Он как проснулся глянул что со зверями лежит рассерчал на меня. А я сижу крашу лису что на виноград смотрит и покрасить ее надо так плутовато плутовато и виноград что есть захотелось прозрачненько чтобы. А я ведь не художник. Я смотрю, а у него прилепок то офицерских нет на плечах. Сделала быстренько. От так добрее стал и лек опять ладно что со зверями. Еще выскокло тут сравнение людей со зверями. Особенно хорошо получилось в квочке ну наседке. Я ее даже сравнила с государством. Вот как партия любит своих людей, так и она своих ципляток. Только бы не рубили им головы когда подрастут. Я уж ох как сильно против того что рубить.

Вы мне Саша желаете покоя. А их бывает 2 покоя. Какого же вы мне желаете покоя. Вечного покоя или живого? Вечный мне не нравится. Я хочу настоящего покоя. В меня его к сожалению нет уже давно. Заменили мне мой покой бессонные ночи. Зачастили ко мне появляться. Волос почти весь вычесала из головы оттого что нет покоя у меня. Хотела я купить себе хорошее настроение с энергией. Тоже нет нигде по магазином. Нет ли у вас для меня хоть бы грамма два-три. Ты знаешь где, а вот мне не говоришь почему-то, пришлите мне в конверте немножко. А унесла лисичка с котиком, чтобы ее догнать и отнять бы у плутовки мое настроение с хорошим покоем.

Вот и получается у меня как во сне какая то литературная

связка для сказки. Не могу коротенько писать я никак все виною да много ну вот пока все. Досвидания.

Кланяйтесь своей семье.

И внук мой что ваш друг кланяется. Он вас признает за министра пусть говорит дядя Саша даст хватеру в Москве. Я там буду… Он так то обрадовал меня вчера после вашего письма. Прям день весь расписывал игрушки. 20 игрушек расписал. Не надевши штанишек сидел, и не завтракал. Я и тем и другим зазывала. – Не перебивай. – Брось говорю потом докрасишь. – Нет, не к чему теперь бросать. Не перебивай. Одним словом паренек на деле. Мне очень хочется чтоб он не бросил игрушку, чтоб его знали умные люди как вы и внимательные, если я умру. А он не любит ссор до нужной цели. Главно чтобы ему ниспослал всегда в жизни таких как вы отзывчивых людей, не так как мне на старость. А я и то вам рада до одури. Оно и хорошо будет.

А чужими слезми я не хочу жить как у нас живут. Пусть меня никто не любит и не поймет потому что я так живу, но я лучше умру только буду жить до конца своим копеечным трудом.

Ладно. Пока все. До свидания. А то утро. Время уже не мое.

Из популярного
С голоса артиста

Из бани

Рассказы эти без названия. Просто, знаете, по сюжету, то есть, по обстановке. Те какие-то моменты, сюжеты, которые наблюдаешь из жизни, они остаются в памяти. И вот такая была интересная обстановка, когда однажды, в участке, милицейском участке, мы присутствовали…в качестве гостей, правда. И вот, в это время доставили одного задержанного, паренька такого местного, который, как выяснилось, шел из бани, никого не трогал, по берегу реки шел, отдыхал. И вдруг его неожиданно совершенно и ни за что обидели… три раза. Он тоже обиделся… один раз. И все. Вот, забрали его в милицию, такой вот паренек. Грузчик из Рабкопа он такой, Серега Бугаенко его зовут, он БУГАЕНКО Серега такой, а, правда, очень БУГАЕНКО, очень такой. Ну, такой он, простой, добрый такой, пальцы как микрофоны такие, наш человек такой, Серега. И вот, представьте себе, что монолог из диалога такой. То есть, вы все участковые, а я один Серега такой, без вопросов, одни ответы, значит, пошли….

Г-рю, я не знаю че рассказывать, че рассказывать-то, я не знаю… Йе-ех. Не знаю даже че рассказывать-то? Че рассказывать? Все ясно. Че рассказывать? Ну не знаю даже, че рассказывать…

Шел из бани, да и все. Че там рассказывать-то? Никого не трогал. Я ваще всегда после бани никого не трогаю… Не-не знаю… привычка што ли дурацкая такая… Всегда… И главно, отец у меня тоже… никогда никого не трогает после бани. Мы всегда с ним….Мы с ним на разных концах, эта, деревни живем. Он на том, эта, конце никого не трогает, а я на этом… *(Смех зала.)*

Мы всегда с отцом… как суббота, мы с ним в баню сразу – р-раз и идем… Эхх… Не знаю даже, че рассказывать… Я полотенце повесил на шею, иду себе спокойно, отдыхаю. Эт самое, сохну постепенно… Морда…морда кра-асная такая, ага, главное она у меня после бани кра-ас-ная. И я не знаю главное, у отца не красная, но… на себе посмотрю – весь не красный, а морда кра-асная…

Я не знаю даже, че рассказывать? Эхх… Че рассказывать?.. Я всегда, как суббота, в баню сразу – р-раз… и все!!! Главное, это, бабы даже в другой раз видят: я в баню пошел, на фиг, суббота – все уже!!! Ну и, я иду, главное, ничего не подозреваю, настроение

нормальное… Чо? Башка сохнет, морда кра-асная, издалека видать, когда из бани иду… *(Смех зала.)* издалека. Эт самое, чистый абсолютно весь. Я всегда после бани чистый, а че?…

И я вот, смотрю, там это березник, на берегу березник такой, ну рощица березовая такая. Березовая рощица, там деревья всякие березовые растут… И я смотрю – наши пацаны там между деревьями бегают, суетятся че-то с этими, городскими. Те на лодках, ну… из реки приплывают. Ну, у них там мероприятие такое в этом березнике. Не знаю, че они постоянно там после этого… указа этого… У них с двух часов стали продавать, а у нас почему-то забыли, и с одиннадцати оставили. И началось это. Н-наши пока с утра откосют-косют, литовки бросют, приходят в деревню – а там НЕТ НИЧЕГО!!! Все городские выпили… к-козлы!!! Вот у них там, эти, мероприятия, а мне-то че? Я в Рабкопе работаю, у меня ж дома всегда все есть, че я буду драться? И я пошел спокойно мимо, посмотрел, что нормально, хорошо дерутся, думаю, че я буду связываться, чистый весь… а они там пыль подняли такую…

И я прошел, главно, буквально, слышу – сзади шаги такие, эт самое, – дын-дын-дын. Поворачиваюсь, смотрю, ко мне какой-то парень бежит с этой, с деревянным веслом в руках… Ну, радостный такой. А я смотрю, это не нашенский парень, думаю, мож че спросить, мало ли? *(Смех зала.)* Не-а, ничо не спрашивал. Не спросясь, прям ка-ак даст по плечу веслом. У меня рука – брык!! Отсохла. Я стою, эт самое, здесь, я г-рю, здесь прям как хрустнуло… Вот здесь прям х-хрусть… и все!!! Р-раз – и поломалось пополам… весло… Ну он стоит, смотрит. Я г-рю, – ты че делаешь-то? Больно же… Иди, г-рю, отсюда. Он ушел… быстро…бегом. А я… стою. У меня настроения вся понизилась… Думаю, ничерта припарка после бани!!! Мне завтра на работу, а он мне всю руку отшарашил… Сам думаю, ладно, все равно завтра на работу. Пойду, г-рю, отдохну, у меня же дома есть… И, буквально, прошел, слышу сзади опять – дын-дын-дын. Поворачиваюсь – опять этот ненормальный со вторым, главное, веслом. Эта, радостный такой… Я еще эту сторону убрал, чтобы не во второй раз-то. Он сюда мне ка-ак дал. У меня опять – р-раз рука, и я ее поднять не могу, чтобы показать, что он ненормальный… *(Смех зала.)* Я г-рю, ты чаво делаешь-то? Второе весло уже сломал!!! *(Смех.)* Самое… чем теперь грести-то будешь??? Отсюдова??? Тама, иди давай!!! *(Смех, аплодисменты.)* Он как бы ушел.

Я стою, вообще, вся настроения упала… и…. завтра ведь на работу. И пошел себе спокойно. И слышу вдруг, опять сзади – дын-дын-дын… Эт самое, поворачиваюсь – то же самое, ну,

картина, только весло-то ДЮРАЛЕВОЕ… Я г-рю, ты че, в натуре, совсем наглость потерял?! Она же не ломается, только гнется! А мне завтра на работу!!! Асам стою, думаю, хорошо, что я попался, другого бы убили бы давно… И еще, это… *(Смех, аплодисменты.)* И еще, думаю, вдруг по голове? – взял да убрал в сторону… А он рядышком с головой к-а-ак дал!! Ну больно… е-п-р-с-т!!! У меня прямо, эт самое, погнулось… весло в одну сторону, а шея в другую. А завтра же на работу…

Но потом у меня с непривычки темно стало в глазах, ни черта не вижу, вот так. И в потемках рукой так пошарил, пошарил, это, ЕГО НЕТУ! И не знаю, ушел, наверно. А потом прояснение началось, и смотрю, буквально возле тропинки береза – и растет. В смысле – росла! Я ее чето отломил возле корня. Взялся за этот, за тонкий конец и, короче… Не знаю, че рассказывать? Че рассказывать?… Загнал всех в реку, да и все, че рассказывать??… Там эт-о, наших пацанов штук 6 попалось. Все потом интересовались – че своих-то в реку загнал?… Какие-то странные. Как бы я их там сортировал-то? Мне завтра на работу!! Потом эти, прибежали с повязками, когда не надо, много налетело. Г-рят, в милицию пойдем? Я г-рю – пойдем, че, мне все равно по дороге. Я живу рядом, там че…

Лана, я пойду, мне завтра с отцом с утра еще надо сено покосить. Вы приезжайте лучше к нам отдыхать, у нас природа классная, и вообще мужики, спокойно, приезжайте, пока я в Рабкопе работаю….

Охота на Борьку

Небольшой фрагмент, где Серега, который шел из бани, тоже играет свою роль, значит, в этом спектакле. И вот небольшой эпизодик, где он рассказывает, как они с соседом Лехой забивали быка… Лехинового… *(Смех зала.)* Да… ну смешно. Ну Серега, как всегда. Он г-рит: «Да не знаю, собрались в смысле… *(вздох)* Леха собрался, в смысле, я не собирался, спал спокойно, сам Леха пришел в 8 часов утра, блин… Знал бы не пошел бы никуда с этим Лехой. Он поднял меня, это, главное, спозаранку, говорит, пойдем, у меня быка, г-рит, надо прибить».

Ну-у, я, че, я, действительно, сразу не понял. Г-рю, ты че? Г-рю, че так рано пришел-то? Ну он говорит, ах, а че, кто еще его, кроме тебя, удержит, быка же держать надо… Ну я, блин, знал бы, я не пошел бы сразу. Охх…

Ну стали, то-самое, пошли с Лехой готовиться, короче пошли. Ну, сначала у Лехи поготовились до пол-девятого, а потом у его кончилось, пошли ко мне, значит. У мине еще маленько так

нормально, ну-с, но потом как сказать, ну-с… Готовые уже пошли. Ну, Леха, прикольный такой мужик-то. Он… ух… на всю округу такой, ну, гы-ы, смешной такой. Он маленько заикается такой. Постоянно. Вот так вот. Ну-ну-ну заикается маленько он, Леха, постоянно. А, и, главное, он когда злится, начинает нервничать у него, в общем, бу-бу-бу, ничего не понять. Всю деревню уморил.

Недавно сам пошел, ну в магазин, ага. Приходит такой, ну, деловой, эт самое, а там девка молодая стоит – Зинка. А он ей говорит: Зина, дай, г-рит, мне эт самое, ну бу-а-бу-в-как-этто-бу-а-бу-тылку водки и главное, ну и х-этой – х-х-х-х…. И у него, блин, буква Х никак не слетал с языка, застряло тут все, не может стряхнуть… А девка же молодая, она вся сразу взволновалась, г-рит:

– Че, дядя те Леша, че, тебе эт самое, халвы?

– Ага, ну хрен с… ну давай, этой, халвы, с моим, г-рит, языком хлеба не исть. Гы-гы…

Ну вот смешной Леха, ага. И тут тоже он меня уморил, блин, г-рит, ты, пошли к, ну, сараю, там в загон-то, он г-рит, я щас пойду Борьку шугану, ну быка Борькой звать… Молоденький, нормальный такой Борек. Четыре года, г-рит. Ага, блин, дурака нашел, я че не знаю, што ли? Выходит, только башка показалась, я думаю – ни хрена себе Борька. Это, г-рю, целый Борис… Больше меня, блин, а никого же нету больше в загоне. Леха не выходит. Ну надо че-то делать, прально? Я весь взволновался сразу, его так сразу за гриву так зацепил и, эт самое, за рога, но так, накрепко, так прям прижал его, он так-то бегает там, а здесь я его хорошо…

А Леха стоит, блин. Я г-рю, Леха, сволочь, бей, г-рю, Леха, бей!!!

Леха хватает топор – обухом, как даст, как даст!!! Г-рю, Леха, сволочь, если ты еще раз не в его лоб ударишь!!! Я его не удержу!!! *(Аплодисменты, крики «браво!».)*

Фильмография

1991 – «Воспоминание о «Коровьем марше».

Союзтелефильм. СССР (Россия). 63 мин.

Комедия.

Режиссер: Юрий Сааков.

Оператор: Н. Москвитин.

В ролях: Михаил Евдокимов и др.

Веселый и занимательный рассказ об истории создания фильма Г. Александрова «Веселые ребята».

1993 – «Про бизнесмена Фому».

Россия, СЛОВО (МОСФИЛЬМ), ЭКРАН при участии: ФЛЭШ КОРПОРЕЙШН, цв., 82 мин.

Комедия.

В ролях: Михаил Евдокимов, Нина Русланова, Владимир Кашпур, Михаил Светин, Виталий Леонов, Виктор Павлов, Александр Леньков, Игорь Ясулович, Людмила Иванова, Александр Числов, Александра Ливанская, Игорь Николаев.

Режиссер-постановщик: Валерий Чиков.

Автор сценария: Валерий Чиков.

Операторы-постановщики: Тимур Зельма, Борис Новоселов.

Художник-постановщик: Геннадий Бабуров.

Композитор: Игорь Назарук.

Продюсер: Виктор Глухов.

1993 – «Не хочу жениться!»

Россия, РОСКОМКИНО, ОРФ, цв., 85 мин.

Лирическая комедия.

В ролях: Евгений Леонов-Гладышев, Светлана Рябова, Михаил Евдокимов, Татьяна Догилева, Татьяна Кравченко, Виктор Ильичев, Ольга Волкова, Сергей Никоненко, Екатерина Воронина, Светлана Суховей, Ирина Чериченко, Наташа Громакова, Екатерина Шуляк.

Режиссер-постановщик: Сергей Никоненко.

Автор сценария: Аркадий Инин.

Оператор-постановщик: Сергей Зубиков.

Художник-постановщик: Владимир Гавриков.

Композитор: Георгий Мовсесян.

Продюсер: Геральд Бежанов.

1996 – «Аншлаг и К°» (включает телеверсию эстрадных выступлений артиста).

1997 – «Не валяй дурака…»

Россия/США, Театр Михаила Евдокимова, СОЮЗ-ВИДЕО, МОСФИЛЬМ, SHADOW STUDIOS (США), цв., 98 мин.

(Фильм закуплен 60 регионами на кинорынке в марте 1997 г. (лидер продаж). В ролях: Михаил Евдокимов, Сергей Агапитов, Валерий Золотухин, Ольга Остроумова, Лев Дуров, Юрий Олейников, Татьяна Кравченко, Александр Пятков.

Режиссер-постановщик: Валерий Чиков.

Автор сценария: Валерий Чиков.

Оператор-постановщик: Тимур Зельма.

Продюсер: Алексей Шачнев.

1998 – «Не послать ли нам гонца?»

Михаил Евдокимов сыграл главную роль и был продюсером фильма.

В ролях: Сергей Рубеко, Петр Меркурьев, Илона Беляева, Ольга Будина (…девушка по вызову), Михаил Евдокимов, Лев Дуров, Иван Бортник, Раиса Рязанова, Леонид Якубович, Ирина Розанова, Максим Коновалов, Александр Кузьмичев.

Режиссер: Валерий Чиков.

Дорожные приключения главного героя (Михаила Евдокимова) и его сумасшедшего друга (Лев Дуров). Добро и Зло, стрельба и погони, настоящая мужская дружба, смех и слезы и… любовь. Герой фильма – простой деревенский механизатор в поисках правды решил добраться до Кремля, аж до самого Президента. По пути он помогает многим людям, он всем нужен и всеми любим. В результате до Кремля он так и не добрался, а попал в «психушку», где и познакомился с местным Борисом Николаевичем…

2000 – «Старые клячи».

В ролях: Олег Комаров, Лия Ахеджакова, Валентин Гафт, Людмила Гурченко, Мамука Кикалейшвили, Светлана Крючкова, Ирина Купченко, Николай Фоменко, Михаил Державин, Нина Тер-Осипян, Роман Карцев, Галина Стаханова, Михаил Евдокимов, Михаил Полицеймако.

Режиссер: Эльдар Рязанов.

Сценарий: Эльдар Рязанов.

Композитор: Андрей Петров.

Музыкальная эксцентрическая комедия.

Трудные времена наступили для четырех неразлучных подруг. Совсем недавно – благополучные и уважаемые труженицы, они вынуждены теперь приспосабливаться к

непростым реалиям сегодняшней действительности. Остроумные и находчивые женщины, оскорбленные и униженные хамоватыми и наглыми дельцами, находят пути борьбы с новыми «хозяевами жизни»…

Дискография

2000 – «Отвяжись, худая жизнь!»

2000 – «Земляки»

2003 – Альбом «Байки после баньки» («Охота на Борьку», «Судьба», «Утки», «Прощание», «Из бани», «Золотые руки»)

2004 – «Отвяжись, худая жизнь» (другой альбом с прежним названием, где есть одноименная песня)

2005 – Михаил Евдокимов. Деревенские истории. DVD («Хрен», «За утками», «Дискриминация» и др.)

2006 – «Надо жить!»

Песни композитора Александра Пляченко на слова Анатолия Поперечного («Говорят», «Истопник Григорьич», «Эх-ма!», «Баня», «На троих», «Прости», «Домик у дороги», «Я ушел, я уехал», «Расскажи мне, мама, сказку», «Ах, отец…», «Жизнь смешная», «Иван», «Сны прокурора», «Я домой вернулся», «Все это будет», «Некогда жить»).

2006 – «Я вернусь…»

Песни в исполнении Михаила Евдокимова: «Алтай» (О. Иванов – Б. Бортасевич), «Верх-Обское» (О. Иванов – Б. Бортасевич) «Земляки» (М. Евдокимов – Ю. Цейтлин), «Катунь» (О. Иванов – Б. Бортасевич), «Баня» (А. Пляченко – А. Поперечный), «Некогда жить» (А. Пляченко – А. Поперечный), «Расскажи мне, мама, сказку» (А. Пляченко – А. Поперечный), «Одинокий волк» (А. Морозов – А. Поперечный), «Ах, отец…» (А. Пляченко – А. Поперечный), «На горе, на горушке» (Ю. Мартынов – С. Каргашин), «Я ушел, я уехал» (А. Пляченко – А. Поперечный), «Господа, не бейте зеркала» (А. Пляченко – А. Поперечный), «Домик у дороги» (А. Пляченко – А. Поперечный), «Помолись, мама, Господу» (А. Морозов – Л. Дербенев) «Все это будет» (А. Пляченко – А. Поперечный), «Я домой вернулся» (А. Пляченко – А. Поперечный), «Остановите землю» (А. Пляченко – А. Поперечный), «Я вернусь…» (Е. Мартынов – Р. Рождественский).

Использованная литература

Сын Алтая. Авторы-составители А.В. Попова и В.В. Пургина. Бийск, 2006.

Василий Морозов. Любовь любовью отзовется. Барнаул, 2007.

Публикации в периодической печати и материалы Интернет-сайтов.